

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskya1alexander.ru/> приятного чтения!

Собрание сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский

Воевода (Сон на Волге)

1-я редакция*

Комедия в пяти действиях, с прологом, в стихах

Пролог

ЛИЦА:

Нечай Григорьевич Шалыгин, воевода.

Облезлов, подьячий, товарищ воеводы.

Семен Бастрюков, богатый дворянин, бывший губной староста.

Степан Бастрюков, его сын.

Неустройко, ключник воеводы.

Бессудный, шут воеводы.

Неждан, земский староста.

Роман Дубровин, беглый посадский.

Влас Дюжой, богатый посадский.

Настасья, жена его.

Смирной и Дружина, посадские из лучших людей.

Несмеянов, старик.

Брусенин, Цаплин, Тыра, посадские из средних людей.

Баим, стрелецкий сотник.

Гришка Жилка, отставной подьячий.

Резвый, слуга Бастрюкова.

Бирюч.

Дворяне, дети боярские, посадские, стрельцы, служилые люди, воеводские слуги и всякий народ. Слуги Бастрюкова.

Площадь в городе. Налево ворота воеводского двора, несколько узких домов, в углу проезд в городские ворота, на заднем плане гостиный двор с лавками; за ним городская стена, которая постепенно понижается к правому углу. Через стену видна Волга и ее берег, направо, на первом плане, приказная изба, под ней лавки, далее, на небольшом возвышении, низкая каменная ограда и ворота с тремя каменными ступенями; далее спуск и видны крыши домов.

Действие происходит в большом городе на Волге, в половине XVII столетия.

Явление первое

Несмеянов, Брусенин, Цаплин и Тыра стоят против воеводских ворот. Посадские и народ в глубине. Выходят из ворот с посада: земский староста, Смирной и Дружина и становятся у приказной избы, ближе к авансцене; все им кланяются. Из приказной избы выходит бирюч, надевает шапку на длинную палку и поднимает ее вверх; ребятишки окружают его и смотрят ему в глаза, разиня рот.

Голоса

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865-1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Бирюч идет, бирюч! Снимайте шапки!
Бирюч

Слушайте-послушайте, государевы люди, старшие и меньшие и всякого чина люд, от мала и до велика! По великого государи наказу, ведомо вам буди, чтобы вы посадские и уездных всяких чинов люди и сотские, и пятидесятские, и десятские разбойников и татей и смертных убойцев и ведунов и всяких воровских людей у себя не таили и не держали и, имая их, приводили к воеводе. А буде ж вы, посадские и уездных всяких чинов люди и сотские, и пятидесятские, и десятские, забыв страх Божий и не помня душ своих, учнете разбойников и татей и убойцев и ведунов и всяких воровских людей у себя держать и таить и понаровки им чинить; а после того те воры и ведуны в сыску будут мимо вас, и учнут на вас говорить, что вы их знали и воровство за ними ведали, и ведая то их воровство, таили и их укрывали и про них не объявляли, и тем людям, кто таких воров учнет укрывать и у себя держать и воровство их таить, от великого государя быть в смертной казни, безо всякого милосердия, а дворы и животы взяты будут на великого государя бесповоротно и разданы в исцовы иски. (Идет к посаду, дети за ним.)

Тыра

Проваливай подале, мы слышали!
Брусенин

Не первый раз, не новая новинка!
Цаплин

Мы думали, что свежи, ан всё те же.
Земский староста

Разбойников и татей и убойцев
В посаде нет, разбойничья приезде
Не держим мы; так нипочто и кликать.
Смирной

Да кличь не кличь, немного проку будет,
Коль не ловить. По селам, по деревням
Разбойники и днем и ночью грабят,
По пустошам становятся станами,
Имать бы их!
Дружина

Твоими бы устами
Да меду пить! А кто имать-то будет?
Стрельцов у нас, людей служилых мало,
Шалыгину и на посаде дела
Довольно есть.
Староста

Ему бы и искать-то.
Смирной

Не до воров ему, поминки любит..
И сысканных-то в люди распускает,
Берет на них и сто рублей, и больше.
Дружина

А я скажу, что воевода сыщик
Лихой у нас. Он девок на посаде
Да по клетям добро как раз разыщет,
Не утаишь.
Смирной

Потянет, так без сыску
И сам отдашь, пустил бы только душу
Покаяться. Терпенья нам не стало!
Чему не быть, а надоть челобитье
Царю писать.
Дружина

Храни Господь, помилуй!
От рук его никто не упасется:
Воров берет из тюрем, научает
Поклепом нас, посадских, обносить.
Ты ничего не ведаешь, не знаешь,
А он по воровской язычной молвке
Берет тебя без сыску и пытается
Без царского указа, – мукой мучит,
Огнем палит.
Смирной

Да с пыток–то поминки
Берет на нас, на выкуп выпускает,
Испродает напрасно.
Дружина

Обижает
Два года нас. Довольно потерпели,
Пора писать и челобитье.
Староста

Слышу
Давно уж я, что надо челобитье
Царю послать, да только разговоры,
А дела нет.
Смирной

Москва нам дорога,
Доймет тебя московской волокитой.
Староста

Ну брат, ау! Коль завязалась драка,
Так не жалея волос. Во что б ни стало,
Уж только бы избыть его от нас:
Московские убытки разверстаем.
Дружина

Пойдем в избу: всем миром потолкуем.
Сберем голов, таможенных, кабацких.
Староста

Он солон им своим примётом, лезет
Во все дела.
Смирной

Да выборных обрать,
Кого в Москву отправить с челобитьем.
Дружина

А кто ж писать?
Староста

Дьячок напишет земский.
Опять бы нам губных.
Смирной

Не Бастрюкова ль?
Староста

Он нам родной, мы сами выбирали,
А воевод невесть откуда шлют.
Дружина

Да мало ль что: мы жили за губными,
Чего бы нам, и умирать не надо;
Так ссорились да воевод просили.
Староста

Теперь и близко локоть – не укусишь.
Ты подожди, еще губных мы вспомним
И всплачемся об них, да поздно будет.
Уходят на посад. Отворяются воеводские ворота, выходят ключник Неустройко с палкой и слуги с метлами.

Явление второе
Несмеянов, Брусенин, Цаплин, Тыра, Неустройко, слуги и народ.

Неустройко

Живей, живей! Сейчас пойдет боярин
В собор с гостями. Чтоб у меня кипело!
Зевать не дам; расправа недалеко!
(Грозит палкой.)

Примусь учить, так небу жарко будет.
Ворочайся, да живо! Мнется, словно
Медведь ученый.
Один из слуг

Как еще работать!
Гуляем, что ль? А ты возьми-ка метлу,
Да помети, чем лаять занапрасно.
Неустройко

Разинул пасть-то! Цыц! Не в дармоедах,
Не то что вы, живу у государя:
Я день-деньской, как отымалка, мычусь,
На части рвусь, куска недоедаю.
А вам одна забота: завалиться
Подальше где, что днем с огнем не сыщешь,
И спать весь день, пока опухнут бельма;
Мол, все равно, работай не работай,
Накормят даром.
Тот же слуга

Даром и побьют.
Тыра

Ну, видно, их не больно жирно кормят:
У нас в посаде только и воруют,
Что воеводские.
Несмеянов

Коль брюхо сыто,
В чужую клеть за ежей не полезешь!
Брусенин

Какие воры, страсть! Концов не сыщешь,
И ни суда, ни правды нет на них.
Тыра

Какой те суд! Вестимо, воевода
Своих людей оправит. Сам не кормит,
Харчей-то жаль, так воровским и сыты:
Чужой-то хлеб дешевле своего.
Неустройко

Ты, смерд, молчи!
Цаплин

А ты что за помещик?
Шут выбегает из ворот, держась за голову.

Явление третье
Неустройко, слуги, Тыра, Цаплин, Брусенин, Несмеянов, шут и народ.

Шут

Ой, ой, убил, убил, прошиб до мозгу,
Проклятый пес, паршивая собака!
Издохнуть бы тебе, как басурману!
И чтоб ни дна тебе и ни покрышки,
Поганому. У! Волк тебя заешь!
Неустройко

Что взлаялся, аль подзатыльник дали?
Шут

Тебе-то что, холопья образина!
И он туда ж
(передразнивает):

«Аль подзатыльник дали?»
Ай, батюшки! убил, убил, по темю.
Костыль сломал, собака!
Неустройко

Пожалеет.
Шут

Меня-то, что ль?
Неустройко

Нет, костыля-то.
Шут

Дьявол!
(Воет.)

Тыра

По лысине вот этак ошарашит,
И до смерти уходит.
Цаплин

Длинны руки
Поотрастил! Держал бы покороче;
Уж больно смел.
Брусенин

Кого ему бояться:
Немало он народу изувечил,
Да терпят все, дают ему повадку,
Не жалются в Москву
Несмеянов

Не испужаешь:
На трех дубах сидит, четвертым подперт.
Неустройко

(шуту)

Что воешь-то? Какой детеныш малой!
Не все ль равно тебе, как псу издохнуть
Под палкой ли, иль пьяному под тыном!
Шут

Не приставай! Всего изъем зубами.
Слуги смеются.

А вам-то что смешно, холопье стадо?
Самих дерут, как сидорову козу,
У вас самих увечья не проходят.

Влетело, брат!
Цаплин

Влилось!
Брусенин

Попало ловко!
Тыра

Не привыкать!
Цаплин

Не в первый раз!
Брусенин

Еще бы!
Тыра

Ты к носу три.
Цаплин

До свадьбы заживет!
Шут

Ну, подвернись который, изувечу!
Коль в волосы иль в бороду вцеплюсь,
Не выпущу; так вся в руках и будет,
Ни волоска живого не оставлю.
Тыра

Ну, полно ты! Мы шутим. Ты подумал,
Взаправду, что ль?
Цаплин

Нам что!
Брусенин

Господь с тобой!
Тыра

Обиды нет тебе.
Цаплин

Вестимо, в шутку
Язык чесать.
Брусенин

Не трожь его, робята!
Тыра

А ты скажи нам, милый человек,
За что про что обиду терпишь?
Шут

Даром.
Жениться, черт, задумал...
Тыра

Так. Ну что же?
Шут

Дюжова дочь облюбовал.
Цаплин

Ну, знаем.
Шут

Я сдуру–то сболтни ему неладно,
Мол, старому жениться ненадолго,
Да часто, мол, и не себе, а людям.
И я–то глуп, шутить связался.
Тыра

Верно!
Ты с тем шути, кто любит. Ну, и что же?
Шут

Как вскочит он, затресся, ровно Каин,
Как волк стучит зубамн, словно угли
Глаза зажглись, седая грива дыбом..
Видал ли ты, как окаянных пишут
На папертях? Точь–в–точь.
Цаплин

Какой бедовой!
Неустройко

А вот пойти да скарედные речи
Боярину явить; так не пришлось бы
Свести тебя попарить, чтоб до свежих
Не забывал. У нас недолго!
Тыра

Полно!
Доказчиком не будь. Доказчик первый
Под кнут идет.
Неустройко

Бросай, робята! Будет!
Боярин вышел.

Шут

Братцы, схороните!
Тыра

Беги скорей, покуда не схватили,
Валяй во все лопатки, не догонят!
Шут убегает.

Цаплин

Стрелой летит. Держи его, робята!
Хохот.

Брусенин

На лошади, да разве на хорошей,
А на плохой низа́что не догонишь.
Тыра

Как шкуру–то, робята, соблюдает,
Диви бы бобр сибирской али соболь!
Цаплин

Ему своя–то, надо быть, дороже.
Входят воевода, Облезлов, несколько дворян и боярских детей, сотник стрелецкий,
несколько стрельцов и слуг.

Явление четвертое
Воевода, Облезлов, Баим, дворяне, дети боярские, стрельцы, слуги и те же, и
потом Гришка Жилка.

Воевода

(Облезлову)

Ты говоришь, что местом вышло. Верно.
Воистину.
(Кланяется народу.)

Здорово! Ты послушай!
Поехали мы зверя погонять,
Гляжу: лиса катит из мелколесья
По вырубке в сосняк, вот так и стелет,
Как желтый лист по ветру. Вижу, дело
Выходит дрянь: уйдет, сплутует. Надо
Заверотить, наперерез ударить.
Хлестнул коня по бедрам.
(Баиму.)

Что за парень
Особняком стоит? Коль наш – не трогай,
А кто чужой, так опроси построже.
Баим отходит.

(Воевода, оборотясь к Облезлову, продолжает.)

Проехал я шагов не больше с сотню,
И вдруг мой конь, как вкопанный, ни с места.
Как в землю врос. Уж я его и плетью,
И лаской, нет, – дрожит, трясется, уши
Насторожил. Я вижу, дело плохо.
Сотник возвращается.

Какой-такой?
Сотник

Из наших, из рыбацкой!
Воевода

Ну ладно.
(Облезлову.)

Вот я слез, перекрестился.
Обшел вокруг три раза, зачурался,
И ничего, – мой конь пошел, как надо.
Так вот и знай, что значит место.
Облезлов

Диво ль!
В большом лесу, где всяка нечисть бродит.
В своем саду я летось заблудился
Средь бела дня! Немало мы дивились:
Брожу кругом, а выходу не вижу.
Такая страсть, что Господи помилуй –
Не доведи вперед, умрешь со страху.
Уж и кричал, кричал, сошлись людишки
Да вывели.
Входит Жилка и кланяется воеводе в ноги.

Воевода

Всего бывает! Что ты?
Жилка

И бьет челом, боярин, и являет
Твой сирота, былой подьячий Жилка.
Воевода

О чем еще, анафема?
Жилка

О бое
И грабеже денном и об увечье!
Воевода

Которой раз тебя увечат! Скоро ль
Совсем убьют? Пора бы! Кто же грабил
И бил тебя?
Жилка

Семена Бастрюкова
Дворовые и скоморохи: Резвый
С товарищи; они ж, боярин, воры,
И картами и зернью промышляют,
И табаком, и воровское держат
И продают, и беглых укрывают,
И на посад насильством в харях ходят
С потехами и с песнями и с зурны
И с домрами, и скаредные песни
И срамные поют и действия деют.
Тебя ж обносят скаредною лаей
И неудобь-сказаемую бранью..
В том жалоба моя тебе и явка.
Воевода

А грабежу?
Жилка

Колпак да зипунишко.
Воевода

За что про что?
Жилка

Да якобы с тобою
Я стакався составным челобитьем,
Испродаю посадских и убытчу,
Поклепный иск взвожу, корысти ради,
По твоему приказу.
Воевода

Бастрюкова
Унять давно пора. Зазнался больно,
На шею сел ко мне. Плутам заступник,
Оберегатель земской. Двум медведям
Не жить в одной берлоге. Челобитье
В избе подай мне завтра. Мы посмотрим,
Велим сыскать и, буде виноваты
Доподлинно, людишек Бастрюкова
Не пощадим.
Жилка

(кланяется)

Ты смилуйся, пожалуй!
И сироту твою не дай обидеть!
Воевода идет на ступени к собору.

Голоса

(из задних рядов)

Алтынник, пес! Посульщик, кровопивец!
А крест на нем, робята, есть аль нету?
Навряд ли уж. Другой татарин лучше.
Воевода

(на ступенях)

Кричат, а что: никак не разберу я.
Да мм чего? Вы говорите прямо,
Поди сюда вперед и говори!
Из-за людей не слышно. Что ж вы стали?
Ай молодцы! Вы смелые робята!
Из-за людей облает и присядет,
Разинет пасть и тягу. Кукиш кажет
Из рукава, чтоб люди не видали.
Чего же вам? Строптив, сердит я, что ли?
Не милостив? Все это правда ваша,
я не святой. А знаете ли, дети,
Писание нас учит покоряться
Властителю и доброму и злому.
Строптивного послушать перед Богом
Угоднее. Иль мнится вам, что власти
Людским хотеньем созданы? Что можно
Без власти жить? Что мы равны? Так знайте.
Звезда с звездой разнствует во славе,
Так на небе, и на земле всё так же:
И старшие, и младшие, и слуги,
И господа, и князи, и бояре,
И Господом венчанные на царство
Великие цари и государи.
За чином чин по лестнице восходит
От нас к царю и от царя до Бога.
И всяка власть от Бога. Власть не судят
Подвластные, а только царь, ему же
(снимает шапку)

Господь вручил нас всех на попеченье.
Из-за чего нам ссориться! Вы дети,
я вам отец! Не лучше ль нам любовью
и миром жить! Ходите по закону –
и вам целей, и мне милей! За что же
браниться-то? Не хорошо. Не ладно.
(Кивает головой Баиму.)

Пошарь-ка там с своими молодцами,
Не сыщешь ли кого из крикунов.
Да не зевай! Того, Баим, не бойся,
что в виноватых правый попадетсся:
не виноват – укажет виноватых.
Переловить, связать и запереть
всех накрепко в сторожню, там рассудим.
Уходят: воевода, товарищ и вся свита, кроме стрельцов. Баим и стрельцы ходят в народе.

Голоса

Чего тебе? Ты тише, не толкайся!
Что за напасть! Да что ж вы, драться, что ли?
Робята, наших бьют! Кричите шибче!
Несколько голосов вместе

Сюда, сюда, робята! наших бьют.
С посаду бежит народ. Бастрюков Семен, Бастрюков Степан выезжают верхом на лошадях; за ними пешие слуги: Резвый и другие.

Явление пятое

Бастрюков Семен, Бастрюков Степан, слуги и прежние.

Бастрюков Семен

О чем шумят? Что делят?
Бастрюков Степан

На посадских

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Баим напал. Не уступай, робята!
Голоса

Застой за нас! Безвинно бьют и мучат.
Бастрюков Семен

Оставь, Баим!
Баим

А ты что за указчик?
Велел сыскать ослушных воевода,
И сыщем их. Пока найдем да свяжем,
Не отступлю.
Бастрюков Семен

А как всполох ударим
На весь посад, и ног не унесете!
Как примутся за колья, так держитесь.
Не мятежи чинить, а для наряду
На городу посажен воевода.
Сбирай стрельцов!
(Посадским.)

Робята, расходитесь!
Расходятся.

Не тронет вас никто.
Баим

Не ты в ответе,
А я, с меня и спросят.
Бастрюков Семен

Ты не бойся,
Я сам скажу в соборе воеводе.
Пусть на меня и сердится, как хочет.
Иди со мной в собор.
Баим

За мной, робята!
Уходят; Бастрюковы, Баим, стрельцы; прислуга уводит лошадей; посадские идут к
городским воротам; навстречу им Влас Дюжой и Настасья.

Явление шестое
Влас и Настасья и прежние посадские.

Настасья

Вы, смерды, прочь! Не видишь, я иду?
Тыра

Как не видать.
Влас

Иди, как люди ходят.
Настасья

Я кто теперь? фу! Прочь поди!
Влас

Настасья!
Уймешься ты аль нет?
Настасья

Фу! Смерды!
Цаплин

Шире

Народ, навоз плывет.
Настасья

Да как ты смеешь?
Ты страдник, смерд!
(Мужу.)

Доправь на нем бесчестье!
Ты знаешь, смерд, я теща воеводе.
Брусенин

Ну как не знать!
Влас

Иди добром, Настасья,
Не постыжусь, при всем честном народе
Учить примусь.
Настасья

Толкуй! ты сам не знаешь,
Какая честь на нас.
Тыра

От воеводы
Пристала к вам?
Влас

Иди! Народ смеется.
Ишь срам какой! Вот с дурой-то свяжися,
Так, Господи, и жизни-то не рад.
Настасья

Фу! Смерды! Прочь!
Несмеянов

Иди своей дорогой,
А мы своей; просторно, разойдемся.
Влас и Настасья уходят.

Явление седьмое
Несмеянов, Тыра, Цаплин, Брусенин и потом Дубровин.

Тыра

Ишь дура-то, за воеводу дочку
Просватала и думает, что тоже
Боярыня; идет и ног не слышит.
Несмеянов

На радость ли? Заплакать не пришлось бы!
Старик живет, а жены молодые
Все мрут да мрут. Диковина и только!
Тех жен обеих защекотал до смерти –
От ревности; вот что холопы бают.
Не миновать и третьей.
Цаплин

Защекочет,
Так не дадут четвертой, заговейся:
Закону нет, и поп венчать не станет.
Тыра

Да ну его!
Несмеянов

Робята, не слыхали ль,
Что Худояр на Волге появился
И станом стал невдалеке?

Так что же!
Тебе-то что ж?
Несмеянов

Разбойник лютый, бают.
Тыра

За что ж его разбойником ты лаешь,
Не знаючи? Какой же он разбойник?
Кого разбил? Тебя?
Несмеянов

Меня не трогал,
Мне грех сказать; не грабил, так не грабил.
Цаплин

Так покажи других!
Несмеянов

Чего не знаю –
Не говорю. Казну ограбил, бают.
Тыра

Ты бай не бай – не наше это дело.
Казну разбил, казна про то и сыщет:
А ты не лай разбойником напрасно,
А называй удалым молодцом.
Несмеянов

А говорят, что в Нижнем был поиман,
Сидел в тюрьме, достал из печки уголь
И написал он лодку середь полу
Углем и сел, забрал с собой сидельцев,
Плеснул воды да в Волгу и уехал.
Дубровин входит и осматривается.
Цаплин

(увидя Дубровина)

Никак, чужой? Чего он ищет?
Тыра

(подходя к Дубровину)

Парень,
Ты из какой Литвы, с какой орды?
От дела ты лытаешь или дела
Пытаешь?
Цаплин

Сват! Ты ближний али дальний?
Тыра

Каких родов, из коих городов?
Несмеянов

Не беглой ли? А может, он, робята,
Коня украл аль мужика убил.
Связать его!
Дубровин

Эх, дедушка, за что же?
Ты пожалей меня! Связать недолго;
Вязать вяжи, да после не тужи.
Я сам даюсь; один – не ратник в поле,
И дерево одно – не темный лес.

Меня в тюрьму; а сколько нас на воле
Останется, ты всех не перевяжешь;
А у тебя домишко на посаде, –
Чай, бережешь от красных петухов, –
Со всех углов подпустят – плохо дело.
Несмеянов

Ну, полно ты! К чему ты привязался!
Я пошутил, а ты и вправду.
Дубровин

Полно,
Шутил ли ты? Да ну, я зла не помню:
Я знаю, ты меня не свяжешь.
Брусенин

Братцы!
Я признаю его!
Цаплин

И мне знакомо
Обличье-то, а как назвать – не знаю.
Дубровин

я не боюсь и не таюсь: я беглый,
Посадский наш, Роман Дубровин.
Тыра

Братцы,
И то ведь он. Два года не видались!
Ты где гулял?
Дубровин

На белом свете много
Привольных мест – и Дон, и Волга-мать.
Где я гулял – там нет меня; теперя
Домой пришел.
Тыра

Ты хочешь объявиться?
Дубровин

Ну, нет, зачем! С женой бы повидаться.
Не знаешь, где жена?
Тыра

У воеводы.
Дубровин

(хватается за голову)

Ужель к нему попала?
Тыра

Взял насильем,
В тюрьму сажал, а из тюрьмы да на дом
Красавицу твою Олену.
Дубровин

Дьявол!
Ну, помни ж ты! А что, жива, здорова?
Тыра

Да говорят, все воет.
Дубровин

Эко, братцы,
Житье мое! А выходу ей нету?

Назаперти.
Дубровин

Ну, только мне и надо.
Спасибо вам на добром слове, братцы.
Увидите жену, так поклонитесь!
Мол, жив еще и помнит. Воеводе
Скажи хоть ты,
(Несмеянову)

что собираюсь в гости,
чтоб припасал, чем потчевать. Прощайте!
Несмеянов

Никак, ушел? Поотлегло от сердца, –
Перелугал, проклятый. Что ж, робята,
явить аль нет?
Тыра

А нам какое дело?
Как хочешь ты, а мы и знать не знаем.
Поди являй, а в послухи не ставь –
Во всем запрусь.
Цаплин

И я.
Брусенин

Мы не видали.
Тыра

Вот так-то, брат! ты ссвок, да неловок!
Помалчивай, так сам целее будешь.
Выходят из собора: воевода, Облезлов, Бастрюковы, дворяне, дети боярские, Баим,
стрельцы, слуги. Посадские и народ уходят в глубину площади.

Явление восьмое
Воевода, Облезлов, Бастрюковы, дворяне, дети боярские, Баим, стрельцы, слуги и
прежние посадские.

Воевода

(остановясь, не доходя ворот)

Два раза глуп бывает человек:
С младенчества сперва, потом под старость:
Состареешь и поглупеешь, разум
Отыметя. Недаром люди стали
Учить меня. Ты думаешь, что дельно
Прикажешь что, а говорят – не ладно.
Плохая жизнь. И вижу сам, что плохо;
Да как же быть? Одно и остается:
Коль стар и глуп, так умных больше слушай.
Вот я велел переловить Баиму
Ругателей, а Бастрюков наехал,
Прогнал его, – что мы не дело, видишь,
Затеяли, мятеж заводим, буйство.
Челом ему за то, что надоумил
Нас, дураков. Вперед умнее будем.
Бастрюков Семен

Да что ж, и впрямь затеяли не дело.
Воевода

(смеется)

Ты погоди, дай кончить! Я спасибо
Сказал тебе, чего ж еще! Не в ноги ж..
Другую речь я поведу. Вот, видя,
Что глуп-то я и стар, большое дело
Без вашего, друзья мои, совету
Начать не смел. Что вы приговорите,
Тому и быть.
Облезлов

Нечай Григорьич, полно
Пытать-то нас. Какие мы советы
Дадим тебе! Ты сам умнее всех.
Бастрюков Степан

Не дураки и мы.
Бастрюков Семен

Что смыслим, скажем.
В чем дело-то?
Воевода

Не знаю, как сказать!
Попутал грех. И молодых и старых
(снимает шапку и кланяется)

Простить меня прошу. Отцы и братья,
Не осудите! Старому, седому
И стыдно бы, да человек я слабый,
Летами стар, зато душою молод.
Облезлов

Какой старик, ты лучше молодых, –
И стар, да дюж.
Воевода

Без бабы не живется;
Греха боюсь, – так вздумал жениться.
Облезлов

И в добрый час.
Воевода

И не о том бы думать,
Молиться бы, да слабость наша.
Бастрюков Семен

Что же
Жениться-то об эту пору! Сколько
Тебе и жить-то! Было две жены,
Чего ж тебе! И третьей век загубишь,
Коль женишься. Не дело, так не дело:
Тебе-то блажь, а молодежь-то сохнет
За стариками.
Воевода

Вот что значит ум-то!
Не нам чета. И слушать-то отрада.
От умной головы совету много
Хорошего. А вас про что ни спросишь,
Ответа нет, а только друг за друга
Хоронитесь; а у него как раз
Умен ответ и скор. Развесьте уши
И слушайте Семена Бастрюкова!
Уж если он, такой разумной, скажет,
Что не женись, Нечай Григорьич! – значит,
Что надобно жениться беспременно.
Бастрюков Семен

Ты на смех, что ль?

Воевода

Как хочешь, так и думай;
За что почтешь, не буду спорить.
Бастрюков Семен

Ладно ж!

Припомни ты! Я сорок лет на службе,
Я сорок лет доспеха боевого
Не скидывал, изранен весь, я земским,
Губным служил по выбору, не ползал,
Не кланялся подьячим по приказам,
Не плакался: пустите покормиться!
Своим кормлюсь всю жизнь. Моя обида
Откликнется тебе; держись, да крепче!
В Москве бывал, туда дорогу знаю.
Не усидишь.
Воевода

Не страшно. Не грози!
Москва Москвой; готовься сам к ответу.
В поместье ты, как в омуте, уселся
И думаешь, ты царь, тебе суда нет.
Мы выведем на свежую водицу.
Бастрюков Семен

Меня?

Воевода

Тебя.
Бастрюков Семен

Нет, руки коротки.
Воевода

Длинней твоих. Ты беглых укрываешь,
И зернщиков, и воровское держишь,
И полон двор нагнали скоморохов.
Бастрюков Степан

Что ж, батюшка, ты смотришь! Что ж он лает!
Царю челом ударим о бесчестье.
Воевода

Молчи, щенок!

Бастрюков Степан

(бросается на воеводу)

Ах, старая собака!
Его удерживают.
Бастрюков Семен

Царю челом ударим, а покуда
Ты бородой ответишь. Без остатку
Всю выдеру.
(Бросается на воеводу.)

Воевода

Держите их, держите!
Его загораживают.
Облезлов

Семен, уймись! Безлепочное дело
Затеял ты. Ругаться непригоже
На площади.

Не я, а он затеял!
Не уступлю, я сам его не хуже.
Воевода

(в воротах)

Ко мне, друзья! Запьемте рукобитье!
(Бастрюковым.)

И вас бы звал к себе, да не взыщите,
Попотчевать вас нечем, не запаслив.
Уходит, Облезлов и вся свита за ним. Ворота затворяются; посадские подходят, с
ними староста.

Бастрюков Семен

И черт с тобой! Ты думаешь, мне надо?
Подавишься твоим куском.
Явление девятое
Бастрюков Семен, Бастрюков Степан, земский староста и посадские.

Бастрюков Семен

(посадским)

Робята!
С чего он взял, что я ворам потатчик
И зернщикам?
Тыра

Про то являл сегодня
На площади и подал челобитье
Былой дьячок, прозваньем Гришка Жилка,
И сказывал на вас грабеж и бой.
Бастрюков Семен

Сыскать его! Эй, люди! По посаду.
По кружечным дворам и постоялым,
По всем рядам, и шалашам, и лавкам,
По кабакам, по всем щелям и норам
Искать дьячка к привести сюда!
Староста

(тихо)

Боярин, мы желаем челобитье
В Москву свезти на воеводу.
Бастрюков Семен

Ладно,
Хвалю за то.
Староста

Да написать не знаем;
А земской наш дьячок писать не хочет,
Боясь того, что, вишь, у воеводы
Сильна рука в Москве.
Бастрюков Семен

Напишет Жилка.
Староста

Заставишь ли?
Бастрюков Семен

А батоги на что?

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
На самого себя напишет. Руки
Прикладывать путем. Отцов духовных
Просите всех. Мирское челобитье
И выборных я сам свезу к Москве.
Да поскорей!
Староста

Да хоть сейчас пойдём
Ко мне во двор; как только Жилку сыщут,
Чтоб к нам вели.
Бастрюков Семен

(громко)

Я к старосте поеду.
Бастрюков Степан
А я домой! Айда!
Подают коня.
Бастрюков Семен

За мной, айда!
Подают коня.
Действие первое
Сцена I
ЛИЦА:

Влас Дюжой.

Настасья.

Прасковья, Марья, дочери их.

Недвига, мамка.

Воевода.

Шут.

Степан Бастрюков.

Резвый, Кубас, Шишига, слуги Бастрюкова

Слуги Дюжова и воеводы; сенные девушки.

Густой сад. Налево терем с выходом и крыльцом. Направо баня; в глубине стоячий тын, из которого несколько надолб вынута; за тыном, когда он разобран, виден берег Волги.

Явление первое
Резвый, Степан Бастрюков в кустах, Кубас и Шишига у разобранного тына.

Резвый

Пожалуй, осударь Степан Семеныч!
Иди смелей! В саду души не видно.
Бастрюков

Ишь, заросло как часто, не пролезешь.
Резвый

Дубье, вязье рощёное.
Бастрюков

Да где ты?
Резвый

Ты на́ голос иди! Здесь чисто!

Вышел!
Резвый

Кубас, Шишига, забирайте тын,
Да разом в лодку, и лежи как мертвый!
На спрос: что за люди? Мол, ждем с базара
Крестьянишек, замешкались в кружалах.
Откуда? Мол, из Красного села,
Рыбачим, мол! А больше не болтайте!
Да не дремать! По свисту подымайся;
А по второму ты, Кубас, за весла;
А ты, Шишига, здесь у лазу будь!
Бастрюков

Да поживей!
Кубас

Ты свистни, а мы смыслим.
Перед тобой, как лист перед травой!
Загораживают тын.
Бастрюков

Спасибо вам, робята! Услужили!
Резвый

Кому ж служить, как не тебе, боярин!
Аль ты нас платьем цветным избидел,
Аль холодно и голодно живем?
И жалуешь, да и живем прохладно –
Что день, то пир да новые затеи
У нас идут. Гульба, а не работа
Нам за тобой!
Бастрюков

В гульбе короче время.
Резвый

Одно и дело веселить да тешить
Тебя, Степан Семеныч.
Бастрюков

Да еще бы!
Потоль и тешиться, пока живется.
Ведь одна живем на свете белом.
Не в чернецы ж идти!
Резвый

В твои-то лета!
Что говорить! Лишь дал бы Бог здоровья,
Пси да гуляй! А дело не медведь,
В лес не уйдет.
Бастрюков

Безделье так безделье,
А дело делом. Позовут на службу,
За нами дело никогда не станет.
Резвый

И на войну пойдем, как на потеху,
Не спрячемся за печку.
Бастрюков

Там что будет,
Тому и быть. А у меня покуда
Одно в уме; одно и сплю и вижу,
Как Марью Власьевну достать.

А мы-то!
Да нас и хлебом не за что кормить,
Коль мы тебе забаву не доставим.
В твоём доме боярском полны сени
Нас, скоморохов, слуг да челядинцев.
Да будь она за тридевять замками,
За тридесять морями – мы достанем.
Вчера всю ночь работали, пилили
Сосновый тын, шесть игол вынимали
С великим бережением и страхом,
Да и опять поставили, как было.
И разберем и заберем в минуту
Широкий лаз, хоть тройкой поезжай.
Бастрюков

А крепко Влас живет.
Резвый

На всем посаде
Ни у кого нет выше городьбы:
Казну блюдет.
Бастрюков

Ну, мы казны не тронем.
Резвый

А дочерей уж не взыщи. Боярин,
Никак, идут. Схоронимся до время.
Бастрюков

Куда ж?
Резвый

Вот баня старая!
Бастрюков

Ну, ладно!
Уходят в баню. За сценой песня девушек.
На море утушка купалася.
На синем серая полоскалася.
Входят Прасковья Власьевна, Марья Власьевна, Недвига; сенные девушки вносят
ковры, подушки и разное шитье.

Явление второе
Недвига, Прасковья и Марья Власьевны, сенные девушки.

Марья Власьевна

Нам в терему и тесно да и душно,
Жара, как в бане, а тебе и любо,
Коль у тебя в Петровки стынет кровь.
Ты – старая: тебя не манит лето
На волюшку, на шелковы луга,
В тенистый бор, где белым днем потемки,
В зеленый сад, где алый цвет цветет,
Где вишенья, орешенья назрело,
И налилось, и ждет девичьих рук.
Мы – не старухи, нам без печки жарко,
Не больно мил нам нов высок терем.
Недвига

Ну, в сад так в сад; мне все равно, старухе.
Сенные девушки

(допевают)

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Купавшись, утушка встрепенулася,
Встрепенувшись, серая воскрикнула:
Как-то мне с синя моря подыматься будет,
Как-то мне с желтым песком расставаться будет?
Марья Власьевна

Что терем, что тюрьма – одно и то же.
Недвига

Ну будь по-вашему. Вот здесь и сядем.
Сядятся.

Ты, Марья Власьевна, прости старуху,
Велика выросла, хоть замуж впору,
А все еще, как посмотрю, глупа.
Ты знай одно: что в тереме, что в церкви
Ты всегда спасенной человек;
Там образа, закрещены все двери.
А что в саду? Тут вольная земля,
Ну, значит, он, оборони создатель,
Свободно ходит; долго ль до греха!
На всякой час блюдись!
Одна из девушек

А зачураться,
Не подойдет.
Все

Чур! наше место свято!
Другая из девушек

И поминать-то бы его не к месту.
Не в час сболтнешь, он к слову-то привязчив
И на помине-то легок бывает.
Недвига

Что правда, правда. Пусто будь ему!
Молчат.

Ох, не люблю, когда молчат! В молчанки
Мы, что ль, играть сошлись! Нуте, девки,
Повеличайте молодую княжну.
Прасковья Власьевна

Все величать! Довольно! Надоели.
Недвига

Сказать аль нет? Вестимо, что не дело
Холопское о господах судачить,
И промолчать нельзя.
Марья Власьевна

Ну, что такое?
Недвига

Да всё про то же, всё про жениха-то.
Что у кого, а у меня забота
Одна.
Марья Власьевна

Тебе-то что, коль ей по сердцу?
Прасковья Власьевна

По сердцу не по сердцу, а пойду,
И ох не молвлю!
Недвига

Думали, гадали

Родимые, да вот и догадались.
Ну ровня ли! Седой как лунь, согнутый,
Глядит медведем, так и хочет съесть.
Одно и лестно, что большой боярин.
Так не с боярством жить, а с человеком.
Как месяц ни свети, а все не солнце!
Марья Власьевна

Ей что ни поп, то батька: все равно;
Ей лишь бы замуж, разбирать не станет.
Прасковья Власьевна

Само собой. Да разве наша воля
Себе мужьев по сердцу выбирать!
Прикажут, и конец; а мил ли, нет ли –
Тебя не спросят.
Марья Власьевна

Лучше утопиться.
Прасковья Власьевна

Не мы одни, всем девкам та же доля,
А всем топиться – Волгу запрудить.
Марья Власьевна

Другая б плакала, а ты так рада.
Прасковья Власьевна

О чем, о ком я буду горевать-то?
Боярыней живи да величайся,
Ешь сладкое, медов сыченых вволю,
Гора горой пуховики лебяжьи
В опочивальне; хочешь спать, так спи,
А нет – лежи: пусть тонет бело тело
И нежится. Да вот сама увидишь,
Так раздобрею в год, что не узнают.
Работы нет, заботы не бывало!
Сиди как пава, а кругом рабыни
Кроят, и шьют, и строчат во сто рук.
Такая жизнь, что умирать не надо!
Чего жалеть-то? Девичью красу
Да косу русую? Об ней поплачу,
Как расплетут, да но уши повяжут
Волосником, да бабью кичу взденут.
Недвига

Тебе с ним жить, ну и живи как знаешь,
Не наше дело, кончен разговор!
Что ж мы начнем? Все песни перепели.
Переиграли игры, разве сказку
Договорить, что даве начинали.
Да с уговором: не любо – не слушай,
Лгать не мешай!
Прасковья Власьевна

Досказывай хоть сказку.
Марья Власьевна

Ты думаешь, нам очень любы сказки?
От скуки слушаем, одна забота,
Как время скоротать. А вот ты мелешь,
Мы слушаем; так время и проходит.
Прасковья Власьевна

Досказывай Никиту Кожемяку!
Недвига

Ну, долго ль, коротко ли, в сказке скоро,

На деле-то не вдруг. Ну вот в ту пору
Сидит себе Никита, кожи мнет.
И держит он, красавицы мои,
В руках двенадцать кож; вдруг царь в кожевню,
Взглянул Никита, – так вот и затресся;
Со страху ходнем руки заходили,
И разорвал он те двенадцать кож.
Марья Власьевна

Ну, ври еще!
Недвига

Известно, сказка складка,
А песня быль; не мимо говорится.
Марья Власьевна

Не всякая. Сама же ты певала,
Что воля красным девушкам гулять;
Молодкам миновалася гульба.
Мы девки вот, а все живем в неволе.
Недвига

Досказывать аль нет?
Прасковья Власьевна

Ну брось, не надо.
Уж надоело про змеёв-то слушать!
Недвига

Чего же вам?
Марья Власьевна

Любовную скажи!
Прасковья Власьевна

Ты Расскажи, как в тереме высоком
Сидит красавица; замком булатным
Дверь заперта дубовая, и стража
И день и ночь круг терема стоит.
И солнцем не печет, и буйный ветер
Пахнуть не смеет на нее.
Недвига

А дальше?
Прасковья Власьевна

А дальше я не знаю; я не стала б
Просить тебя, сама бы рассказала.
Ты знаешь всю, тебе и книги в руки.
Марья Власьевна

Как добрый молодец прокрался в терем...
Да ты нам все рассказывай, как было.
Недвига

А мать услышит, кто в ответе будет?
Марья Власьевна

Пойдем в малину! Не найдут до завтра.
Недвига

Ну, быть по-вашему! Срамницы, право!
Вас хлебом не корми, а дай послушать
Соромских сказок. Да и то сказать –
Все взаперти: чужих людей не видим,
Гулять нет воли, миловаться не с кем,
А у живого на уме живое.
Все уходят. Резвый и Степан Бастрюков показываются из бани.

Явление третье
Бастрюков и Резвый.

Резвый

Рассыпались в кустах. Не поманить ли?
Пойдет на манку?
Бастрюков

Помани легонько!
Резвый

(запевает)

Боялися девки да серого волка,
Да не того волка, что по полю рыщет,
А того ли волка, что по лесу свищет,
Что по лесу свищет, красных девок ищет.
Марья Власьевна подходит к тыну, осматривается; Резвый скрывается, Бастрюков выступает.

Явление четвертое
Бастрюков и Марья Власьевна.

Марья Власьевна

Вот диво-то! Не с неба ли свалился?
Как занесло?
Бастрюков

По моему прошенью,
По щучьему веленью. Надоело
Через забор вести переговоры.
И видит глаз, да зуб неймет. Поближе
Хотелось быть; лицом к лицу, бок о бок
Речь тайную, любовную держать
И миловаться, как душе угодно.
Мы разобрали тын.
Марья Власьевна

Ты, парень, ловок.
Бастрюков

Ведь рано ль, поздно ль, надо ж будет, Маша,
Тебе покинуть свой терем высокой,
Чужую сторону узнать, так лучше
С милым дружкой, тишком, лужком уехать!
Кто знает думу батюшки-отца
Иль матушки твоей башку пустую?
Загубят век, спихнут за старика
Постылого, на горе да на слезы.
Чего же ждатель? Что думать? Свистнуть, что ли?
У нас готово, люди в лодке, только
Сесть да поехать.
Марья Власьевна

Как же, дожидайся,
Так и поеду! Нет, ошибся, парень.
Ты поглупей ищи!
Бастрюков

Так вот как, Маша!
Что ж, не люб стал?
Марья Власьевна

За что тебя любить-то?
Обманщик ты! Охаживать горазд

Кругом да около. Тебе поверить –
Трех дней не проживешь. О святках, помнишь,
У нас в дому плясали скоморохи,
Ты мехоношей был, ты что мне баял?
Что ты купецкой сын, Иван Ковригин.
Зима прошла, весна-красна настала,
На дереве у моего окна
Ты по ночам сидел, и коротали
Тайком с тобой весенние мы ночи.
Ты нянек, мамок деньгами осыпал;
Не раз, не два я спрашивать пытала
Об имени и отчестве твоём:
Иван Ковригин – только и ответу.
Ну как тебе не грех? Я все узнала:
Ты не купецкой, а боярской сын
Степан Семеныч, Бастрюковых роду.
И скоморохи-то твои все слуги,
И сам ты скоморох.
Бастрюков

Тебе же лучше.
Боярской сын – тебе почету больше,
Со скоморохом веселее жить.
Марья Власьевна

Ну нет, старуха надвое сказала.
Купецкой сын-то женится честь честью.
А у тебя, я знаю, во дворе-то
Всё краденые девки да молодки;
И я в таких же буду. Нет, зачем же?
А надоем, к отцу прогонишь! Лучше
Я дома посижу, изъяну меньше!
Один изъян, что новый тын попорчен,
Так батюшке скажу, поправят завтра.
А ты женись, как следует, порядком,
Тогда вези куда душе угодно.
Бастрюков

Да я бы рад, да вишь, Нечай Шалыгин
Берет сестру твою Прасковью замуж,
Он враг заклятый и отцу и мне;
Не то что сватать, мне нельзя и носу
К вам показать.
Марья Власьевна

Ну, станем дожидаться;
Мне лет немного; я не перестарок.
Бастрюков

Толкуй с тобой! а замуж отдадут?
Марья Власьевна

Своей охотой не пойду; а силой
Неволить станут – ну тогда, не знаю,
Быть может, парень, выйдет на твое;
Тогда ломайте тын, готовьте лодку,
Бери в охапку и тащи домой.
Бастрюков

Голубушка!
(Обнимает.)

Марья Власьевна

Ты волю-то не очень
Давай рукам, повремени до срока!
Придет пора, ни слова не скажу,
Твоя же буду.

Жизнь моя, лебедка!
Пройди весь свет от края и до края,
По всем землям, по всем ордам немирным,
Ищи другого парня, не найдешь,
Чтоб так любил, как я. Да вот что, Маша.
По-нашему любить, так вот как: видишь
Булатный нож?
(Вынимает нож из-за пояса.)

Марья Власьевна

Да что ты! Бог с тобой!
Бастрюков

Нет, погоди! Промолви только слово –
И глазом не моргну, по рукоятку
В грудь опущу. Вели!
Марья Власьевна

Да верю, верю.
Бастрюков

Убей меня Господь на этом месте!
Марья Власьевна

Да лжешь ли, нет ли: сам ответишь Богу,
А слушать сладко.
Бастрюков

Значит, по рукам?
(Подает руку.)

Марья Власьевна

Да что уж говорить! Тебя полюбишь,
Так не разлюбишь скоро. Поведешься
С тобой, так на других потом не взглянешь.
Ишь ты какой пригожий уродился!
Бастрюков

И поцелуемся?
Марья Власьевна

Изволь, голубчик.
Греха тут нет. Целуемся со всеми;
Чужих целую, а тебя подавно.
Целуются.

Девки

(поют в кустах)

В тереме девушка умывалася,
В высоком красная белилася..
Марья Власьевна

Домой пошли. Пора. Прощай!
(Идет.)

Навстречу ей выходит шут.
Ай, ай!
(Прячется в кустах.)

Бастрюков

Чего она?

Шутило воеводин.
Прячутся в баню.

Явление пятое

Шут, потом воевода, Влас с Настасьей и девки.

Шут

Авось-то он смирнее у невесты.
А все боюсь, душа уходит в пятки.
Бродил кой-где, с неделю укрывался,
А надобно ж когда-нибудь явиться.
Велит сыскать, так не проси пощады.
Ух! Идол! Змей Горыныч! Чудо-юдо!
Входит воевода, за ним Влас и Настасья; девки несут жбаны, чары и ковриги.

Шут

(из-за кустов)

Есть виноватому прощенье?
Воевода

Есть.
Шут

(падая на колени)

Помилуй, дяденька! Вперед не буду.
Воевода

Вставай, собака. С одного вола
Две шкуры не дерут. Да только помни,
Шутить с оглядкой, как бы не заплакать!
Шут

Всем закажу, и недругу, и другу,
Шутить с тобой! А то накладно, дядя –
Я языком шучу, а ты дубинкой!
Влас

Покрой ковром беседку-то, Настасья!
Пожалуй, осударь Нечай Григорьич,
Изволь, присесть, не нудь боярских ног.
Воевода

(садится)

Мы здесь свои, и вы садитесь рядом.
Вы нареченные мне тесть и теща.
Влас

Не подобает нам, с женишкой Настькой,
Перед тобой, высоким воеводой,
Перед твоими светлыми очами
Сидеть да барствовать. Нам, темным людям,
Холопами твоими быть за счастье;
Родня родней, честь честью, осударь.
Ты погости у нас, а мы послужим.
Настасья

Да ну-ка ты! Служи один, я сяду.
Я экой чести сроду не видала,
Во сне не грезилось; что я за дура –
Привел Господь сесть рядом с воеводой,

А я не сяду! На-ка, дожидайся!
Сажает сам! Хоть малость посижу-то,
А сколько чести у меня прибудет!
Влас

Не осуди! Прискорбна головой,
Сызмальства скудоумна, Бог обидел.
Робячий смысл, нелепое творит.
Воевода

Не тронь, сидит.
Шут

Я, дядя, тоже сяду.
Понаберись-ка разума, ума
От нас с Настасьей. Хитрое ли дело
Судить, рядить да речи разводить
С боярами да с думными дьяками!
Поговори-ка с нами, дураками!
Влас

(потчует медом)

Откушай, не побрезгай! Чем богаты,
Тем мы и рады.
Воевода

Покажи дорогу!
Допреж хозяина и поп не пьет;
Клади начин и подноси по ряду!
Влас

Желаю здравствовать на многи лета!
Храни тебя Господь да царь люби!
Не осуди, что речи не умильны,
Что мы, по простоте своей, не знаем,
Как чествовать и величать тебя.
(Пьет и наливают.)

Воевода

Спасибо, Влас! Проси теперь хозяйку.
Влас

(кланяясь)

Хозяюшка!
Настасья

Уж пить ли мне-то, право?
Влас

Да не дури! я кланяться не стану –
Примай да бей челом.
Настасья

(берет чару)

Короток разум
У бабы-то; сказала б, да не знаю,
Грехом обмолвишься, неладно выдет.
Ну, будь здоров!
(Целуются.)

Воевода

Спасибо и на этом.
Влас

Теперь сама проси.
Настасья

Покорно просим.
Воевода

В гостях – в неволе. Отказать не смею.
Я выпью!
(Пьет.)

Знатный мед, стоялый, крепкий,
Хороший мед! Ты, Влас, живешь исправно.
Влас

Да есть–таки запас про всякий случай:
Для праздников, вот дочери невесты.
Так для родни да для попов пасем
Попотчевать послаще. Все ж не ровня
Твоим медам боярским; нам далеко
С тобой тягаться, мы живем черно,
Да и сварить–то путно не умеем.
Ты наше малое поставь в большое.
Воевода

Не диво пиво, дорога любовь.
(Отдаст чару Настасье.)

Настасья

Что смотрите! примайте, девки дуры!
Воевода

Недаром говорят: не будь запаслив,
Будь гостю рад.
Шут

Я не обсевок в поле,
Такой же гость, а ты меня обносишь!
Пирог с крупой и мы с рукой, да, видно,
Кого блинками, а меня пинками.
Воевода

Не по губам тебе, язык проглотишь.
Шут

Ну, зелена винца!
Влас

Вот есть в сулейке.
Настасья

Сулеечку подайте, девки дуры.
Шут

Покланяйся, а я ломаться стану.
Влас

Ты сам себя попотчуй, сколько влезет,
Бери совсем. Своя рука владыка.
Воевода

Ты, волчья сыть, медвежья дрань, дорвался!
Смотри не задури!
Шут

Я помаленьку.
Влас

Пей помаленьку, только выпей все.
Шут отходит.

Воевода

Закону нет глядеть невест до свадьбы,
А мне охота; хоть глазком взглянуть бы.
Влас

Да ты глядел.
Воевода

Не сыто наше око:
Посмотришь раз, манит тебя в другой.
Настасья

Вот женишься, так наглядишься вдоволь:
Неказанному золоту цены нет;
Показано, так всякой цену знает.
Воевода

Здорова? Не скучает?
Влас

Да с чего ей!
Об чем скучать? растет, толстеет, всходит,
Как на дрожжах опара.
Настасья

Ты, боярин,
Не обижай! В любви держи да в холе,
Чтоб нам не плакаться.
Влас

Молчи ты, дура!
Настасья

Да что ты! Что молчать! Я не чужая,
Я мать родная. Ты меня послушай,
Родимый зятюшка, Нечай Григорьич!
Уж чтоб и мне, старухе, был почет,
Чтоб все-таки, от мала до велика,
Мне кланялись, а я чтоб величалась.
Вот я иду, примером, хоть к обедне,
Народ без шапок, с кем заговорила –
Чтоб на колени падал.
Влас

Ты очнись;
Коль захмелела ты, поди проспись,
Ты голову с меня снимаешь!
Настасья

На-ка!
Я теща воеводская! Кому же
И величаться, как не мне? Вестимо,
Я в городе большая, больше всех.
Воевода

С тобой начни, до завтра протолкуешь.
А мне пора. Бессудный, собирайся!
Чужа изба засидчива. Прощайте!
Шут

(в кустах)

На след попал, по красному по зверю.

Ты обожди, я погоню на вас.
Влас

Переложил хмельного, брешет спьяну.
Шут

Вот зверь, так зверь; не соболь, не куница,
А красная девица. Эй! Ловите!
Перенимайте на дороге!
Выбегает Марья Власьевна.

Явление шестое
Воевода, Влас, Настасья, шут и Марья Власьевна.

Влас

Марья!
Ты как зашла?
Марья Власьевна

С сестрой гуляли, с няней
Мы даве здесь; они домой пошли,
А я замешкалась; бегу за ними,
Вдруг он навстречу, я в кусты с испугу
И схоронилась, там и просидела.
Настасья

Вот я тебя! Беги домой, срамница!
Бесстыдница!
Воевода

(берет за руку Марью Власьевну)

Постой! какие очи!
Нельзя налюбоваться, наглядеться!
Я много видел на своем веку,
Таких очей не приводилось видеть.
Красавица, ты из какой земли?
Кто породил тебя, кто возлелеял?
Влас

Меньшая дочка, Марья.
Воевода

Вы обманом,
Холопы, смерды, обошли меня:
Похуже сбить товар – так воеводе,
Получше – дома прибереечь. Я знаю
Купецкую замашку. Ты мне враг,
Ты плутовством живешь, обманным делом!
Влас

Помилуй, осударь, мы без обману,
По старшинству Прасковью выдавали;
Таков у нас обычай.
Воевода

Я Прасковью
И видеть не желаю, врозь все дело!
И Марью я не выпущу из рук!
Отдайте мне ее! Ее отдайте!
Ее хочу, ее беру, отдайте!
Я вас озолочу.
Влас

Твоя есть воля.
Бери хоть эту, коль прихлась по нраву.
Настасья

Да что ты! Что ты! Где ж такой порядок?
Да нешто водится?
Воевода

Уйми жену!
Влас

Да как унять, что делать с ней, боярин?
Бью походя, околотил все руки.
Настасья, слушай! Мил тебе аль нет
Свет белый, вольный? Молви только слово
Противное, убью тебя до смерти!
Молчи да в ноги кланяйся за милость.
Благодарим за честь!
Кланяются.

Воевода

Так рукобитье?
Влас

Приказывай; велишь – сейчас ударим.
Воевода

Пойдем в хоромы, там и порешим.
(Настасье.)

Веди невесту, при огне посмотрим,
Здесь тёмно стало. Девица-краса,
Ты не слези свои соколыи очи,
Ты не труди свою лебяжью грудь!
Не на горе ко мне пойдешь, на радость.
Все уходят, кроме шута, который остается на крыльце. Выходят Бастрюков и Резвый.

Явление седьмое
Бастрюков, Резвый и шут.

Бастрюков

Ах, старый пес! Ты слышал, Резвый?
Резвый

Слышал.
Бастрюков

Ведь дело дрянь.
Резвый

Беда ума прикупит.
Ты не кручинься, как-нибудь поправим.
Бастрюков

Поправить нечем, надобно украсть.
Резвый

И я про то же. Лишь бы показалась –
Уж только здесь и видели ее.
Бастрюков

Да выдет ли?
Резвый

Да сердце не утерпит.
Урвется как-нибудь на малой час
Хоть на прощанье вскользь словечко бросить.
Шут

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e

Ай, молодцы! Веселые ребята!
Ну, как теперь: явить ли воеводе,
Да и накрыть удалых молодцов?
Иль зло сорвать – продать его, собаку,
Да послужить ребятам удалым?
Нет, лучше к дяде. Он за эту службу
Не пожалеет горсти серебра.
(Уходит.)

Бастрюков

Зевать не надо! Ты гляди, да в оба!
Всю ночь прождать, да только б не с пустыми
Руками нам домой вернуться. Лучше
Не жить на свете, вовсе не родиться!
А уступить нельзя: не мой обычай.
Резвый

Никак, идет.
Бастрюков

Свисти!
Резвый свищет. Марья Власьевна на крыльце.

Ты ль это, Маша?
Явление восьмое
Бастрюков, Резвый и Марья Власьевна.

Марья Власьевна

Я, мой родной! Иду и ног не чую!
Спаси меня, спаси! Мне все постыло,
Мне лучше в омут, чем назад в хоромы:
Отец родной и матушка родима
И продали, и пропили меня.
Бастрюков

Да где ты?
Марья Власьевна

Здесь! Боюсь идти в потемках.
Бастрюков

Свисти в другой!
Резвый свищет.
Чего со мной бояться?
Душа моя, голубка, полегоньку
Мы на руках тебя снесем до лодки,
Тын разбирается.
Да и прощай, и поминай как звали.
Входят: воевода, Влас, Настасья, шут и слуги с фонарями.

Явление девятое
Бастрюков Степан, Марья Власьевна, Резвый, воевода, шут, Влас, Настасья, слуги.

Шут

Держите!.. Воры!
Резвый

Осударь, спасайся!
Бастрюков

Авось пробьемся. Мне свою голубку
Неужто бросить!
Воевода

Бросишь поневоле.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
И рад бы взять, да руки не достанут.
Вяжите их!
Резвый

(вынимает саблю)

Поди-ка сунься кто!
Все отступают. Бастрюков и Резвый отходят к тыну.

Бастрюков

Прощай, касатка, не моя – чужая!
Марья Власьевна

Ну да, чужая. Пусть владеет силой,
Ни ласки он, ни слова не дождется.
Мне что сказать, мне чем тебя утешить?
Ему не я, а красота нужна.
Так пусть же силой нас и обвенчают,
Пусть что хотят, то делают; я буду
Как мертвая.
Воевода

Так вот, Степан Семеныч,
Ты по каким делам пошел?
Бастрюков

Ошибся,
Ты не узнал, я не Степан Семеныч.
Бастрюков и слуги входят в лодку.
Воевода

Эй, люди! В лодки, да в погоню живо!
Один из слуг

Что было лодок, все поотвязали
И по воде пустили. Не в чем ехать.
Резвый

Поедем тихо, и пешком догонишь.
Воевода

Смотри, куда поедут – вверх по Волге
Иль вниз?
Слуга

Ни вверх, ни вниз, даются в реку;
Не видно стало, обняли потемки.
Настасья

Вот видели, как девок-то воруют!
Вот погляди! А как за ней усмотришь!
Воевода

Украсть хитро, как сторожей поставлю!
Настасья

Да просто так, возьмут да и украдут.
Не надивлюсь, когда они спознались.
Влас

А вот пойдем притянем всех к допросу,
Всех нянек, мамок, спросим и ее.
Эй, заберите тын, да подоприте
Его путем! Всю ночь ходить дозором!
Воевода

Ну, мы ее побережем покрепче.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Ко мне, в мой дом ее перевезите,
Что на посаде: он пустой стоит;
Там не украдут; пусть живет до свадьбы.
Настасья

Как хочешь сам, а мне не уберечь.
Оно и лучше – от беды подальше.
Иди домой! Ах, батюшки, нейдет!
Толкает, та понемногу подвигается.
Воевода

Упрямится. Дай время – обойдется.
Уходят.

Сцена II
ЛИЦА:

Степан Бастрюков.

Роман Дубровин.

Резвый.

Кубас.

Шишига.

Бурый.

Зоря.

Сени в доме Бастрюкова.

Явление первое
Бурый и Зоря (настраивает гусли).

Зоря

Давно у нас старый боярин в Москву уехал?

Бурый

За неделю русальной, да поста неделя, вот и считай.

Зоря

А надолго?

Бурый

А кто его знает. Челобитную повез в Москву на воеводу, так, вестимо, скоро не выпустят; да он масла на всякий случай с собой повез.

Зоря

Зачем?

Бурый

Экой ты какой! В Москве даром дела не делают. Подьячих маслить. С порожними руками с судьей не сговоришь; судиться – не Богу молиться, поклоном не отделаешься. Подьячим, брат, житье лучше нашего скоморошьего. С правым делом боярин-то поехал, а подьячим-то приданого на трех возах повезли; а воевода от себя на четырех поминки шлет, чтоб не забыли. Сам, дескать, кормлюсь, да и вас покармливаю.

Зоря

и много же на воеводу челобитчиков!

Бурый

Да почитай весь город.

Зоря

Круто ему будет.

Бурый

Баба ворожила да надвое положила. Чья мошна туже, та и перетянет.

Зоря

Что Степан Семеныч долго не едет; а я уж гусли наладил. Садись да играй.

Бурый

Да с кем он поехал?

Зоря

Резвый с ним, да еще Кубас с Шишигой.

Бурый

Ну, так приедут, да не скоро. Они теперь рыщут, черна бобра ищут. Привезут ли, нет ли, соболя в сафьянных чёботах, кунку в шубке.

Зоря

А мы и повеселим, чтоб на новом месте не скучно было. (Поет.)

Уж и что же вы, робята, приуныли!
Аль у вас, робята, денег нету?
Входят: Бастрюков, Резвый, Кубас и Шишига.

Явление второе
Те же, Бастрюков, Резвый, Кубас и Шишига.

Бастрюков

(садится)

Душа горит, на части сердце рвется
Ретивое. Куда ты подевалась,
Моя удача, мой талант да счастье?
Аль приугасла, али закатилась
Звезда моя несчастная?
Резвый

Боярин,
Степан Семеныч! Выпей хоть маленько,
Облей ты, окати свое сердечко,
Повеселее будет.
Бастрюков

На роду ли
Мне так написано, аль доля вышла
Спознаться с горем. Ветру не развеять
Тоски-кручины. Ройте мне могилу,
Дубовую колоду приготовьте.
Желтым песком засыпьте!
Резвый

Нас живыми
Зарыть в могилу надо, что доводим
Тебя до этакой кручины.
Бастрюков

(встает)

Слуги
И челядинцы верные мои!
Я вас кормил, и жаловал, и тешил,
С плеча дарил свое цветное платье –
Хоть в жизни раз и вы меня потешьте!
Я в ноги нам ударю, доставайте
Мне Марью Власьевну!
Резвый

Робята, надоть
Хоть умирать, а доставать. Потешим
Боярина. Вели, Степан Семеныч,
Мне слово молвить.
Бастрюков

Молви.
Резвый

(кланяется в ноги)

Головы
Повинной не секут, не рубят. Прежде
Ты выслушай, потом казни, как знаешь.
Хоронится у нас от воеводы
Роман Дубровин.
Бастрюков

Ведомого вора
Во двор пустили. Воровской притон
Здесь завели. А ну как вдруг нагрянут
Да вора вымут на моем дворе!
В ответе я. По грамоте царевой,
И головой, и животом отвечу,
Поместья отберут на государя
За ваше воровство!
Резвый

Степан Семеныч,
Не вор Дубровин. Тем и провинился,
Что жил богато да жена красива;
Да так красива, что другой на свете
И не найдется. В те поры напрасно
Его томил в остроге воевода –
Все денег вымогал. Сбежал Дубровин,
Так он в тюрьму его хозяйку вкинул;
И ночи там она не ночевала,
К себе в опочивальню перевел.
В бегах был с год Дубровин, вот вернулся,
Сгрустнулось, повидаться захотелось
С женою.
Бастрюков

Где ж она?
Резвый

У воеводы.
Бастрюков

Так вы его пустили?
Резвый

Да боится
К чужим пристать. Да что ж, Степан Семеныч,
Пускай живет; у нас его не сыщут;
А взыщутся, так мы тогда спровадим,
И след простыл; а нас хоть жги огнями:
И знать не знаем, слыхом не слыхали.
А уж куда на выдумки гораздой!
Вели позвать. Ум хорошо, два лучше.
Потолковать бы с ним о нашем деле,
Худого не придумает.
Бастрюков

Зови!
Резвый

Кубас, беги! Да ты найдешь?
Кубас

Пошарю,
Авось найду. Еще бы не найти!
Я свой, не сыщик.
Уходит.

Резвый

Горе-то убило
Теперь его, а уж куда затейник –
Что слово скажет, то рублем дарит.
Бастрюков

Послушаем. Крестами поменяюсь,
Коли беду мою бобами разведет,
Печаль-тоску на радость поворотит.
Резвый

Кромя его и некому.
Бастрюков

Посмотрим.
Входит Дубровин.

Явление третье
Те же и Дубровин.

Дубровин

Здорово, осударь Степан Семеныч!
Бастрюков

Живешь давно, а глаз своих не кажешь
Хозяину. У нас таких порядков
Не водится меж добрыми людьми.
Дубровин

Да пошто я тебе? Живу я смирно,
Тебя не трогаю. И ты не трогай!
Пришел не в гости, ни с добром, ни с худом,
Пришел потиху и уйду потиху,
А за постой скажу тебе спасибо!
Зачем покликнул?
Бастрюков

Дело есть, Дубровин.
Тебе не боязно?
Дубровин

Чего бояться?
Бастрюков

Велю связать, да к воеводе.
Дубровин

Шутишь!
Я пуганый, меня не испугаешь.
Бастрюков

И то шучу. И волосом не тронут,
Пока ты здесь. Вот Бог тебе порука!
Дубровин

Да я тебе и без божбы поверю.
Бастрюков

Нужна послуга.
Дубровин

Будет ли под силу?
Бастрюков

А есть охота?
Дубровин

Твой слуга, боярин.
Бастрюков

Не ждал беды, сама беда сыскалась,
Тужить не думал, довелось тужить.
Дубровин

За что про что сыр-бор горит?
Бастрюков

За девку!
В руках была, да отняли из рук.
Дубровин

Здесь девушки по денежке.
Бастрюков

Не купишь
И тысячей. Слыхал ли ты про Власа
Дюжова?
Дубровин

Кто ж его не знает, плута,
Лисицу старую!
Бастрюков

А дочек видел?
Дубровин

Чтоб не солгать, раз с десять доводилось.
Молва идет: не знаю, правда ль, нет ли?
Прасковью Власьевну за воеводу
Просватали. Ужель, Степан Семеныч,
Я молвлю не в укор, ее жалеешь?
Похаять нечего, с лица красива,
Собой статна, а все же кус не твой;
Пухла, ленива, слова не дожدهшься.
Я не тебе чета, а не польщуся.
Вот Марья Власьевна совсем другая,
Как не родные точно.
Бастрюков

Про нее-то
И говорю, ее-то и жалею;

Мы по любви сошлись и столкнулись.
Дубровин

Чего ж жалеть-то? Сватайся порядком,
Не отдадут, возьми без позволения.
Бастрюков

Так и задумал.
Дубровин

Ну!
Бастрюков

Да помешали.
Я за руку, а за другую..
Дубровин

Кто же?
Бастрюков

Все он же, воевода.
Дубровин

Не татарин:
Не женится на двух.
Бастрюков

Да он раздумал
Прасковью взять. Как увидал меньшую,
Так подавай ее, а ту не надо.
Во двор берет беречь, чтоб не украли.
Дубровин

А надо бы украсть. Ужли уступишь?
Бастрюков

Что уступить, что заживо в могилу!
Мне жизнь – не в жизнь! Бесчестье-то бесчестьем,
Да каково, слюбившись, расставаться;
Любовь-то не пожар, а загорится,
Так не потушишь.
Дубровин

Не сложить же руки,
Не плакать стать; слезами не поможешь.
Подумать, да за дело.
Резвый

В добрый час!
Дубровин

(оглядываясь)

Повыстудить бы избу. Лишних за дверь.
Останься, Резвый! – ты не помешаешь.
Бастрюков

(слугам)

В сенях постойте, подождите зову.
Дубровин

Боярин, я пришел не даром. Тоже
Должишко есть; повыправить хочу.
Взаймы жену, без спросу, люди взяли:
Просить по чести – самого посадят,
Что век не вылезешь. Одно осталось –
Свое добро у вора воровать.

Давай уж вместе! Первым делом надо,
Чтоб воевода выехал дня на два,
Хоть за охотой, хоть на богомолье.
Бастрюков

Как выживешь его?
Дубровин

Уж наше дело.
Мизгирь для нас уладит.
Резвый

Воевода
Без Мизгиря ни шагу. Уж давно бы
Его казнить пора за чародейство,
А он в тюрьме томит; да днем ли, ночью ль,
Во всякий час к себе в покои водит,
По книгам смотрят, в шестокрыл и в рафли,
Мизгирь что скажет, то и свято.
Дубровин

Завтра
Пошли в тюрьму колодникам на хлеб,
А Мизгирю особо. От Романа,
Мол, прислано.
Бастрюков

Чем свет пошлю Кубаса.
Резвый

Я сам схожу.
Дубровин

Нам только большака-то
Долой бы с глаз, а челядь наша будет.
Бастрюков

Ну ладно. Делай! Денег ли, людей ли –
Бери, что нужно.
Резвый

Ты, Степан Семеныч,
Опочивай, ложись! Не думай; утро
Помудреннее вечера бывает.
Бастрюков

Не к смерти грех. Вели-ка дать медку!
Мне не впервой гулять до бела света.
Резвый уходит.

Ты где бродил?
Дубровин

Не клином свет сошелся.
Бастрюков

Гулял по Волге?
Дубровин

Волей и неволей,
В бурлаках...
Бастрюков

И в удалых молодцах?
Дубровин

Всего бывало.
Бастрюков

и большой дорогой
В ночь темную?
Дубровин

Придет пора, покаюсь.
Ни ты чернец, ни мне конец, боярин.
Бастрюков

Здесь слух прошел про Худояра. Слышал?
Дубровин

Слышать слышал.
Бастрюков

А может, и видал?
Так правда ли, что он народ не грабил
И рук не кровенил; а на богатых
Кладет оброк, служилых да подьячих
Не жалует и нас, дворян помещтных.
Пугает крепко?
Дубровин

Ты его боишься?
Бастрюков

Мне что бояться, я живу по правде.
Дубровин

Так что ж тебе?
Бастрюков

Да поглядеть охота.
Дубровин

Зачем, боярин?
Бастрюков

Удаль заставляет.
Дубровин

Не спятишься?
Бастрюков

Не пятился ни разу.
Я сам удал и молодцов люблю.
Дубровин

Поедем завтра.
Бастрюков

Ладно. Резвый, живо!
Входят: Резвый, Кубас, Шишига, Зоря, Бурый и слуги.

Вина давайте, меду! Песни пойте!
Дым коромыслом! С горя загуляли,
А с радости опохмеляться будем.
Зоря и слуги

(поют)

Уж и полно нам, робята, чужо пиво пити,
Не пора ли нам, робята, свое затирати?
Солод молод на овине, а хмель на тычине.
Уж и что же вы, робята, приуныли!
Аль у вас, робята, денег нету?
Действие второе
Сцена I

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
ЛИЦА:

Воевода.

Неустройко.

Настасья.

Марья Власьевна.

Вдова Ульяна.

Мизгирь, колдун.

Олена, жена Дубровина.

Гришка Жилка.

Шут.

Прислуга и стража.

Женщины и девки.

Светлица в воеводском доме.

Явление первое

Воевода и Неустройко входят; за ними один слуга.

Воевода

(садится)

Согнать ко мне всю дворню!

Слуга уходит.

Все покои

Прибрать! Постлать ковры! Завесы к окнам

Тафтяные повесить с кружевами!

Чтоб был полавочник на каждой лавке!

Столы сукном завесить! Жениховы

Мои подарки в тереме поставить:

Ларцы и зеркала, белила, перстни,

И мыла всякие, и все покупки,

И рухлядь всю расставить и развесить

Лицом на погляденье!

Неустройко

Все готово

Для дорогих гостей, всего запасно.

Посадим с честью и накормим сыто.

Воевода

Не на день гости к нам.

Неустройко

Да хоть бы на год!

Входят прислужники обоего пола и кланяются; меж ними Олена.

Воевода

Я жалую вас милостью боярской:

Не красен дом, не весел господину,

И слугам сиротливо без хозяйки

Боярыни. Благословеньем Божьим

И нашим счастьем мы нашли девицу

Себе по мысли, и понять желаем

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Себе в жену, вам в мать и госпожу.
Неустройко

Час добрый! Кланяйтесь, благодарите
Боярина.
Кланяются в ноги.

Воевода

Теперь пока до свадьбы
Я этот дом со всем добром и с вами
Невесте отдаю.
Неустройко

Опять ударьте
Челом ему на милости боярской
И слушайте наказ.
Воевода

Наказ короткой:
Служить боярыне, как мне, со страхом
И вежеством, в грозе и береженье,
Не красть, не лгать, от всякого бесчинства
И пьяного питья блюстись всемерно!
Все это присказка, а вот и сказка!
(Встает.)

Чтоб день и ночь ворота на запоре!
Чтоб день и ночь круг дома сторожа!
Чтоб ни к кому приходу, ни подсылу!
Чтоб санным девкам из ворот ни шагу!
На портомой водить за караулом
Не часто! Слово каждое и дело
Чтоб было мне доподлинно известно!
Не только вести в дом или из дому
Не проносить; а птица прилетела
С чужих хором, чтоб мне про это ведать!
Я батогов для вас не пожалею
За малую оплошку; за большую
Казненным быть нещадно скорой казнью.
Неустройко

Челом боярину и вон ступайте.
Кланяются и уходят, кроме Олены.

Явление второе
Воевода, Неустройко и Олена.

Воевода

Олена!
Олена останавливается.

Ты все волком к лесу смотришь.
Змеей шипишь. Пора бы уходитьсь,
Забуть про вора-мужа.
Олена

Не забуду,
Пока жива.
Воевода

Кто на тебя посмотрит
Со стороны, так скажет, что зарезать
Меня ты хочешь. Грозными очами
Глядишь на нас, а на душе кто знает
Что у тебя.
Олена

Да что кому за дело,
Как я гляжу? Я лучше не умею.
Живу покорно, голову поклонно
Держу перед тобой; что ни заставишь,
Я делаю, не выхожу из воли.
Чего ж тебе?
Воевода

(Неустройке)

Стеречь ее покрепче,
Чтоб не сбежала как с двора.
Олена

кто? я-то?
Куда сбежать? Подумай! Много ль места
Ты мне оставил? Дом стоит покинут
И разорен по милости твоей,
И двор зарос. А где Роман гуляет,
Где буйною головушкой качает,
Печет ли солнце, дождик ли сечет
Ясны сокола, в живых ли, нет ли,
И я не знаю, да и ты не знаешь.
Куда ж бежать? Уж разве на погосте –
Над матушкой повыла б, что на горе,
На муку зародила, да взглянула,
Хоть издали, на дом пустой – да в Волгу;
Да грех велик. Уж я у вас останусь
Рабой твоей до гробовой доски.
Да буду ждать, чем нас Господь рассудит
С тобой.

(Уходит.)

Неустройко

Нет зверя злой жены лютее.
Боярин, Мизгиря пригнали.
Воевода

Кликни.
Неустройко

(в двери)

Ведите!
Стража вводит Мизгиря.

Явление третье
Воевода, Мизгирь, Неустройко и стража.

Воевода

Расковать!
Расковывают.

За дверью станьте!
Стража и Неустройко уходят.

Поди сюда.
Мизгирь

что хочешь, господине?
Почто извлек из смрадных темницы?
Почто труждаешь?
Воевода

Адово исчадье!

Слуга ты дьявольский! Не в труд, а в милость

Себе поставь боярскую послугу:

Потоль ты жив, пока в тебе нужда есть.

Мигну – и духу твоего не будет

Поганого, и вороны не сыщут

Костей. Пошлю к Москве, там суд короток –

Не волоча, сожгут тебя живого

За волховство.

Мизгирь

Несть власти надо мною

В твоих руках. Написана мне в книгах

Другая смерть. Суда не испугаюсь!

На гадине я еду, погоняю

Ужом, сам дюж, судей своих объеду.

Суд по суду, век по веку ведется.

Посею мак, разыдутся все судьи.

Лишь те сидят, что на меня глядят,

Меня едят, да не съедят – не смогут;

Медвежий рот имею, волчьи губы,

Свиные зубы.

Молчание.

От меня не скроешь

Своей души. Зачем позвал, я знаю,

Не сказывай. Бес падок на седины,

А старый глаз завистлив. Что увидел,

То и подай. Ох, трудно дело, трудно!

Ты к ней лицом, она к тебе затылком!

Ха, ха, ха, ха! Не знаю, как осилю,

Попробую. Вели вина и меду

Подать сюда.

Воевода

(свистит)

Входит Неустройко.

Подай вина и меду!

Мизгирь

(развертывает книгу)

В отъезд тебе из города, дня на два,

А не уедешь, ничего не будет.

Вся сила в том. Пускай она тоскует

И сохнет по тебе. Как меду выпьет,

Сейчас тоска ее обымет, станет

Всех спрашивать: да скоро ль он приедет,

Мой мил сердечный друг?

Воевода

Куда ж бы ехать?

Мизгирь

Сходи пешком в лесную пустынь, на бор.

Воевода

Ин ладно. Там и зверя погоняем

Денек, другой.

Неустройко вносит вино и мед.

Мизгирь

Давай вино, я выпью.

(Пьет.)

А мед поставь на стол.

Воевода

А сам ступай

За двери.

Мизгирь

(приговаривает над медом)

На море, на океане,
На каменном на острове Буяне
Лежит доска, на той доске тоска
И корчится, и ежится, и бьется,
С доски да в воду, из воды в огонь,
А из огня выходит черт и вопит:
Беги скорее, пава Романя,
Ты дуй тоску рабе Марии в кости,
И в тело белое, и в черну печень.
И в сердце ретивое! Шалда, калда!
Воевода

Ступай и жди награды по заслуге.
Не жаль мне денег, только бы сбылось!
(Свищет.)

Входят Неустройко и стража.

Сковать и свесть в тюрьму!
Мизгиря уводят.

Неустройко

К тебе, боярин,
По твоему посылу и приказу,
Вдова Ульяница.
Воевода

Зови скорее!
Неустройко

Поди, не бойся.
Входит Ульяна.

Стань вот так!
Явление четвертое
Воевода, Ульяна и Неустройко.

Воевода

Ульяна!
Ты слушай в оба! Не по чести место
Тебе даю. Боярские хоромы
Велика честь для вас, людишек малых,
Ты это чувствуешь. Ты сиротским делом
День за день бьешься. У меня в почете
И в холе будешь. Вся твоя забота –
Беречь боярышню, от ней ни шагу
Не отходить. Какие будут речи
Меж вами, сказывай! А баб и девок
Не допускай к боярышне с речами,
Блюда за ними крепко. Все, что нужно,
Через тебя чтоб шло, никак не мимо.
Послужишь честно, честно и отпустим
С большим наделом деньгами и платьем,
И замуж выдам.
Ульяна

Не трудна работа

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
И много милости. Продли Бог веку
Тебе на белом свете. Сиротинку
Не забываешь.
Воевода

Дело-то, я знаю,
Тебе по сердцу. Нравом ты свирепа,
Глядишь медведем, ни грозой, ни лаской –
Ничем не взять. Пили тебя на части –
Ты все свое. Ежовую щетиной
Ты обросла кругом. Не надо беса,
Когда ты здесь. Мне того и нужно.
Ступай!
(Неустройке)

Отдай ей мед.
Неустройко подает.
Когда попросит
Испить боярышня, ты дай ей меду,
Что в этой чарке, да проси о всей.
Ульяна и Неустройко уходят. Входит Жилка.

Явление пятое
Воевода и Жилка.

Воевода

Откуда ты?
Жилка

Из погреба.
Воевода

Треклятый,
Как черт занес на погреб?
Жилка

Посадили.
В гостях гостил у Бастрюковых.
Воевода

То-то

И не видать тебя.

Жилка

Голодной смертью
Околевал-сидел, и кнутъем били,
А на тебя, боярин, челобитье
Написано и услао к Москве.
Воевода

А кто писал?
Жилка

Да я.
Воевода

С ума ты спятил!
Или об двух ты головах?
Жилка

Напишешь
И на себя, как по бокам с плетями
С ордынскими стоят.
Воевода

А кто поехал?

Жилка

По выбору послали. С Бастряковым

Поехали. И он в Москву.

Воевода

Ну с Богом!

Широкий путь.

Жилка

Роман Дубровин близко.

Воевода

И знаешь где?

Жилка

У Бастряковых.

Воевода

Точно?

Жилка

Хоть умереть, на месте провалиться!

Воевода

А вот, дай срок, схожу на богомолье,

Нагреем к ним.

Жилка

Про Худояра вести.

Воевода

Хорошие?

Жилка

Остановился станом

За пустыню. Осиновик-починок

Слышал когда?

Воевода

Ну вот и кстати будет,

А я иду туда на богомолье.

Беги скорей, вели собрать Баиму

Стрельцов своих и всех служилых. Мигом

Лети к нему: чтоб нынче и в поход.

Жилка кланяется в ноги и уходит. Входит Неустройко.

Неустройко

Боярин, гости к нам.

Воевода

Беги навстречу!

Чего ж стоишь как пень!

Неустройко

(у двери)

Прощенья просим,

что у ворот не ветрел, позагляделся.

(Кланяется.)

Входят: Настасья, Марья Власьевна, Неустройко, потом шут, Ульяна и женщины.

Явление шестое

Воевода, Настасья, Марья Власьевна, Неустройко, потом шут, Ульяна и женщины.

Про ласковую тещу только вспомни,
Она и здесь. Как спали-ночевали?
Целуются.

Настасья

Зятек поклонистый, живем, покуда
Господь хранит.
Воевода

Садись в передний угол!
Хозяйкой будь.
Настасья

Хозяйка не садится,
Садись ты, гость.
Воевода

Не гость и не хозяин.
Хозяйка вот. Весь дом со всем запасом
Ее теперь, а я сюда до свадьбы
Не загляну. Живите как хотите.
Для береженья, для услуги много
Дворовых баб и девок. Был женатый,
Входит Ульяна и несколько женщин.
Так нужны были, а вдовцом остался –
Куда их деть? Хотел уж по осинам
Развешать их, аң вот и пригодились.
Вот и Ульяна, ей наместо мамки.
Настасья

На всем спасибо! Только ты послушай,
Какое дело! Словно кто испортил
Ее у нас. Бывало, день настанет –
Одну ее и слышишь: без умолку
Трещит, болтает, прыгает да скачет;
Теперь ни слова, точно как немая,
И уст не открывает, и ни шагу
Не сделает сама, толкнешь – идет.
Аль сглазил кто?
Воевода

От глазу и от порчи
Мы слово знаем. Молодо – стыдливо.
Глазам-то стыдно, а душой-то рада.
Девичий стыд до мужнина порога,
Лиха беда порог переступить.
Настасья

Не то что стыд, а норовом такая:
Упрямится.
Ульяна

Устанет – перестанет.
Настасья

Тоскует, что ли? Спрашивать пытали,
Не молвит ничего.
Воевода

Тоску прогоним
Шут входит.

Забавами, да играми, да пляской.
Да песнями. Бессудного покличем.
Шут

Здесь, дяденька.
Воевода

Тебя–то нам и надо.
Шути, хвостом верти, хоть бесом корчись,
Да только тешь! А я домой поеду.
Хочу пешком сходить на богомолье,
Благословиться. Крепче дело будет.
Да говорят, круг города удалых
Поразвелось, так надо попугать их.
Дня два проходим да честным пирком
За свадебку. Прощай, моя зазноба!
Не надолго прощаемся с тобой,
Немного дней пройдет до нашей свадьбы,
Но каждый день протянется мне годом:
Я ночью буду утра дожидаться,
Я утром буду вечер торопить.
Настасья

Убить бы день, а ночи не увидишь.
Воевода

Не крой лица, не прячь своих очей
И ненаглядной красоты девичьей,
Дай наглядеться, дай на расставанье
Налюбоваться вдоволь про запас.
(Открывает покрывало и смотрит на нее; она закрывается.)

Прощай–ка, тещенька.
Настасья

Прощай, зятек.
Все кланяются.

Женщины

В святой бы час, в архангельской.
Воевода

Спасибо!
Уходит с Неустройкой.

Явление седьмое
Настасья, Марья Власьевна, Ульяна, шут и женщины.

Шут

(прыгает)

Ишь скачет как! Пыль–курево стоит.
Прощай, боярин! С Богом, по морозцу!
Уехал дядя! Запили лохмотья,
И загуляли лоскутки. Не страшно!
Хоть пой, хоть плачь! Никто не сымет воли.
(Поет.)

Ах ты бедный еж,
Горемычный еж,
Ты куда ползешь,
Куда ежишься?
Я ползу, ползу
Ко боярскому двору,
Ко высокому терему.
К Марье Власьевне.
(Ежится и жметя к Марье Власьевне, она его толкает ногой.)

Спесива ты, дерешься! А не знаешь,

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e

Как бедного ежа встречают? Слушай:

Как взяли ежа
Во высокий терем,
Как стали ежа
Целовать, миловать,
Оглаживать,
Охорашивать.
Ульяна

Пойдем-ка в терем, погляди подарки
Боярские.
Настасья

Пойти. Чай, то-то диво!
Уходят все, кроме шута и Марьи Власьевны.

Марья Власьевна

(открывает покрывало и сердито смотрит на шута)

Кабы не ты, гуляла б я на воле.
Постылый пес, тебе бы беса тешить!
Ножа-то нет, зарезала б тебя.
Входит Ульяна; она опять закрывается, ее уводят.

Шут

Гляди-кась. Вот так пыль! Чуть жив со страху!
С ковшом на брагу налетели, дядя!
Убил бобра! Нашла коса на камень!
Уходит.

Сцена II
ЛИЦА:

Дубровин.

Бастрюков Степан.

Резвый.

Пустынник.

Щербак, есаул.

Каурый, Заяц, Вотря, Калга, Ерголь – разбойники.

Воевода.

Неустройко.

Свита воеводы.

Прохожие.

Нищие и убогие.

Крестьянин.

Лесистое ущелье; налево гора, в ней пещера; за горой овраг и речка, которая поворачивает в глубину сцены; за речкой гора, на ней сквозь лес видны стены монастыря; через реку мост; с правой стороны лесистая гора, по ней идет дорога к мосту и потом подымается к монастырю; под горой кусты и шалаш.

Явление первое

Нищие на мосту. Пустынник идет с ведром с речки. Прохожие богомольцы идут по мосту к монастырю.

Нищие

(поют на мосту)

Отчего начался у нас белый свет?
Отчего началось солнце красное?
Отчего начался млад-светел месяц?
Отчего начались звезды частые?
Отчего начались зори светлые,
Зори утренние и вечерние?
Пустынник

(ставит ведро подле пещеры)

Года бегут; что день, слабеют силы;
А немочи час от часу сильней.
Настанет день, зайдет к моей пещере
Убогий брат, – на оклик нет ответа.
Отворит дверь: и тлеющие кости
Отшельника увидит пред собой.
Сойдут с горы, потупившись смиренно,
В немом молчанье, брат за братом, старцы
И с пеньем понесут меня в обитель,
И честно похоронят, и напишут
В синодик имя Божьего раба
На память вечную. И у престола,
Что день, помин по мне твориться будет;
Но все, что видел я, что сам содеял,
Что я любил, что я покинул в мире –
Со мной в могиле быльем порастет.
(Молчание. Уходит в пещеру.)

Дубровин, Бастрюков и Резвый подъезжают на лодке под мост и пристают к берегу.

Явление второе

Дубровин, Бастрюков, Резвый и пустынник.

Дубровин

Тавань! Я вылезу, а вы плывите,
Да в тальнике и схоронитесь с лодкой.
На клик иди.
Бастрюков

Ну, ладно. Поплывем.
Уплывают. Дубровин идет. Пустынник выходит.
Пустынник

Ты здесь опять? Гуляешь на свободе?
И не страшит тебя святое место,
И не уймут тебя земные власти?
Дубровин

Не столько ловят, сколько нас гуляет.
Пустынник

Ты жив еще? Земля сырая терпит
Твои грехи?
Дубровин

Ты видишь, жив покуда.
Приветь меня, отец, хорошим словом,
Благослови, а не кляни! Не сделал
Тебе дурного я.
Пустынник

Не мной ты создан,

Не мной и суд свершится над тобой.
Я не клянусь, а лишь молюсь и плачу
Да Божьему дивлюсь долготерпенью.
Мне жаль тебя! Мы оба беглецы.
Ты злом за зло, обидой за обиду
Греховному и суетному миру
Воздать желаешь; я молюсь о нем.
Не обнажай меча! Мечом погибнет
Извлечший меч. Живи со мной в пещере;
Ко мне и зверь бестрепетно приходит,
А от тебя и человек со страхом
Отходит прочь.

Дубровин

Отец, ты в мире не жил,
Мирской заботы-тяготы не знаешь.
Я Богу грешен, виноват царю,
Велик мой грех, велико окаянство,
И рад бы каяться, да не готова
Душа: в миру есть счеты да приманки,
Да зло на человека мыслю, душит
Меня вражда, клещами горло давит.
У сердца моего кусок оторван.
Ты дай мне срок, возьму мое родное,
Не погонюсь и за обидой, брошу,
Отдам ему обиду. Пусть, собака,
Живет да беды на голову копит
До Божьего и царского суда.
Тогда покину вольную потеху
И самохотную расправу. Слушай!
Вот видит Бог, тебе обет кладу:
Построю монастырь; в своем приходе,
Коль приведет Господь свой дом увидеть
И сызнова по-старому зажить,
Украшу храм стенным писаньем новым.
Ни денежкой, неправо нажитою,
Не покорыствуюсь. Пришло неправдой –
Пойдет на дело.
Пустынник

Смерть не за горами,
А за плечами. Легче не родиться,
Чем умереть, не помирившись с Богом.
А вдруг помрешь?
Дубровин

Туда мне и дорога!
Своя вина, так поделом и мука.
В чем Бог застанет, в том меня и судит.
Не все же зло, и доброго немало
Случалось делать; сколько ни потянет,
Во что ни постаноят, все же легче.
Уж мне давно шатанье надоело,
Давно хочу покинуть нож булатный;
И грех большой, и впереди-то пытка
Да кнут, что по заказу гнут. Не сладко.
Душа просила, и в уме бродило
Не смертное убийство, не разбой;
Мой норов крут, душа моя не терпит,
Когда большой молодшего обидит,
Подвластного гнетет да давит властный.
Пустынник

У властных власть идет от Бога. Кто же
Тебе дозволил стать над властью?
Дубровин

Сердце

Ретивое, что бьется – не уймется.
Неправый суд царит на белом свете,
В овечьем стаде волки пастухами;
Кто ж застоит за бедных, беззащитных?
Не мы, так кто ж? Нет власти – есть охота.

Затем-то я тюремное сиденье
Сменял на бор сырой. Про это горе
Я в темну ночь над Волгой думу думал
И с соловьями речи говорил.
Да не нашел я по сердцу удалых,
Все голь кабацкая, убойцы, воры,
Вином и кровью пьяные. По локоть
В крови их руки, головы похмельны,
Я им неровня; я затем и с низу
Привольного поближе к дому приплыл,
Чтоб бросить их и сесть опять в посаде,
Лишь, дал бы Бог, сменился воевода.
Ты не дивись, на белом свете много
К своим дворам, на царское тягло,
Приходит нашей братьи. Поживают
И в ус себе не дуют: кто торгует
На воровские деньги, кто припрятал.
Другой, гляди, не два, не три убойства
На плечах носит, да живут покойно,
Никто не трогает. Меня подавно
Посадские не выдадут, подьячих
Купить не дорого. А там годочек,
Другой пройдет, доводчиков не бойся.
Живешь потиху, так в разбое старом
Судить заказано, опричь убойства.
А я не лгу: я рук не кровенил.
Пустынник

Ну, Бог тебя благослови! Смотри же.
Я буду ждать!
Дубровин

Приду, отец, и скоро.
Пустынник уходит. Дубровин подходит к шалашу. Выходит Щербак.

Явление третье
Дубровин и Щербак.

Дубровин

Где наши?
Щербак

Все в лесу разбродом бродят.
Велишь скричать?
Дубровин

Не надо.
Щербак

Бережемся.
Поразошлись: кто с кузовом на плечах
Грибов да ягод ищет по опушке,
Другой к слепым уселся на мост с чашкой,
Кто в чаще, кто на острове на Волге
При лодках, при запасе. Воевода
Идет большой дорогой, целой ратью,
Близ ста голов, со всяким ратным боем;
Как на войну собрался, сбил народу,
Затинщиков, стрельцов и пушкарей;
Пищали, бердыши несут, ослопы,
Рогатины, луки и самопалы

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Звериные и весь запас воинской.
Уж не за нами ли?
Дубровин

Похоже дело.
Щербак

Отвесь бы в сторону. Мы мужичонка
Заворотили в лес с дрянным возишком,
С мешком муки; так наказал я на мост
Идти ему да плакать, воеводе
Челом ударить: вот, мол, животишки
Пограбили сегодня утром вору
И поскакали дальше по дороге.
Коль скажешь так, и воз назад воротим,
А нет, – и самому не быть живому.
Да я вперед по деревням верст на семь
Послал молву пустить, что утром были,
А спросят, мол, куда ушли? Кажите,
От города все дальше.
Дубровин

Ты с опаской
Живешь, Щербак. Да тут не то что с сотней
В таком лесу хоть тысячу народу
Сгони – и то не сыщут.
Щербак

С береженьем
Здоровее. Теперь в версте, не дальше,
Идет походом воевода, смотрят
С деревьев наши; чуть вдали завидят,
Придут сказать. Да что ж ты нас покинул?
Работы нет, давно без дела бродим,
Тоска взяла. Тебя не видим.
Дубровин

Вовсе
Бежал бы я от вас.
Щербак

Да ты что больно
Спесивишься?
Дубровин

Мне в городе есть дело
Дня на два, на три. Если я не буду
К вам на четвертый, и не ждите больше –
Считайте так, что нет меня на свете.
И жив я, нет ли, – будь ты атаманом.
Казну дувань; бери мой лук бухарской,
Камки и бархаты, цветное платье;
Сбирай людей, плывите без оглядки
На низ.
Щербак

К казакам, там целее будем;
Туда и след, там что-то заварилось.
Да и тебе бы с нами.
Дубровин

Не узнаешь
Своей судьбы. Вернусь ни с чем, так с вами ж,
Ни с кем другим, опять за ту ж работу.
Некраденый кусок приестся скоро;
Не стать к другой работе привыкать.
Щербак

А где казна твоя?
Дубровин

В яру зарыта.
Примета есть: иди ручьем с дороги
Все на полдень, увидишь две березы,
Сверни направо, на пенек сосновый,
Да тут и рой.
Щербак

А на свою-то долю
Ты взял ли что? Бывает, откупиться
Нужда придет, так было б чем.
Дубровин

Припрятал
По малости. А там себе иль людям
Достанется – вперед не угадать.
Была бы голова, а деньги будут.
Щербак

Да что за дело у тебя? не баба ль?
Так лучше брось. Кто с ними поведется,
Сам бабой будет. Бабий волос долог,
Язык длинней.
Дубровин

Зачем иду, я знаю,
А будет то, что будет. Кто поближе
Из наших тут?
Щербак

Каурой, Заяц, Вотря,
Калга, Ерголь.
Дубровин

Сбери их поскорее,
Приказ отдать. Как кликать будешь?
Щербак

Птицей,
И отклик тоже, лихо наловчились.
(Кличет.)

Выходят: Каурый, Заяц, Вотря, Калга, Ерголь, с другой стороны – Бастрюков.

Щербак

(хватается за нож)

Чужой!
Дубровин

Не тронь. Я прибрал из посадских,
Пригоден будет на мою работу.
(Бастрюкову.)

Вот Худояр перед тобою – весь тут!
Гляди глазами и ушами слушай,
Язык держи на привязи.
(Разбойникам.)

Ну, братцы,
Товарищи, не первый год гуляем
По Волге-матушке. Добра чужого
Награблено, накрадено довольно.
Погуляно, поедено, попито
По горлышко. И век гулял бы с вами –

Не расставался, да такое дело,
Что не ордой, а надоть одному
Пролезть и вылезть, где ползком, где боком,
Кругом болотца, в задние воротца.
Уж рад не рад, а вас покинуть надо
Ненáдолго. Щербак за атамана
Послужит вам, тák и другим скажите.
Вернусь, так ваш уж вплоть до самой петли,
А не вернусь – не поминайте лихом.
Каурый

Ты не бросай совсем-то!
Заяц

Что ж такое
Ты затеваешь? Это не порядок.
Вотря

Так нешто водится?
Калга

Да он виниться
Не хочет ли, дьякам в ногах валяться?
Так не помилуют.
Ерголь

Ты не в монахи ль?
Дубровин

Галдеть! Душа не терпит! Рассердиться
Недолго мне, да как-то вы умете!
Со мной не спорь. Что сказано, то свято:
Тому и быть.
Каурый

Да без тебя-то горе:
Ты голова, мы руки.
Заяц

Ну, как часом
Попутает нелегкая, случится,
В тюрьму влетишь?
Дубровин

Доводу, что ль, боитесь?
На вора вор доказчиком не будет.
Пытай, хоть жги, хоть режь, а вас не выдам.
Прибегают разбойники.

Разбойники

Идут близехонько!
Дубровин

По норам, живо!
Все прячутся в чашу; Дубровин и Бастрюков за дерево. Щербак достает из-за пазухи
лапоть, садится на пень и начинает ковырять.

Щербак

(поет)

Я на камушке сижу,
Я топор в руках держу.
Ай ли, ай люли,
Огород горожу!
Огород горожу,
Все капустку сажу.

Ай ли, ай люли,
Все кочаненькую!
У кого нету капусты,
Просим к нам в огород.
Ай ли, ай люли,
Во девичий хоровод!
Нищие

(на мосту поют)

Сходилася правда со кривдою,
Кривда правду переспорила.
Пошла правда по поднебесью.
Пошла кривда по сырой земле,
По народу православному:
Оттого суды неправые.
Всходят на мост воевода, за ним стрельцы; Неустройко, с мешком, оделяет нищих.
Крестьянин кланяется воеводе.

Явление четвертое
Воевода, Неустройко, стрельцы, крестьянин, Дубровин, Бастрюков и Щербак.

Крестьянин

Челом тебе, боярин, воевода!
Воевода

(поднимая его)

Не кланяйся! Земное поклоненье
Клади святым; мы грешные.
Крестьянин

Боярин,
Ограбили, убили, животишки
Все отняли, стрелами постреляли.
Воевода

Кто бил тебя?
Крестьянин

Неведомые люди.
Воевода

На конях или пеши?
Крестьянин

Все на конях.
Воевода

Куда поехали?
Крестьянин

Всё по дороге,
Всё на полдень.
Воевода

Теперь отыди с миром
В свой дом. А я иду молиться Богу
И не хочу смущать мирской заботой
Своей души. Дела мирские завтра.
Приди и жди конца церковной службы,
Свою беду скажи, а мы рассудим.
Я сам пойду в погону за ворами.
А вот тебе на убылое место.
(Дает из мешка.)

Прими!

Пошли тебе Господь здоровье
За наше умоление, осударь.
В монастыре звон. Все снимают шапки и переходят мост.

Дубровин

Теперь на лодку, в город и за дело!
Действие третье
ЛИЦА:

Марья Власьевна.

Вдова Ульяна.

Недвига.

Олена.

Домовой.

Девушки.

Терем в доме воеводы.

Явление первое
Входят Недвига и девушки.

Недвига

Что за напасть! Не хочет слова молвить!
А вы-то дуры! Нет у вас уменя
Повеселить.
Одна из девушек

Коль ты умна, попробуй!
А мы-то уж и пели, и плясали,
На головах вот разве не ходили –
Да не сумеешь, а то бы попытались.
Недвига

Толкуй с тобой! Тебе чужая, видно,
А мне своя. Ну как не распотешить!
Охоты нет! Была царева дочка
На выданье, царица Несмеяна;
Сидит, не улыбнется, говорит ли,
Не усмехнется. Не-в-котором царстве
Нашелся парень, рассмешил-таки.
Другая девушка

Так парень, а не мы! Чудная, право!
Первая девушка

И ваша бы, пожалуй, рассмеялась,
Как привести ей парня по душе.
Да где же взять?
Недвига

Ты по себе не меряй!
Что у самой глаза-то завидуши –
Так не у всех такие.
Первая девушка

Говорить-то
Не хочется. До брани недалёко,
Как свяжешься.

Знать, нечего?
Первая девушка

Навряд ли!
Недвига

Ну, говори!
Первая девушка

С чего она тоскует?
Я слышала. Она сбежать собиралась,
Да не дали.
Недвига

Так что ж?
Первая девушка

Слюбилась с парнем.
Недвига

А вот и врешь. Когда ей с ним слюбиться?
Она его в глаза-то не видала.
Первая девушка

Ты говоришь, а кто тебе поверит?
Ну как сбежать, не зная с кем?
Недвига

Да так же:
Пришел да взял, не станешь упираться,
А взял – повел! У бабы волос долог,
А ум короток. Их куда ведут –
Они идут.
Первая девушка

А может, и взаправду.
Недвига

Вот то-то же! Ты не мели пустого!
Молоть пустое – жернова сотрешь.
Входят: Ульяна и Марья Власьевна. Девушки уходят.

Явление второе
Недвига, Ульяна и Марья Власьевна.

Недвига

Ждала ль меня? А я шугай надела
Да в гости к вам. Ну, все ли здорову?
Господь с тобой! С чего ты загрустила,
Красавица, забавница моя?
Ульяна

И сладу нет. Совсем от рук отбилась;
Хоть молода, а норов стар.
Недвига

Да ты бы
Не все грозой, а иногда и лаской,
И дуги гнут не вдруг, а прежде парят.
Ульяна

Да парь не парь, а надо будет гнуться,
Не гнуться – сломишься. Она упряма,
А я упрямее.
Недвига

Мне что за дело,
Какая ты! Твое перед тобою.
Вот память-то! Совсем было забыла
(кланяется)

Поклон отдать родительской. Велели
Здоровой быть тебе, да заказали
Кручиниться, да вот меня, старуху,
Прислали. Пошто, и сама не знаю.
Куда гожусь, туда и деньте. Видишь,
Поваднее тебе со мной, старухой!
Люба – оставь, а нет – домой пусти.
Велишь остаться?
Марья Власьевна кивает головой.

И на том спасибо!
Ульяна

Пойду-ка я да челядь попытаю
Проклятую, не спят ли, дармоеды!
Да заперты ль ворота. Ну, людишки!
Беда, и только! Хуже окаянных:
За ними глаз да глаз, да кнут ременный
В руках держи, а то не поворачишь!
(Уходит.)

Недвига

Ах, волк те съешь и с по́трохом! Откуда
Такое зелье взяли? На лес взглянет –
Так лес завянет. Не велика птичка,
А ноготок востер. Пустили волка
Овец стеречь, небось не отказался,
А говорит: «Что делать! так и быть,
Уж как не как, а надо послужить».
Олена входит, робко оглядываясь.

Явление третье
Марья Власьевна, Олена и Недвига.

Олена

(падая к ногам Марьи Власьевны)

Государыня боярышня,
Есть за мной вина немалая:
На реке платно мыла,
Громко колотила...
(Оглядывается.)

Недвига уходит.

Боярышня, есть весточка.
Марья Власьевна

Откуда?
Олена

Степан Семеныч шлет.
Марья Власьевна

Не лжешь, так правда.
Олена

На что мне лгать! На Волге платье мыла
Я на плоту; неведомая женка
Рядком пристала, вглядываться стала,

Взглянула раз и два, заговорила:
«Лицо твое мне, милая, знакомо,
А как назвать, не знаю». Так и так, мол.
«Ну, говорит, тебя-то мы и ищем.
Придешь домой, боярышне тихонько
Шепни, когда улужишь час...»
Марья Власьевна

Скорее!
Ну говори ж! Придут да помешают.
Олена

Чтоб завтра в сад, как только солнце сядет,
Ты выходила. Сторожей не бойся! –
Всех напоят. На даровое падки,
Весь дом напьется к ночи. Я нарочно
фату твою из рук пустила в воду,
чтоб допустили: будто повиниться
Пришла к тебе.
Марья Власьевна

(целуя ее)

Спасибо!
Олена

Ты Ульяну
уговори, чтоб погулять пустила.
Пусть и сама идет; из рук не вырвет.
Как молодцы подхватят.
Марья Власьевна

Да не пустит
Из терема.
Олена

Ты подари, попробуй.
Чай, есть что!
Марья Власьевна

Мало ль дряни. Тише! Идут!
Входят: Ульяна и Недвига; останавливаются и смотрят.

Олена

(на коленях)

Государыня боярышня,
Есть за мной вина немалая:
На реке платно мыла,
Громко колотила,
фату твою белую
В воду уронила.
(Кланяется в ноги.)

Марья Власьевна

(с сердцем)

Ну нет! Простить нельзя беду такую,
Какая ты работница! Работать,
Так не зевать по сторонам! Не надо
Твоей работы! Не нуждаюсь. Много
И без тебя народу. За провинность
Не заставляй ее работать. В терем
К себе беру. Пусть на меня и служит,
чтоб от меня не отходила шагу.
Олена

Во белых руках было,
Да ушло, уплыло.
Хоть казнишь, хоть милуешь –
Я не утаила.
Марья Власьевна

И вместе спать со мной! Да накормите
С боярского стола ее. Ступай!
Недвига

Вот, поглядишь, господское–то дело –
Не разберешь у них, что гнев, что милость.
Недвига и Олена уходят.

Явление четвертое
Ульяна и Марья Власьевна.

Ульяна

Заговорила? Аль опять надулась?
Житье мое! Уж нечего сказать!
Вот дитяtko на шею навязалось!
Ходи за ней! И не было печали.
Да черти накачали. Ты хоть лопни,
Она молчит и знать тебя не хочет,
Стоит как пень, ничем не поворотишь.
Марья Власьевна уходит.
Сама пошла. Диковина! Посмотрим,
что будет от нее.
Марья Власьевна входит и подает с поклоном тафтяную рубашку.

Ну вот спасибо!
Как поглядеть, так ты из умных, девка.
Не вдруг тебя и распознаешь! Право!
Не осердись, что я тебя бранила.
По глупости. Словечка не услышишь
Противного. Ни в чем не поперечу:
Ты добрая. А чай, грешки ведутся
И за тобой. Ох, девки молодые,
Проказницы! Вы при людях тихони:
По лавочкам, как соловьи по гнездам,
Смирнехонько сидите, глазки в землю
Опущены. А дай–ка вам потачку,
Недогляди, – откуда прыть возьмется –
Бойчее баб. Погудки, смех да грохот,
А разговор послушать, уши вянут,
Стыдом сгоришь. Да что кому за дело.
Чем тешатся, не плакали бы только.
Не то беда, что игры да потехи
На разуме у девок! Ну пускай бы
Промеж себя и тешились, так мало –
Утехи нет одним, без парней скучно.
Неправда, что ль? Ну и отыщут парня,
А тот и рад. Глядишь, и свел украдкой
Из–под носу. Не скажет и спасибо,
что берегли. Ну оттого и веры
Вам нет нигде. Сама чудила в девках,
Так знаю вас, меня не проведете.
И ты, как все, не лучше и не хуже,
Да хитрости в тебе уж больно много.
Марья Власьевна уходит.

Опять ушла. Еще не принесет ли?
А ладно бы! У ней добра–то много,
А мне–то где взять?
Входит Марья Власьевна с летником и подает с поклоном.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
что ты! Бог с тобою!
Не надо, нет! Куда мне! Совесть зазрит.
Марья Власьевна кланяется.

Уж разве взять? Подарок–то хорош.
Непрошенный подарок–то дороже.
И то, возьму. Благодарю покорно!
Да вот беда! Отдаривать придется.
Я братъ беру, а отдарить–то нечем.
Поноровлю за это; что захочешь,
Отказу нет, опричь того, что в терем
Чужих водить – и затевать не думай!
Да не пушу и самое из дому.
А в терему что хочешь, то и делай,
Ты госпожа, мы слуги, что прикажешь –
Тому и быть. Чем хочешь, забавляйся.
Марья Власьевна уходит.

Куда ты? Стой! Довольно! Эй, довольно!
Послушай–ка! Не надо, не возьму я!
Ахти грехи! Кто падок на подарки,
Добра не быть. Кому придет охота
Бросать добро на ветер? Видно, хочет
Купить меня. Не след бы мне и братъ–то,
Да как не взять, когда в глаза мне тычет.
Ох, смерть моя! Такой уж скверный норов –
И соблазнюсь, как соблазнюсь! Подарком
Меня и взять, глаза–то завидуши.
Продам тебя, боярин, сердце чует.
Не утерплю, продам. Глядеть не стану,
Зажмурюсь, чтобы не было соблазну.
Зажмуривается. Входят: Марья Власьевна с телогреей в руках и Олена.

явление пятое
Марья Власьевна, Олена и Ульяна.

Олена

Гляди–ка ты, какая телогрея,
И с выпушкой!
Ульяна

(открыв глаза)

Вот чудо, так уж чудо!
Неужто мне?
Марья Власьевна кланяется.

Олена

Кому же?
Ульяна

Дорогая!
Не нам носить.
Олена

Наденешь, так износишь.
Ульяна

Ох, каравай–то не по рылу. Где нам!
Уж как тебя благодарить, не знаю
И не умею. Вся твоя. Хоть воду
Вози на мне. Сулил мне воевода,
Да жди–пожди, а он, гляди, обманет,
А ты добрей, ты прежде догадалась.
Олена

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Да у тебя и летник – вóшвы бархат
На золоте. Тафтяная рубашка
С запястьями.
Ульяна

Уж разве нарядиться?
Олена

Ты нарядись, а мы посмотрим.
Ульяна

Что ты!
И впрямь пойти.
Олена

Чай, то-то загляденье!
Ульяна

Пойдем со мной, ты мне пособишь.
Олена

Можно.
Ульяна и Олена уходят.

Явление шестое
Марья Власьевна

(одна)

Молчать-то я молчу, да больно скучно
Становится. Немного натолкуешь
Сама с собой. Сложу от скуки песню.
Сама спою, сама и слушать буду.
Тихонечко спою, чтоб не слышали.
(Поет.)

Я по терему хожу,
Я по миленьком тужу,
Тужу, хожу
Да потуживаю.
Уж я сяду, посижу,
В окошечко погляжу,
В окошечко
Во косящетое.
Милый весточку дает,
Молодого гонца шлет,
Гонца, гонца
Да молоденького.
Что не быть, да не бывать,
С милым розно не живать,
Мне жить, не жить
Со милым со дружкой.
Поскачу да попляшу
Во высоком терему,
Вот так, вот так,
Вот и так, вот и так!
Слышит шорох, садится и молчит. Входят: Ульяна и Олена.

Явление седьмое
Марья Власьевна, Ульяна и Олена.

Олена

Куда красно! И посмотреть, так любо.
Красавица, как есть.
Ульяна

Чему дивишься!

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865-1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
И пень хорош в уборе!

Олена

Не похаять
Тебя и без убора. Всем пригожа,
Собой статна, лицом бела, румяна,
Глаза как вишни, брови колесом.
По красоте твоей за дворянина
Тебе идти. Ты баба молодая,
Чего ж сидеть!
Ульяна

Дворяне по дворянам,
А не по нас. А наши-то дворяне
Не родились.
Олена

Как знать, чего не знаешь.
Ульяна

Да нечего и знать-то! По одежке
Протягивай и ножки. А дворяне
Хороший кус, да не для наших уст.
Достатков нет, какая я невеста;
С голодным брюхом, да по добрым людям
Похаживай. Чужой-то хлеб не сладок,
подавишься. Кормить не станут даром;
и угождай на всякого как знаешь.
Хоть бы вот здесь, смотри за целым домом –
Беда бедой! Будь смирен – так проглотят,
Сердит – проклясть готовы. Вот и казись!
Уж только, девушка, у вас людишки!
Здесь не люди, а черти! Как шальные,
Проклятые! Кто спит, кто пьяный бродит,
Шатается. Сама за всем и смотришь,
за всякой малостью. А понадейся,
так пропадешь, не рада жизни будешь.
дай только срок боярину приехать,
все выведу наружу, а покуда
помучиться. И ночь-то не придется
часок уснуть. Чужим глазам не верю,
свой глаз милее, а чужой обманет.
Сама запрю все выходы, все двери,
да поперек порога здесь и лягу.
Один глазок усни, другой пусть смотрит.
Марья Власьевна дает ей перстень.
Раздобрилась, и не уймешь. А правду
сказать тебе, так мне тебя и жалко.
Олена

(вздохнув)

А у нас в саду
Соловей поет,
Выговорочки
Выговаривает.
Ульяна

Послушаем; послушать, что ли, хочешь?
Олена

Сходить бы завтра.
Ульяна

Что ж такое! Сходим
в сумеречки. Большой беды не вижу;
в своем саду, а не в чужом. Боярин
и не велел, да мало ль что! Наказы

легко давать! Не всяко лыко в строку.
Наказ-то знай, а делай как придется.
Марья Власьевна целует ее.
Ну в сад так в сад! Давно бы ты сказала.
Гуляй себе, когда придет охота;
Хоть днем гуляй, хоть ночью.
Олена

Вот и ладно.
Ульяна

Гуляй, гуляй! Авось повеселеешь,
Хоть улыбнись на нас с Оленой!
Марья Власьевна улыбается.
Ишь ты!
Пошло на лад.
Олена

Дай срок, не то увидишь.
Входит Недвига.

Явление восьмое
Те же и Недвига.

Недвига

Пора и спать. Чего сидеть в потемках!
Поужинай, чем Бог послал, да на бок
И завались. Без ужина ложиться
Нехорошо бывает, плохо спится,
Да много грезится. А то как знаешь:
Сиди себе. А уж огня не стану
Вздувать теперь.
Ульяна

Кто летом зажигает!
Чай, дворня спит?
Недвига

И куры, и собаки –
Все спят.
Олена

И я, боярышня, прилягу.
Уходит.

Недвига

Ну что ж найдешь? Аль спать-то неохота?
Не то что я. Все ноги отходила,
Все кости, все суставы заболели,
Измаялась. Не рассказать ли сказку
Да присказку? Авось тогда задремлешь.
(Садится на скамейку.)

Сумерничать давайте. Мы любили
В сумеречках сидеть с тобой тихонько
И побасёнки баять тихомолком,
А круг тебя как точно кто мурлычет...
Ах, батюшки! Вот так меня и клонит,
Так и валюсь и тычусь носом. Часом
Совсем усну, так ты меня толкни.
Начинается сказка, починается сказка.
За тридевять земель,
В тридесятом царстве,
(Дремлет.)

жили два брата,

Да мать брюхата,
Да отец на днях...
Постой! не так. Я что загородила,
Не сплю, а бредится. Начну сначала:
Жили да были два брата родные,
У одного брата всего богато,
А другой убогий, а детей у него много.
Говорит богатый бедному брату:
Сам ты убогий, а детей у тебя много.
Дай ты мне сына, вот тебе жита осьмина,
Вот тебе осьмина, а жене твоей холстина,
А дочери коза, лубяные глаза..
Да что я, что я вру-то! Сбилась! Тьфу ты!
Пропать тебе! Не то все! Задремала.
Вот дальше-то забыла, что там было.
Не вспомню ли? Заметалось! Помню только,
что попросил у брата лошадь бедный,
А волк и съел, оставил хвост да гриву.
И повели дружка к судье Шемяке.
Сидит судья Шемяка, судом судит,
Бороду закусит, да ус разлощит,
Ус разлощит, глаза вытаращит..
Тьфу! пропасть! Не налажу, да и только.
То про фому начну, то про Ерему.
Из двери выходит домовой с фонарем. Недвига в полусне машет руками.

Аминь, аминь, рассыпья! Чур меня!
(Засыпает.)

Домовой

Что вечерняя красная зорюшка
Догорает, чуть краешком теплится,
Загораются частые звездочки,
Рассаждаются по небу чистому.
Докачались головки, домаялись
До пуховых цветных изголовьицев,
Ходит сон по сениям, по новым дрема.
Ты поди, сон-дрема, в головах постой.
По хоромам старым
Я давно брожу;
В тереме чужая,
Дай-ка погляжу.
Новая новинка
К худу иль к добру?
Нет, такая гостья
Нам не ко двору.
Ты на счастье, на радость роженная,
Не про старого мужа рощеная,
Старику-то чернеть да горбы растить
А тебе-то алеть спелой ягодкой.
Я поглажу тебя лапой бархатной
На богатство, на радость с милым дружком.
Тихой сон – угомон ясным глазынькам,
В изголовье тебе грезы девичьи.
За сердечным другом
То ли не житье.
А у нас по дому
Горе да вытье.
Скрасишь скучный терем
На короткий час,
Да и пуст покинешь
И бежишь от нас.
Запустеет терем, принаклонится,
Заметет по углам пылью-плесенью,
Понесет по сениям бранью, руганью,
Сип да воп по клетям с перекорами.
Не слышать-то мне смеху веселого,

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Молодого, девичьего, звонкого.
Не слышать по ночам бреду жаркого,
Только старым старухам шлыки сшибать,
(Сшибает шлык с Недвиги и уходит.)

Недвига

(впросонках)

Аминь, аминь, рассыпья!
Марья Власьевна

Ах, как сладко
Уснула я!
Недвига

Аминь, аминь, рассыпья!
(Встает.)

Не разберу: во сне ли, наяву ли,
А сбили шлык. Не ты ли пошутила?
Пойдем-ка ужинать да спать ложиться.
Вот день прошел, до нас дошел.
(Зевает.)

Ахти мне!
Грехи мои!
(Зевает.)

И-ах... великие!
Уходят.

Действие четвертое
ЛИЦА:

Воевода.

Неустройко.

Старуха, крестьянка, хозяйка постоянного двора.

Иван, ее сын.

Гаврило и Клим, бортники из Нижнего.

Сидор, лесной промышленник из Унжи.

Курчай и Кулик, целовальники с казенной рыбой и солью.

Слуги воеводы.

Сон воеводы
ЛИЦА:

Большой боярин, старик.

Семен Бастрюков.

Думный дворянин и Дьяк из приказа Костромской четверти.

Несытов и Поджарый, дворяне.

Дворяне и разные дворцовые чины.

Степан Бастрюков.

Роман Дубровин.

Резвый и слуги.

Марья Власьевна.

Деревенская изба, направо печь, перед печью люлька с ребенком, налево стол.

Явление первое

Старуха (за люлькой), Гаврило, Клим (за столом ужинают), потом Иван, Курчай, Кулик и Сидор.

Гаврило

Вы, тетка, чьи?
Старуха

Поместные крестьяне.
Гаврило

За кем живете?
Старуха

За мурзой крещеным.
Клим

Хорош до вас?
Старуха

Татарин как татарин.
Где бабе знать! Толкуйте с мужиками.
Вот сын придет.
Гаврило

Ты внучка, что ли, нянчишь?
А где ж сноха?
Старуха

С ребятами в чулане.
Там четверо у ней, вот пятый в люльке.
Входит Иван.

Иван

Струга пришли, к ночлегу подвалили.
Слышь, матушка? А с лесу воевода
Валит со всем народом; хочет станом
На берегу остановиться на ночь.
Старуха

чай, лют?
Иван

Вестимо, лют: на то боярин.
Ты ждешь купцов, а тут, гляди, нагрянут
Боярские голодные холопья.
Один разор! От них, что от пожару,
что есть в земле зарыто, то и цело,
А под руку попало, то пропало.
Ахти, беда!
Старуха

Да что у нас и взять-то?
Иван

У нищего суму и ту отнимут.
Входят: Курчай, Кулик и Сидор.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Иван

С стругов?
Сидор

С стругов.
Иван

Отколь?
Сидор

Из Унжи будем.
Иван

С лубьем?
Сидор

Нешто!
Иван

А вы, робя?
Курчай

Мы с низу.
Мы в целовальниках идем в насадах,
С казной.
Иван

С какой?
Курчай

С оброчной рыбой.
Иван

В бочках?
Курчай

И с бочешной, и с солью.
Иван

А стерлядок?
Курчай

Не водим мы. А как по верхним плесам,
Каков улов?
Иван

Нешто таки.
Курчай

А мерны?
Иван

Да всякие – и в стрелу есть, и больше.
Кулик

Вы держите аль нет?
Иван

Чего?
Кулик

Вестимо...
Иван

Вина-то, что ль? Нет, парень, не бывало,
У нас корчмы никто не держит.
Кулик

Будто?
Иван

Да боязно, велик ответ.
Кулик

Не бойся,
Не выведем, не сыщики.
Иван

Ну, право.
Курчай

Поди пошарь. Авось найдешь.
Иван

Пошарю.
Кажись, что есть; себе берег на праздник.
(Уходит.)

Курчай

(Гавриле и Климу)

Хлеб-соль!
Гаврило

Спасибо.
Курчай

Здравствуйте. Откуда?
Гаврило

Из Нижнего гужом идем в обозе.
Курчай

Далеко ли?
Гаврило

До Ярославля, с медом,
Мы бортники.
Сидор

(подсаживаясь)

Плесни, хозяйка, щец-то!
Да не пустых.
Старуха

Варила со снетками.
Курчай

А снет какой – речной или озерной?
Старуха

К нам галицкой идет, не белозерской.
Курчай

(садится к столу)

Ты на троих давай.
Старуха

Про всех достанет.
Гаврило и Клим встают.

Гаврило

(старухе)

Благодарствуйте. Мы лошадей посмотрим,
Да на печь к вам. Гляди, и полночь скоро.
Часок-другой соснем, да и в дорогу.
Уходят.

Старуха

Большая печь, просторно, полезайте.
Входит Иван с вином в кувшине.
Иван

Полкружки есть. По чарке будет. Пейте.
Кулик

Простое?
Иван

С махом. Люди пьют да хвалят.
Кулик

(пьет)

Не похулим и мы. Нельзя не выпить,
Все на воде.
Иван

На доброе здоровье!
Едят. Гаврило и Клим входят и лезут на печь.

Старуха

Прибрал в клетки?
Иван

В подполицу припрятал.
Стук.

Старуха

Поди, стучат.
Иван

Пущай идут к соседям,
Кого несет!..
Старуха

Не вдруг пускай. Окликни.
Иван уходит.

Курчай

Ишь крик какой! Не лучше ль убираться
С добра ума. Сбери-ка щи, хозяйка;
А кашу даром. Завтра разочтемся.
Встают. Старуха собирает со стола.

Подальше от греха, здоровей будешь.
Пойдемте спать в струги. За угощенье!
Уходят Курчай, Кулик и Сидор. Иван входит.

Иван

Хоть в гроб ложись! Боярин к нам постоем,
Опричь хором, со всем двором валится.
Ишь холодно в палатке, так холопы

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
По избам рыщут, где теплей да чище.
Уж я молил немало.
Старуха

Воля Божья!
Придет беда, так отворяй ворота.
Входят Неустройко и слуги.

Явление второе
Иван, старуха, Неустройко и слуги.

Неустройко

Давай огня!
Старуха подает лучину, зажигает восковую свечку.

Сдвигайте стол в тот угол!
Ковры, меха стелите, в изголовье
Седло клади!
Иван

(кланяясь в ноги)

Яви такую милость,
Ослободи! Поди к соседям!
Неустройко

Смерды,
Ступайте в хлев! Старуху вон, и с зыбкой.
Слуги подходят к люльке.
Старуха

Разбойники! младенца–то не троньте!
Кому помеха ангельская душка!
Входят: воевода и слуги.

Явление третье
Воевода, Неустройко, Иван, старуха и слуги.

Старуха

Уйми холопей, закажи им трогать
Младенца!
Воевода

Вон ступайте! Ты, старуха,
Останься здесь с ребенком. Ближе к детям,
И ангел ближе, место благодатней.
Он не блажит у вас?
Уходят Иван и слуги.

Старуха

В кого родится
Благой у нас; давно мы присмирели,
С царя Бориса.
Воевода

Вспомнила Егорья?
Старуха

Ужли ж забыть! И правнуки и внуки
Праправнуков Егорья помнить будут.
Воевода

Раздень меня!
Неустройко снимает с него дорожную сулейку; воевода пьет чарку, потом снимает
складень, целует и ставит в изголовье, потом снимает оружие.

Неустройко

Опочивай покойно!
Я в сени спать; понадоблюсь, так близко.
(Уходит.)

Воевода ложится и скоро засыпает.
Старуха

(качает зыбку и поет)

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Доприж деды не видали беды.
Беда пришла да беду привела
С напастями да с пропастями,
С правежами беда, все с побоями.
Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Нас Бог забыл, царь не милует,
Люди бросили, людям отдали,
Нам во людях жить, на людей служить,
На людей людям принаравливать.
Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Беду нажили, как изжить будет?
Изживем беду за работушкой,
За немилрой чужой, непокладной.
Вековечной, злою-страдной.
Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Ты спи, поколь изживем беду.
Изживем беду, пронесет грозу,
Пронесет грозу, горе минется.
Поколь Бог простит, царь сжалится.
(Засыпает над люлькой.)

Воевода

(во сне)

Сдавил всю грудь, проклятый! Душит, душит,
Вздыхнуть не даст ни разу, зачураться!
Ох, смерть моя приходит! Чур меня!
Полегчило немного. Ох, тоскует
Душа моя! Отстаньте, отступите,
Мучители! Закройте ваши лица,
Измученные пыткой, испытые,
Как саван белые. И слезы, слезы
Сиротские, напрасные, как реки
Бегут кругом, и стон стоит до неба.
Кровавые потоки, муки, пытки!
Довольно мук, и палачей гоните!
Вы видите, мы по колено бродим
В чужой крови! Мы вымучили много
Добра себе чужого. Посмотрите,
Еще несут и сыплют: всё копейки
И денежки серебряные. Жгутся,
Проклятые; они не деньги, угли
Из кузницы, из горну. Вот с мехами
Подходят дьяволы и раздувают,
И пышет жаром, так и пышет жаром;
Вся кровь горит, огонь бежит по жилам
И сердце жжет.
(Просыпается.)

О Господи помилуй!

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
(Садится.)

И сон тяжел, и сонный бред замучил.
С молитвой лег. Не знаю, что за притча!
И рад не спать, да сон одолевает,
Сомкну глаза, так одолеют грезы..
Старуха

(впросонках)

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Белым тельцем лежиши в люлечке,
Твоя душенька в небесах летит.
Твой тихой сон сам Господь хранит,
По бокам стоят светлы ангелы.
Воевода

О Господи, и нас помилуй, грешных!
(Ложится.)

Старуха

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
С тобой сидит бабка старая.
До зари с зари прибаюкивает,
Тихой сон очам наговаривает
Да качку-качалку покачивает.
(Засыпает.)

Воевода

(во сне)

К суду зовут. От судьев откупиться
Я знаю как. Не первый раз. Не страшен
Боярский суд, московской. Где я?
В углу открывается часть кремлевского дворца, боярская площадка, постельное
крыльцо. На площадке думный дворянин, дьяк, Несытов, Поджарый; разные дворцовые
чины стоят на лестнице и на площадке. Из дворца выходит большой боярин.

Как я
Попал в Москву? Вот царские палаты,
Постельное крыльцо; дворяне ходят
По лестнице, бояре на площадке.
И я ходил проситься на кормленье,
Покланялся немало, с год толкался,
Ступени тер, без шапки. Что за люди?
Все новые. А вот и Бастрюкова
Я вижу там. Пойти и мне с поклоном.
Никак не встать, как скованный, и ноги
Как вкопаны. А вот большой боярин.
На крыльце.
Большой боярин

Несут молву, что якобы шалыгин
Задуровал на воеводстве. Правда ль?
Аль, может, врут?
Думный дворянин

Посадским утеснение
Великое, убытки и налоги
Напрасные чинит.
Воевода

(на постели)

Не верь, боярин!
Думный дворянин

Продажей и убойством изобидел.
Большой боярин

А челобитья есть?
Дьяк

Без челобитья
На городах живут ли воеводы!
Другой путем усесться не успеет,
Глядишь – уж шлют. Давно сидит Шалыгин,
Так как не быть! Нельзя без челобитьев.
Святой и тот на всех не угодит.
Большой боярин

За воевод дьяки всегда заступа,
Горой стоят. Как надо, христиане:
Не платят злом за добрые поминки;
И правды не узнать от них. Собака
Собаку знает, не укусит.
Думный дворянин

Много
Обижено Шалыгиным напрасно.
На днях в приказ прислали челобитье,
Коль правда все, не ждать ему пощады.
Большой боярин

А челобитчик кто?
Думный дворянин

Да всем посадом
От старосты, во всех посадских место.
Большой боярин

И старостам нельзя во всем поверить.
Поссорятся, сейчас и челобитье;
А помирятся, так его же просят
На воеводство. Их не разберешь.
А недоборы?
Думный дворянин

Есть и недоборы.
Здесь Бастрюков Семен, в Москву приехал
Из города. Спроси его, он знает
Про все дела.
Большой боярин

Ну, кликни Бастрюкова.
Думный дворянин подводит Бастрюкова; тот кланяется.

Не скажешь ли чего про воеводу
Шалыгина?
Бастрюков

Да что сказать, боярин!
Коль правду говорить, житья не стало
Ни меньшим, ни большим. Погадских мучит,
А жен себе берет.
Воевода

(на постели)

Не верь, боярин!
Поклепом злым обносит, мстя, по злобе.
Он сам воров таит и укрывает.

С подьячими стакнувшись, научает
Воров в тюрьме поклепом и молвою
Язычную посадских обносить,
Своей корысти ради ненасытной.
В тюрьме блюдет себе для волховства
Волхва. Дела позапустил. Посадских
Поразогнал: дворишки запустили,
От тесноты и не стерпя мученья –
Все врозь бегут.
Воевода

(на постели)

Он враг мой! пустите,
Я задушю его! Пустите руки!
Кто держит их! Зачем меня связали?
Его связать!
Большой боярин

Кого б послать для сыску!
Думный дворянин

Охотники найдутся. Да уж разом
Сыскать велеть и сесть на воеводство.
Вот двое тут: Несытов да Поджарый.
Несытов и Поджарый подходят и кланяются.

Большой боярин

Вот и нашлись.
Несытов и Поджарый

(вместе)

Пустите покормиться!
Большой боярин

У нас еще и кошка не умылась,
А гости к нам на двор.
Думный дворянин

Давно уж просят.
Большой боярин

Где мед, там мух нальнет. Болото было б,
А черти будут.
Думный дворянин

Отпустить Левонтья
Поджарова. Он прохарчился больно
И отоцал, как жердь. А Бастрюкова
Пускай опять в губные выбирают.
Большой боярин

Пиши наказ, да пусть и едут с Богом,
Я доложу назавтра государю.
Видение исчезает.

Воевода

(просыпается)

И страшен сон, да милостив Господь.
Недаром шлю из года в год поминки
Приятелю-дьяку и доброхотам.
Ужли ж они меня не пожалеют,

Греха не побоятся? Грех великий
Поминки братъ задаром. Что поминки!
Всех прах и тлен. Душа своя дороже.
Оброк плачу, так можно спать спокойно,
Не выдадут. Не всякий сон да в руку.
Сосну еще – и в город. Да приняться
За Бастрюковых. Насолили оба.
Отец мутит, а сын ворует девок.
Недогляди немного, и увез бы
жемчужину такую, что и в царских
Не сыщется палатах. Да ему ли,
Беспутному, сокровище такое!
Ему бы пить, а красоты девичьей
Не разберет он, бражник; та ль, другая ль
Ему одно. Уж он, гляди, за пьянством
И позабыл о ней. А если помнит?
А если врет Мизгирь, и ворожбою
Он обманул меня, чтоб только выжить
Из города, чтоб не был я помехой
Их плутовству! Людишки все продажны,
За денежку любого купишь. Каждый
И пьяница и вор. Зачем заехал
Я в эту глушь? На самых добрых конях
Весь день скакать, до ночи не доскачешь.
А там, гляди, гульба, потеха, пьянство
Во всем дворе. А в терему у Марьи
Чужой сидит хозяином, целует,
Глядит ей в очи, к сердцу жмет ее,
Как у себя, как дома. Либо вовсе
Сманил ее и был таков. Немало
Светлиц и повалуш у Бастрюкова,
Зачем ему в чужие красться вором,
Исподтишка, с оглядкой миловаться,
Чтоб люди не видали. То ли дело,
Привез домой, она не поперечит,
Гуляй душа, никто не помешает.
О, дьяволы! Грызи зубами руки
Да плачь теперь; свою башку седую
Разбей об печку. Дураком родился
И дураком умрешь. Вот близко локоть,
Да не укусишь. Ты кому поверил?
Кого оставил дом стеречь? Бабенку!
Она, родясь, алтына не видала:
Достать мошну да позвенеть ей к рылу,
Себя продаст, не только что чужую.
А слуги? те назло, не из корысти,
Готовы дом поджечь со всех углов.
(Молчание.)

Скачи, Нечай, скачи, приедешь в пору.
Там пир идет, весь мир гуляет, пляшут,
Здоровье пьют, Нечая поминуют:
«Берег Нечай, да людям. У Нечая
И по губам текло, да не попало».
Да скоро ль утро? Ехать бы, да темно
И бездорожье, ноги изломаешь!
Дрожи как лист осиновый, Иудой
Трясись теперь; седи да утра жди!
Хоть бы колдун какой! Поворожить бы.
(Подходит к старухе.)

Ты ворожишь, старуха?
Старуха

Нам, боярин,
И ворожить–то не о чем. Мы Бога
И так прогневали. А вам, боярин,
Без ворожбы сполагоря живется.

Ты отойди, здесь ангельское место.

Баю-баю, мил внучоночек!

Ты спи-усни, крестьянской сын!

Воевода

(садится на постель)

Вы, черти полуночные, собирайтесь –
Иль рвите врозь меня, иль помогите!
А сон опять морит. Прилягу малость.
Забрезжит свет, на коней и в дорогу.
(Засыпает.)

Старуха

С тобой сидит бабка старая.
До зари с зари прибаюкивает,
Тихий сон очам наговаривает,
Да качку-качалку покачивает.
(Засыпает.)

Часть сеней в доме Бастрюковых. Бастрюков Степан с чарой меду, Дубровин, Резвый, Зоря, Кубас, Шишига и слуги одеты гребцами.

Воевода

Да вот они. Роман Дубровин, Степка,
Вы оба тут. Ну, вас-то мне и надо.
Попался, брат Степан! Иди к ответу!
Не я сужу, закон, не обижайся,
Что не по шерсти гладят. Ты умеешь
Воров скрывать, умей ответ держать.
Степан Бастрюков

Повеселей бы что-нибудь, робята!
Резвый

Да вот игра: садись, робята, на пол
Да запоем: «По матушке по Волге!»
Степан Бастрюков

Любимая моя игра. Хмельному
Простору нет в избе, гулять охота.
Вот сядем все, да и поедем. Любо!
Я – атаман, Дубровин – есаулом.
Я – на корму, он на нос.
(Резвому.)

Ты с братиной
В середку сядь и потчуй всех: направо,
Налево, мне, Дубровину, себе...
Садятся.

Поехали!
Воевода

Далеко не уедешь!
Гребцы

(поют)

Раз первой! Раз другой! Ухнем да ухнем!
Воевода

Ты на пол сел и думаешь, что в лодку!
Дурак, дурак! Вяжите их крепче!
Накрыли вас, дружков. Да где же люди?
В железа всех! И не проси пощады!

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Я зол, как зверь, как волк запольный! Живо
В застенок их, пытать поочередно!
Гребцы

Раз первой! Раз другой! Еще маленький разок!
Сени исчезают. Середина Волги, вдали берега. Является лодка, все приободряются,
надевают шапки, берут весла. Бастрюков и Дубровин встают на ноги.

Воевода

Уехали! Держите их, держите!
Бастрюков

Кормилица ты наша, мать родная!
Ты нас поишь, и кормишь, а лелеешь!
Челом тебе! Катись до синя-моря
Крутым ярам да красным бережочкам
На утешенье, нам на погулянье!
Недаром слава про тебя ведется,
Немало песен на Руси поется,
А всех милей: «По матушке по Волге!»
Гребцы

(поют)

Вниз по матушке по Волге,
По широкой, славной, долгой,
Взбушевдалася погода
Немалая, волновая.
Бастрюков

Ты, есаул, гляди, что впереди!
Что видишь?
Дубровин

Чёрни.
Бастрюков

Чёрни не помеха,
В воде-то черти, в берегу-то черви,
В лесах коренья, пенья да сучки,
По городам подьячие крючки.
Хотят словить, да врут: мы погуляем,
По Волге силу-удаль попытаем.
Гребцы

(поют)

Ничего в волнах не видно,
Только видно одну лодку,
Легку лодочку косную,
Макарьевску, разъездную.
Бастрюков

Верней гляди, что впереди?
Дубровин

Колода.
Бастрюков

Что мне колода! Сам я воевода.
А ты гляди по Волге, нет ли встречных
И поперечных?
Дубровин

Есть. Струги гребные.
Бастрюков

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Какие, с чем?
Дубровин

Купецкие с товаром,
А царские с казной.
Бастрюков

На них казаки-воры,
А на купецких-то бурлаки хворы.
Сарынь на кичку! Стой! Не надо, мимо!
Мы не за тем.
Воевода

Зачем ты едешь, знаю.
Воруй себе, да только не у нас.
Бастрюков

Гляди верней! Что видишь?
Дубровин

Вижу терем
Расписанный.
Бастрюков

Пригряньте-ка, робята!
Гребцы

Вы приваливай, робята,
Ко крутому бережочку,
Да ко желтому песочку,
Ко боярскому подворью.
Показывается терем.
Воевода

Не мой терем, не мой. К чужому едут,
Мой в городе, на лодке не подъедешь;
Я дома сам, чего же мне бояться?
Ловите их, держите! Воры, воры
Наехали. Да что ж вы, спите, что ли?
Гребцы

Ко Нечаеву подворью.
Да ко Марьину здоровью.
Марья Власьевна сходит с берега.
А Марьюшка выходила.
Гребцам меду выносила.
Не прогневайся, хозяин,
Что наехали не званы.
Воевода

Зачем ты здесь? Домой, вернись домой!
Не дам уйти. Шалишь! Не доставайся
Ты никому. Где нож? А вот он, вот он!
Возьмет ли, нет ли, только не живую.
Гребцы

Вы берите красну девку
Во макарьевскую лодку,
Вы сажайте-ка, робята,
К атаману на колени.
Марья Власьевна садится на колени к Бастрюкову. Видение исчезает.

Воевода

(во сне)

В глазах увез. Меня толкнули в Волгу.
Тону, тону! Спасите! Заливает

Меня всего, под шею подступает.
Ко дну иду. Без покаянья страшно
Мне умирать. Спасите, дайте время
Покаяться, раздать именьице нищим,
Посхимиться. Никто не шевельнется,
На берегу стоят да смотрят. Любо,
Что я тону, как ключ. Вот дно, вот камни
Зеленые, зеленая трава,
Песок зеленый! Братцы, помогите!
Входят: Неустройко и двое слуг. В окне утренний свет.

Явление четвертое
Старуха, воевода, Неустройко и двое слуг.

Неустройко

Будить аль нет?
Слуга

Не трожь, пусть сам проснется.
Воевода

(во сне)

Тону! Спасите! Господи, помилуй
Раба нечая! Умираю!
(Просыпается.)

Где я?
(Встает.)

Неустройко

Господь с тобой! Мы здесь, в избе.
(Берет сулейку, складень и оружие воеводы.)

Слуги собирают постель.

Воевода

Проворней!
Коней, коней!
Неустройко

Оседланы, боярин.
Воевода

Домой живей, чтоб к ночи быть.
(Одевается.)

Неустройко

Поспеем.
Уходят. Гаврило слезает с печи, умывается и выходит за дверь помолиться. Клим
слезает, умывается. Гаврило возвращается. Клим уходит.

Гаврило

Слава тебе, Господи, до бела света проспали.
Клим

(возвращается)

Рассвело бело, хоть хлеб ешь.
Старуха

Рушай да кушай на здоровье.
Гаврило

(берет хлеб на столе и режет)

Господи благослови!

Действие пятое

ЛИЦА:

Воевода.

Бастрюков Семен.

Бастрюков Степан.

Облезлов.

Поджарый, новый воевода.

Дубровин.

Шут.

Марья Власьевна.

Ульяна.

Олена.

Сторож.

Неустройко.

Земский староста.

Смирной.

Дружина.

Влас.

Несмеянов.

Посадские.

Резвый.

Слуги Бастрюкова.

Слуги воеводы.

Стрельцы.

Народ.

Сад; направо на подклети горница, прямо против зрителей терем, тоже на подклети, с открытым переходом вокруг; с переходу дверь в сени, соединяющие терем с горницей; под сенями проезд. Из сеней лестница в несколько колен с площадками на столбах; во всю длину лестницы крыша на точеных столбиках. За теремом, в глубине, надворные строения, налево забор и задние ворота.

Явление первое

Сторож с дубиною и Дубровин входят.

Сторож

Спасибо, брат! Употчевал на славу,
Таких и надо нам. Вся дворня лоском
Теперь лежит.

А мы с тобой не пьяны, –
И молодцы–робята.
Садятся на скамьях.
Сторож

Ты, выходит,
На службу к нам задаться хочешь, парень,
За нашего боярина?
Дубровин

Нештó!

Своим домком не жить, достатков нету.
Неволя, брат, куда не занесет,
Я сирота.
Сторож

За много ль?
Дубровин

Полчетвёрта
Рубля прошу, а не дадут, так за три.
Возьму, пропью, а там навек кабальный.
Давай попьём.
(Достает сулейку и жестяную чарку.)

Сторож

И то гораздо пьяны.
Дубровин

Ну вот беда! Проспишься, а назавтра
Опохмелю.
Пьют.

Сторож

Да спать–то не придется.
Терёнька спит как мертвый, не разбудишь
Ничем его. Один я на стороже.
Дубровин

Да что стеречь в пустом саду? Диви бы
Поспело что! Вот яблоки поспеют,
Тогда беда.
Сторож

Да нешто мы как люди!
Велят тебе беречь пустое место –
И береги. А что украсть–то, парень!
Каб было что, свои б давно украли.
Ну право, так!
Дубровин

Давай свою дубину!
Ты ляг, усни, а я стучать примусь,
Послушают и скажут, что исправны.
Да что не пьешь? Допей, остатки сладки.
Сторож

Осилить ли? Тут много.
Дубровин

Поневолься.
Не каждый день вино у вас.
Сторож

Вестимо.

Вон люди в праздник пьют, а мы не так:
У нас когда вино, тогда и праздник.
(Допивает.)

Дубровин

А задние ворота запирают
Замком у вас?
Сторож

Замком, а прикалиток
Гвоздем забит. Ну, парень, забирает
Меня дюжо. Пьяней вина я, парень.
Дубровин

Размок язык, так спи.
(Толкает, тот падает и хочет подняться.)

Небось не встанешь!
Другой медведь того не выпьет, сколько
Сегодня ты. Ай сторожа!
(Замахивается дубиной.)

Ну! смерти
Аль живота?
Сторож

(в полусне)

Робятушки, он вор!
Робятушки!
Дубровин

Немного набормочешь.
Сторож засыпает. Дубровин идет к воротам и отмыкает калитку.

Ты, Резвый, здесь?
Резвый входит в калитку.

Резвый

Мы тут с Кубасом бродим;
У лошадей Шишига.
Дубровин

А боярин?
Резвый

Недалеко гуляет.
Дубровин

Ну, смотри же,
Не выдавай! Мы их вдвоем осилим;
А те пусть ждут у кСней. Да потише,
Не полошить народ! За вас заступа,
Вам нечего бояться: Бастрюковы
Не выдадут своих покорных слуг;
А мне попасть, так с головой проститься.
Резвый

Да тут все глушь, все задворки выходят,
Собаки нет живой; с лица так людно.
В лопушнике присядем, кто увидит!
Так я пойду?
Дубровин

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Иди!

Резвый уходит.
Заныло сердце
Ретивое, душа захолонула.
Олёнушка! два года не видались,
Вот БОГ привел, да каково-то встретит
Она меня? Я чай, совсем забыла
И бросила Романа своего.
А как мы с ней любовно поживали,
Весь день с утра и до ночи все смехи
Да радости у нас, налюбоваться
Не можем друг на друга всласть да в сытость,
И таково нам весело: и люди
Дивуются и говорят, бывало:
«Такой-то смех веселый у Олены,
что слушаешь и сам смеешься с ней».
Уйдешь с двора поутру, в лавку сядешь,
А все с ума нейдет Оленин голос,
А все в ушах веселый смех звенит.
А тут сама бежит ко мне, подсядет,
Прижмется вся, полой ее закрою
По самую по шею, только щеки
Алеются, да черные соколы
Глаза глядят из-под бровей собольих,
Огнем горят, как звезды, искры сыплют.
Идут купцы, идут бояре, смотрят,
Дивуются на нас, глядеть им любо,
Как ладно с ней сидим мы и торгуем.
Куда теперь? Куда с тобой я денусь?
Неужто мне угла на белом свете
Не сыщется? Ужли опять по-волчьи
В лесу бродить! Пovýточу вострее
Булатный нож да первую ее
Из рук своих зарежу, чтоб не знала,
Не ведала ни нашей вольной воли,
Ни нашей злой и неминуемой доли.
Ужли же мне ее, мою голубку,
К нечистым псам вести? За что ж ей, веку
Не доживя, кипеть в аду кромешном,
Грабеж, дележ, питье, литье хмельное,
Да хриплый крик, да пьяный вопль, да драку,
Зуб за зуб брань, ножовые тычки,
Божбу, клятье, святыни обруганье, –
С чего у нас-то, окаянных, волос
Вздывает дыбом, леденеет кровь, –
Ей заживо увидеть и услышать!
Гульба гульбой, а впереди-то пытка.
Всему пора да время. Сколько вору
Ни воровать, кнута не миновать.
Обрушит черт, наткнешься на разъезды:
убьют тебя, так счастье, а как свяжут,
Перекуют попарно да к расспросу
Потянут всех, и ей идти с ворами,
Терпеть безвинно воровскую кару...
Олена идет из терема, за ней шут.

явление второе
Дубровин, Олена и шут (в кустах).

Дубровин

Идут.
Олена

Роман!
(Отвернувшись, плачет.)

Дубровин

С чего же ты, Олена,
Заплакала? От радости иль с горя?
Олена

Да Господи! Да как же! Не во сне ли?
Взгляни сюда! Роман и есть! Голубчик!
(Припадает к нему на грудь.)

Ну где ж ты был?
Дубровин

В лесах бродил.
Олена

Да как же
Без крова-то? Весна да осень – дождь,
Зима-то – снег; в лесу-то зверь рысучий.
На чем прилечь в ночи, а в непогоду
Обсохнуть где?
Дубровин

Да видишь, цел вернулся,
Так что ж тебе? Что было, то прошло.
Олена

Кто мыл, кто шил тебе? Чужие руки
Такие ли, как женины? Кажи-ка
Сорочку-то!
(Плачет.)

Суровая какая.
Такие ли я шила! Ишь ты, ворот
Не вышитый. А я, бывало, шелком
И рукава и ворот изошью.
Какой кафтан-то смурый! На бурлаках
Такие-то.
(Плачет.)

Дубровин

А ты молись-ка Богу,
Что сам-то цел!
Олена

Романушка, по-Божьи,
Скажи ты мне всю правду. Не видались
Два года мы. Ужли ты женской ласки
Не видывал, так сиротой и жил?
Ни девушки, ни бабы не любили,
Молодчика, тебя? Скажи, мой милый,
Не осержусь.
Дубровин

Всю правду говорить?
Олена

Ну, говори!
Дубровин

В сиротской нашей доле
До ласки ли, Олена? А взгрустнется,
Бывало, мне, – присядешь, горько всплакнешь,
Придет ко мне, бывало, пожалеет,
Приластится, лицо и руки лижет
Мой верный пес, лохматая собака,
Кобель борзой. В глаза ко мне глядит
И плачет сам, как будто он прочуял,

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
что на уме моем.

Олена

(бросается к нему на шею)

Роман, сердечный!
(Плачет.)

Так прогони ж свою собаку, злую
Разлучницу. Возьми меня. Собакой
Служить тебе я буду, злое горе
С тобой делить; в глаза глядеть, и плакать,
И ластиться.
Дубровин

(утирая слезу)

Уж без тебя не выду
Отсюда я. Не для того нас доля
Свела опять, чтоб снова расставаться.
Олена

Не надоем тебе, не надокучу.
Прикажешь мне – я подойду, погонишь –
Я прочь пойду, и слова не услышишь.
Дубровин

А у тебя и не спрошу, Олена,
Как ты жила, чтоб сердца ретивого
Не натрудить. И так уж все изныло.
Я знаю, ты меня не променяешь
Ни на кого охотой, про насильство
Не сказывай! Себя не пожалею,
Да и тебя. Таков уж мой обычай;
Как словно что внутри-то захохочет,
В глазах туман кровавый да ножи
Мерещатся. Молчи, Олена, лучше!
Олена

Романушка, не думай! Воевода
И плакал-то, и пыткой-то стращал,
Я напрямик ему сказала: руки,
Мол, наложу, отстань. Три дня не ела,
Голодной смертью помереть хотела, –
И унялся. На черную работу
Послал меня; а я тому и рада.
Боярышню привел, так взяли в терем,
По нраву ей прилась.
Дубровин

Веди скорее
Боярышню. Мы задние ворота
Отворим вам.
Олена

Ступай же, дожидайся,
За ворота. Мы крикнем, ты отворишь.
А здесь не стой! С боярышней Ульяна,
Сердитая такая: как увидит
Тебя в саду, весь дом поднимет криком.
Прощай пока.
Дубровин

Ну, с Богом.
Олена

Дожидайтесь.
Уходят: Дубровин за ворота, а Олена в терем.

Шут

Ну, дядюшка, простись с своей невестой!
Женили нас с тобой! Ты где гуляешь,
Своей беды не знаешь? Что ж мне делать?
Будить народ начать? А ну, услышит
Оленин муж, да выдадут людишки
Меня ему? Начнет меня он резать,
Пороть ножом на части по суставам.
Ой, батюшки, не буду! Вот что лучше:
Направлю я стопы свои подальше,
Покуда цел.
Воевода входит и осматривает терем.

Явление третье
Шут и воевода.

Шут

Эй, дядя, дядя, тише!
Воевода

Бессудный, ты?
Шут

Я, дяденька. Потише,
Не разбуди! Ты видишь, все заснули.
(Показывая на сторожа.)

Ты как прошел?
Воевода

В ворота.
Шут

Кто же отпер?
Воевода

Два сторожа сидят.
Шут

Исправно. Двери
Одни запрем, другие настезь. Слушай:
Все сторожа пьянехоньки, Дубровин
И Бастрюков на задворках гуляют,
Сейчас придет боярышня; ворота,
Вот видишь те, не заперты. Промедли
Ты час еще – и поминай как звали.
Ты здесь один?
Воевода

На улице оставил
Людей, стрельцов и с ними Неустройко,
А сам один двором прошел тихонько
И сказывать не приказал.
Шут

Пошли-ка
В обход стрельцов на задворки. Без шуму
Пускай идут, и посмотри, что будет.
Воевода

Ступай веди стрельцов, я здесь останусь.
Шут

А по тебя два раза присылали:
Наехали с Москвы, в избе приказной

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Сидят да ждут какие-то бояре.
Воевода

Убить тебя с боярами-то вместе!
Пошлют – иди! А разговоры после.
Шут уходит.

Недаром сон, и хорошо, что в пору
Приехал я! Теперь мои злодеи
В моих руках, поймаю их с поличным.
Выходят из терема: Ульяна, Марья Власьевна, Олена; воевода прячется.

Явление четвёртое
Воевода в кустах, Ульяна, Марья Власьевна, Олена, потом Дубровин и люди.

Ульяна

Пришла ж тебе охота! Не слыхала,
Как соловей поет. Велико диво!
У вас в саду, чай, много.
Олена

Все же любо
Послушать их весенней-то порой.
Ульяна

А лучше б спать!
Олена

Мы выспаться успеем.
Мы круглый год все спим. Ночей-то много,
А соловьи поют до Петрова дня,
Перестают потом.
Ульяна

И вам не страшно
Ночной порой в саду?
Олена

Чего ж бояться?
Вот говорят, что будто бука ходит,
Да врут поди.
Ульяна

Ты уморишь со страху!
Не говори уж лучше!
Марья Власьевна

Бука! бука!
Ульяна бежит к терему, Марья Власьевна и Олена в ворота.

Воевода

Держите их!
Ульяна

Боярин!
Воевода

Стой, ни с места!
Вбегает Марья Власьевна. Воевода берет ее за руку.

Воевода

Красавица, куда бежишь! Постой,
Не торопись! Держи ее, Ульяна!
Ульяна берет ее за другую руку.
За что же ты хлеб-соль мою и ласку

Совсем забыть хотела? И спасибо
Мне за любовь–заботу не сказала,
Задумала покинуть, людям на смех
И голове седой на поруганье,
Мой нов терем. Аль ты не знаешь, Марья,
Что у меня жене прощенья нет
За грех ее. И мал ли он, велик ли,
А ей не жить. Прощайся с белым светом!
Ты не жена, так все равно невеста.
Я не хочу, чтоб мне в глаза смеялись.
Мне жаль тебя: такая молодая,
А умирать придется. Ты хотела
Повеселей пожить. Смеяться любишь!
(Ласкаясь.)

И у меня ты вдоволь насмеешься,
И умирать тебе веселой смертью,
Красавица моя!
Неустройко

(за сценой)

Он здесь. Держите!
Связать его!
Дубровин

(за сценой)

Живой не дамся в руки.
(Вбегает.)

Так вот где ты, мой враг, разоритель!
Не ты ль меня пустил по-волчьи рыскать?
Гнездо мое расхитил? Уж не ты ли
И выучил меня ножи точить,
В оврагах жить, по Волге грабить, резать
Живых людей? Ты вспомни–ка, не ты ли?
Люди, Неустройко и шут входят; на шум выбегают из терема Недвига, сенные девушки
и женщины и останавливаются на крыльце.

Кажись, что ты! Так сам теперь отведай,
(вынимает нож.)

Востер ли нож, чиста ль моя работа.
Люди схватывают его сзади.

Воевода

(с хохотом)

Я выучил тебя, да, видно, плохо,
Не доучил, начать придется снова!
Сковать его! А люди Бастрюкова?
Неустройко

Побрали всех.
Шут

И всех перевязали
Одним концом. Как жемчуг, нанизали
На ниточку.
Вводят связанных: Олену, Резвого, Кубаса и Шишигу.

Воевода

А Бастрюков Степан?
Неустройко

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Он на конь сел да в город.
Воевода

Ну и с Богом!
Держите их. Пойдем-ка в терем, Марья,
Поговорим с тобой. Веди, Ульяна.
Олена

(Дубровину)

убей меня!
Дубровин

И рад бы я, да связан.
Ульяна, воевода, Марья Власьевна уходят в терем.

Недвига

Ах, батюшки! Ой, смерть моя приходит!
Убьет ее, до смерти защекочет.
Защекотал двух жен, разбойник! Хочет
дитя мое родное загубить,
Красавицу, забавницу. На то ли
Лелеяли, растили, воскормили
Мы яблочко наливчато свое!
Беда моей головушке! Пустите!
Марья Власьевна

(с хохотом выбегает из терема, воевода за ней)

Ох, смерть моя!
Воевода

Не убежишь, поймаю!
Марья Власьевна

Не стало сил моих, не служат ноги!
(Бегает по переходам.)

Воевода

Побегаешь, устанешь.
Марья Власьевна

Ох, спасите!
(Ломая руки.)

Куда б уйти!
Воевода

Уж сколько ты ни бегай,
А рук моих тебе не миновать.
Марья Власьевна убегает в сени, воевода за ней.

Входят: Поджарый, Бастрюков Семен, Бастрюков Степан, Облезлов, посадские и народ.

Явление пятое
Воевода, Марья Власьевна, Недвига, Олена, Дубровин, Неустройко, Поджарый, Бастрюков Семен и Бастрюков Степан, Облезлов, посадские, стрельцы, слуги и народ.

Марья Власьевна

(на лестнице)

Куда бежать – не знаю! Няньки, мамки
И девушки сенные, схороните!

Беги ко мне!
Воевода

Старуху подержите!
Марья Власьевна сходит с лестницы и бросается к Степану Бастрюкову.

Что за люди?
Семен Бастрюков

По царскому указу,
Тебе, Нечай Шалыгин, воеводство
Отказано. А про твои неправды,
Для сыску, к нам Левон Поджарый прислан,
И быть ему у нас на воеводстве.
Воевода

А есть приказ мою невесту силой
Из дому взять?
Степан Бастрюков

Ты сам ее насильно
Увез к себе. Она моя невеста.
Поджарый

В наказе нет об девке. Опечатать
Добро твое приказано до сыску,
За тем к тебе с посадскими людьми
Пришли теперь. А чья она невеста –
Мне как узнать? Отца и мать мы спросим.
Степан Бастрюков

Спроси у ней.
Поджарый

Да нешто девка знает,
Кто ей жених? Ее ли это дело?
К кому пойдешь?
Марья Власьевна

К Степану Бастрюкову.
Поджарый

А все отца и мать спросить.
Степан Бастрюков

Мы спросим
Опосле их; а я возьму покуда
К себе ее. Пойдешь?
Марья Власьевна

Пойду.
Степан Бастрюков

Вот видишь,
Сама идет, так разговор короток.
Вели пустить людей моих на волю,
Меня суди, они не виноваты.
Они рабы, по моему приказу
За ней пришли, а их перевязали.
В ответе я, коль в чем и провинились.
Поджарый

Пустите их!
Воевода

А ведомого вора,

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Дубровина Ромашку, тожепустишь?
Ножом меня хотел зарезать. Ночью
Ворвался в дом.
Поджарый

(Дубровину)

Ты пошто к воеводе
С ножом пришел?
Дубровин

Жену мою Олену
Два года он в своих хоромах держит,
Насильством взял, тюрьмой стращал и пыткой.
Воевода

А ты где был? В бегах!
Дубровин

Все от тебя же.
Пытал меня и жег корысти ради.
Вымучивал последние копейки,
Меня в тюрьме томил, чтоб без помехи
Жену отнять.
Поджарый

Нечай Шалыгин! правду
Он говорит аль нет?
Воевода

Ты воевода,
Так и суди.
Поджарый

Изволь, судить я буду,
Да на меня ты после не пеняй!
Посадские! Кого Дубровин грабил?
Староста

Не грабил нас.
Смирной

Не знаем.
Поджарый

А убойства?
Староста

Не ведаем, и слыхом не слыхали.
Поджарый

А воровства с поличным?
Дружина

Не видали.
Смирной

На воровстве не пойман.
Поджарый

Воевода
В тюрьме держал его?
Староста

Держал напрасно.
Смирной

Пытал его безвинно.

Воевода
жену его насильством брал в хоромы?
Дружина

Да как не брать! Известно, брал Олену.
Спроси у ней, она живая – скажет.
Поджарый

(Дубровину)

Ты был в бегах?
Дубровин

я бегать – бегал точно,
Не буду лгать.
Поджарый

Так слушай же, Дубровин!
Указано царем нам, воеводам,
Вас сыскивать и на посад сажать,
Устраивать строеньем, буде надо,
И отдавать за крепкие поруки,
Чтоб вам, живя в посаде, не сбежать,
И подати платить царевы вместе
С посадскими, и быть во всякой службе
С посадскими ж, в ином чину не стать,
И ни за кем бы вам не заложиться.
А нет порук, и тех сажать в посады
И льготы им давать. Кто на поруки
Дубровина берет?
Посадские

Мы, всем посадом,
Берем его.
Поджарый

Ну вот, Шалыгин, видишь,
я рассудил. По нраву ли пришелся
Мой суд тебе?
Воевода

Есть суд и над тобою,
В Москве найдем. А ты суди как хочешь,
Пускай воров на волю.
Поджарый

(слугам)

Развяжите
Дубровина.
(Старосте.)

Подайте завтра запись
Поручную по нем. А за убытки,
Коль сыщутся, своим добром заплатит
Дубровину Шалыгин воевода.
Воевода

Да что же ты в чужом дому воюешь?
Вы с чем пришли? Что за люди? Да может,
Обманщик ты, не царский воевода,
И надо гнать тебя с двора по шее!
Есть грамота у вас?
Поджарый

читай, Облезлов!

(вынимает грамоту; все снимают шапки. Читает)

«Воеводе Нечаю Шалыгину! В прошлом таком-то году, по нашему государеву указу, велено быть на нашей государеве службе в таком-то городе воеводою тебе, Нечаю Шалыгину; а в нашем государеве наказе написано: „Будучи тебе воеводою, нам, великому государю, во всем искати прибыли, а посадским и всяких чинов людям налогов никаких не чинити и напрасно ни к кому не приметьваться“. И ныне нам, великому государю, бил челом земской староста Нежданко и во всех посадских людей место, а сказали, что ты, Нечай Шалыгин, торговых и промышленных людей напрасно, по оговору и язычной молвке, без сыску и без расспросу сажаешь в тюрьму и пытаешь и от того емлешь тюремною теснотою и всяким мучением, деньгами рублей по тридцати и по сороку и больше. И которых служилых и посадских людей остаются в домах жены, а они в то время дома не бывают, и ты, Нечай, сведав их пожитки, жен их емлешь в застенки ночью и пытаешь и спрашиваешь денег и теми приметы и мучением их до конца разоряешь. А иных жен и от мужей берешь себе в хоромы. Да ты же, Нечай, призываешь к себе на двор шлющих людей и тюремных сидельцев и с ними на посадских людей умышляешь всякие затайные беды и теми самыми затайными налогами их разоряешь. И не стерпя тесноты и мученья, многие посадские люди, оставя свои дворы, бегут розно и нашего государева тягла не платят. А нам, великому государю, и мимо того Нежданка челобитья, многие твои неправды и насильства ведомы учинились. И то ты делаешь негораздо, своею дуростью и плутовством. И ныне указали мы, великий государь, те твои плутоности сыскивати и быть на место твое на нашей государевой службе воеводою дворянину Левонтию Поджарому. И буде про твое воровство допряма сыщется, и которые были на тебя челобитчики и то велели на тебе взять вдвое, да тебе же от нас быти в великой опале. И как к тебе ся грамота придет, а Левонтий Поджарый приедет, и ты бы отдал ему, Левонтию, в съезжей избе нашу, великого государя, городовую печать и городовые ключи и наряд, и в нашей государевой казне деньги и свинец и пушечные и хлебные запасы и мягкую и всякую рухлядь и приходные и расходные деньгам и хлебу и всякому запасу книги и наши, великого государя, всякие дела, и во всем тебя, Нечая, счесть, и что нашей казны на тебя взочтено будет, и то велено ему, Левонтию, на тебе взять сполна. И как с ним, Левонтьем, распишешься, ехать тебе к нам, великому государю, к Москве и, приехав, явиться в костромском приказе нашему боярину с товарищи».

Семен Бастрюков

Мне Бог с тобой, свою бы я обиду
Тебе простил; а ты весь мир обидел.
Ты, знать, забыл, что с миром не поспоришь,
что мир вздохнет, так до царя дойдет.
Посадские

Отозвались тебе мирские слезы! Шут
Эх, дяденька! меня-то на кого же
Покинешь ты? Пропали мы с тобой!
Я малые, а ты большие шутки
Пошучивал, да вот и дошутились!
Поджарый

Теперь узнал ты нас, и кто, и пошто,
Обманом ли, иль вправду мы пришли?
Веди нас в дом описывать добро.
Поджарый, Облезлов, Бастрюков Семен и воевода уходят; входит Влас.

Явление шестое

Степан Бастрюков, Дубровин, Марья Власьевна, Олена, земский староста, посадские, слуги воеводы и Влас.

Влас

Где дочь моя?
Марья Власьевна прячется за Бастрюкова Степана.

Бастрюков Степан
Не бойся, не отнимут.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Отдай–повыдай замуж за меня.
Влас

Да Бог с тобой! Коли пришлась по нраву,
Бери себе, да только чтобы честно
Венчаться с ней; а то, тебя я знаю,
Ты увезешь и так, а чин по чину
Пойдем ко мне, да по рукам ударим.
Бастрюков Степан

На все готов, пойдем! За мной, ребята!
Ты приходи на свадьбу к нам, Дубровин.
Дубровин

Не промину.
Марья Власьевна

Приди и ты, Олена.
Дубровин

С женой придем.
Бастрюков, Марья Власьевна и слуги уходят.

Несмеянов

Ну, как теперь, Дубровин?
Не убежишь от нас?
Дубровин

А там как Бог даст.
Коли хорош да смирен воевода,
Не потеснит, так с вами жить останусь
И торговать начну, а коль обидит –
Опять сбегу, вы так про то и знайте!
Пойдем домой, Олена!
Олена

В разоренный
Охота ли идти!
Дубровин

Небось. Поправим.
Найду чем жить. Не поклонюся людям.
Уходят.

Староста

Посадские, готовьте–ка поминки
Да на поклон несите воеводе.
Почествовать его с приездом надо.
Старые посадские

Ну, старый плох, каков–то новый будет.
Молодые посадские

Да, надо быть, такой же, коль не хуже.
На бойком месте*
Комедия в трех действиях
Действие первое
ЛИЦА:

Павлин Ипполитович Миловидов, помещик средней руки, лет 30, из отставных кавалеристов, с большими усами, в красной шелковой рубашке, в широких шароварах с лампасами, в цыганском казакине, подпоясан черкесским ремнем с серебряным набором.

Вукол Ермолаев Бессудный, содержатель постоянного двора на большой проезжей дороге, крепкий старик лет под 60, лицо строгое, густые, нависшие брови.

Евгения Мироновна, жена его, красивая баба, годам к 30.

Аннушка, сестра его, девушка 22 лет.

Пыжиков, из мелкопоместных, проживающий по богатым дворянам, одет бедно, в суконном сак-пальто, но с претензией на франтовство.

Петр Мартыныч Непутевый, купеческий сын.

Сеня, его приказчик.

Жук, работник Бессудного.

Раззоренный, ящик.

Гришка, человек Миловидова, молодой малый, одетый казачком.

Действие происходит на большой дороге, среди леса, на постоялом дворе под названием «На бойком месте», лет сорок назад.

Комната на постоялом дворе; направо в углу печь с лежанкой; посредине, подле печи, дверь в черную избу, левее часы с расписанным циферблатом, еще левее в углу комод и на нем шкафчик с стеклянными дверцами для посуды; с правой стороны, у печки, дверь в сени, ближе к зрителям кровать с ситцевым пологом; на левой стороне два окна, на окнах цветы: герани и жасмины; в простенке зеркало, по бокам лубочные портреты; под зеркалом старый диван красного дерева, обитый кожей, перед диваном круглый стол.

Явление первое
Бессудный и Раззоренный.

Бессудный. Отпрег?

Раззоренный. Отпрег.

Бессудный. Стало быть, выпить пришел, что ли?

Раззоренный. Стаканчик надо бы поднести.

Бессудный. Отчего не поднести! (Наливает стакан и подает.) Пей на здоровье!

Ящик пьет.

Дорога, что ль, тряска, Петра-то Мартыныча как раскачало!

Раззоренный. Какая тут дорога! известно, круговые. В Покровском рублев на сто поболее начудили.

Бессудный. Что ж они там?

Раззоренный. Известно их занятие: пить да чтоб бабы подле, значит, для балагурства, и сейчас бумажками оделять.

Бессудный. Значит, они с прохладой, домой-то не больно торопятся.

Раззоренный. А кто ж их... Я в Покровском на сдачу взял до Новой деревни... Перегон-то восемьдесят верст, а где половина-то? Чай, сам знаешь, семь верст за вами; а я все к тебе, Вукол Ермолаич. Купцы спрашивают, где кормить будем? Известно, говорю, где: на «Бойком месте» у Вукол Ермолаича.

Бессудный. Да спасибо, спасибо, что не забываешь.

Раззоренный. Да что спасибо. Мы тоже ласку помним... Ты бы меня хоть двугривенничком осеребрил.

Бессудный. А из каких доходов? Еще твои купцы-то у меня ничего не прожили. Вот

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
погоды, по доходу глядя, и тебя не забудем.

Раззоренный. Так я кормить пойду.

Бессудный. А ты не торопись, пуцай у меня погостят подольше, не все ж одним покровским от них пользоваться.

Раззоренный. Ну да ладно! Копаться-то мы и без просьбы мастера; торопиться вот, так это мы не умеем. (Уходит.)

Бессудный (у двери). Мироновна! А Мироновна! Поди сюда. Сестрица! Анна! Аннушка! Идите сюда, говорю вам! Что вас не дозовешься!

Евгения и Аннушка входят.

Явление второе

Бессудный, Евгения и Аннушка.

Бессудный. Где вы там забились? Когда вас надо, вас тут и нет. Дуры, право дуры!

Евгения. Какой ты, Ермолаич! Да разве я не хозяйка! Туда сунься, за тем погляди, с ног собьешься. Я же такая заботливая, за всякой малостью сама...

Бессудный. Хозяйка ты! Какое твое хозяйство-то? Грошовое. Тряпки в чулане перебирать. А тут сотни летят. Разевайте рот-то! На овсе-то немного наторгуешь. Петр Мартыныч приехал, слышишь ты!

Евгения. Ох, Ермолаич, право, уж мне повесничать-то не больно по сердцу! Кабы я была девушка, никому не подвластная, другое дело. Я так считаю, что ты моя глава. Мне когда и в шутку кто скажет что-нибудь, так я за грех понимаю против тебя. Право, уж я такая зародилась совестливая и для мужа своего покорная, а тут поди баясничай с ними, с охальниками.

Бессудный. Да, нужно очень! Ты сними маску-то! Перед кем ты тут свою покорность показываешь! Уж ты при людях лисой-то прикидывайся, а я тебя и без того знаю. Говорят тебе, непутевый с приказчиком в Покровском сто рублей пропили; а что бабам роздали, так и числа нет.

Евгения. Ой, что ты! Да неужто вправду? (Поправляется перед зеркалом.)

Бессудный (Аннушке). А ты что губы-то надула? Даром, что ль, вас кормить-то в самом деле! Как у тебя в глазах стыда-то нет.

Аннушка. У тебя стыда нет, а у меня есть.

Бессудный. Анна!! Ты смотри, не разбуди во мне беса! Во мне их сотня сидит; как начнут по моим жилам ходить, в те поры у меня расправа ножсвая.

Аннушка. Так уж убил бы ты меня скорее, коли тебе кровь-то человеческую все равно что воду лить. (Уходит в среднюю дверь.)

Бессудный. Эко зелье зародилось! вся в меня!

Евгения (отворяя дверь, с притворным смехом). Хи-хи-хи, хи-хи-хи! Здравствуйте, господу купцы! Петенька, здравствуй! (Уходит.)

Бессудный. Жену-то я взял, кажись, не ошибся; а сестра-то мне не ко двору пришла. Ей бы в монастыре жить, а не на постоялом дворе.

Входит Жук.

Что ты?

Жук. Проезжие позываются! да, кажись, народ-то такой, что пуцать не стоит.

Бессудный. Так и не пуцай! На что нам дряни-то! Только место занимают, а корысти-то от них немного. Постой, я пойду сам погляжу.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Уходят. Из средней двери выходят Сеня и Евгения.

Явление третье
Сеня и Евгения.

Сеня. Что это у вас Анна-то Ермолавна спесива очень?

Евгения. Уж такая-то фурия, что не накажи господи!

Сеня. По вашему занятию ей словно как надобно бы пообходительнее быть, потому что от этого хозяину выгода зависит.

Евгения. Какая выгода! Нам с мужем от нее только неудовольствие одно. Вот, говорят, Сеня, что золовки завсегда неладно живут промеж собой. Какому же тут ладу быть, когда я, с моим ангельским характером, и то не могу ужиться с ней.

Сеня. Так-с.

Евгения. К нам один барин ездит, хороший барин, и крестьяне у него есть, не так чтобы много, а довольно; ну, обыкновенно их господское дело, и приглянись ему эта наша прынца. Ну что ж такое! Дело очень и очень обыкновенное; каждый день мы видим. А она приняла это за важность! Кто я! Да что я! Да он на мне женится, я барыня буду! Как же не так, дождайся! Ни брату, ни мне не дает слова выговорить. Уж что я через ее обиды да насмешки мучения приняла, так, кажется, мне всю жизнь не забыть.

Сеня. И что же теперича этот барин-с?

Евгения. Что! Известно что! Очень ему нужно. Ну, да уж и я не подарок; удружила и я ей; будет меня благодарить долго.

Сеня. Что же вы такое? Позвольте поинтересоваться!

Евгения. Много будешь знать, скоро состареешься.

Входят Непутевый и Аннушка.

Явление четвертое
Евгения, Сеня, Непутевый и Аннушка.

Непутевый. Стало быть, мы не хороши? Каких же тебе еще, коли уж я не хорош?

Аннушка. А неужто ты думаешь, что ты хорош? Кто ж это тебе сказал? ты не верь. Обманули тебя!

Непутевый. Ну, однако, ты не очень! Для кого не хорош, а для кого, может, я и хорош!

Аннушка. Ну и ступай туда, где ты хорош.

Непутевый. Стало быть, я за свои деньги да уважения здесь не вижу. Что ж такое! Какой это порядок! Куда я заехал? Кто здесь смеет важничать, кроме меня? Я деньги плачу.

Аннушка. Да отстань ты от меня, не нуждаюсь я твоими деньгами! Сказано тебе.

Непутевый. Семен! Во фронт передо мной! Ты чего смотришь! Как нас здесь принимают! Али бунт сделать? Они еще пыли-то от меня не видывали. Семен! Давай посуду бить! Все окна высадим!

Евгения. Ну, полно, Петя, полно! Ты уж не дури! Поди усни, поди, голубчик, отдохни! Легко ли, день-деньской ты маешься. А вот проспихися, мы уж тебе всё, в твое уважение.

Сеня. Нехорошо, Петр Мартыныч! Пойдемте спать, целые сутки не спали.

Непутевый. Я жить хочу, хочу жить.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Евгения. А вот выпишься, так живи в свое удовольствие.

Непутевый. Мне бы разбить что-нибудь. Ух! кажется, я...

Сеня. Нехорошо, Петр Мартыныч, оставьте!

Евгения. Ты сосни поди, а проснешься, да придет тебе желание посуду бить, так я тебе приготовлю; у нас есть такая.

Непутевый. Ну, спать так спать. (Уходит.)

Сеня затворяет за ним дверь.

Сеня. Ведь ишь какой круговой! Одного его пустить никак нельзя. Меня родители-то с ним и посылают нарочно для береженья, чтоб его беречь в дороге. (Уходит.)

Явление пятое
Евгения и Аннушка.

Евгения. Что ж, долго это нам терпеть от тебя?

Аннушка. Никто тебя терпеть не заставляет.

Евгения. Долго ты наших гостей-то обижать будешь?

Аннушка. Никого я не обижаю. А что всякий пьяница ко мне лезет, так я этого терпеть не могу. Так я вам прежде говорила, так и теперь говорю.

Евгения. Ты терпеть не можешь, а мне, стало быть, ничего? Что ж, я хуже тебя? Говори! Хуже я тебя?

Аннушка. Всякий сам себе хорош. Ты вот с ними хохочешь, всякие нехорошие слова мелешь да целуешься, а мне это гадко.

Евгения. Стыдно небось! Погоди больно стыдиться-то, еще не барыня, еще когда будешь; да полно, будешь ли! Что-то мне не верится. А теперь пока такая же мещанка, как и я.

Аннушка. Нет, не такая же.

Евгения. Какая же? Из конфет, что ль, ты слеплена?

Аннушка. Не из конфет, а во мне стыд есть, а в тебе нет.

Евгения. Кому это нужен твой стыд здесь?

Аннушка. Мне он нужен.

Евгения. Ах! скажите пожалуйста! А что ты себе этим выиграла?

Бессудный входит.

Явление шестое
Евгения, Аннушка и Бессудный.

Бессудный. Что вы тут! Что на вас ладу нет! Как только бабы вместе, так и перессорились. Эка порода проклятая! Что вам делить-то!

Евгения. Да вот все сестрица твоя барыню из себя корчит; от хороших людей она нос воротит, а к кому сама льнет, так те на нее смотреть не хотят.

Аннушка. Ни к кому я не льну. Это ты льнешь ко всякому.

Евгения. Кого ты, бесстыжие глаза, обмануть хочешь! Все видят, как ты к Павлину Ипполитычу виснешь, да жаль, что он-то тебя знать не хочет.

Аннушка. Виснуть я к нему не висну, а что он меня знать не хочет, я все ж таки не виновата.

Бессудный. Кто ж виноват?

Аннушка. Я не знаю. Оставьте вы меня! (Садится к столу.)

Бессудный. Кто ж знает-то? Барин хороший, добрый, ездил почитай каждый день, что денег проживал у меня, а теперь реже да реже, да, пожалуй, и совсем перестанет.

Евгения. Что мудреного!

Бессудный. Барин тороватый, простой, деньги тратит, не считает. Где другого такого найдешь! Не будет ездить, так видимый убыток.

Аннушка. Тебе денег-то жалко, а у меня вся жизнь отнята, все мое счастье.

За сценой звон колокольчика и бубенчиков. Входит Жук.

Жук. Капитан-исправник едет.

Бессудный (вынимает повешенный на шее кошель, достает ассигнации и отдает жене). Поди скажи, что нездоров, с похмелья, мол, головой мается. Евгения уходит.

Аннушка. Ты меня, братец, отпусти домой! На что я тебе!

Бессудный. А дома что делать? Баклуши бить.

Аннушка. Я в монастырь уйду, а то по богомольям пойду. Жизни я своей теперь не рада.

Бессудный. Да с чего это у вас сталося?

Аннушка. Не знаю. Вины моей перед ним нет никакой; я так думаю, наговорили ему на меня напрасно.

Бессудный. Наговорить-то некому. Кому наговорить! Что ты врешь!

Аннушка. Кто ж знает. Разлучить нас захотели. Кому-нибудь нужно было. Точно я свое счастье во сне видела. Жила я у матушки, никакой беды не знала! Взял ты меня на погибель на мою!

Бессудный. Какая погибель, дура! Что тебе у матушки? Только и свету, что в окне; ты и людей-то не видала. Я тебе добра хотел.

Аннушка. А что проку, что я людей-то видела! Полюбил меня барин молодой, красавец; кого ж я после него любить могу, кто мне мил может быть, какая моя жизнь? Хотел он меня замуж взять, а теперь бросает. До петли ты меня доводишь, вот оно твое добро-то!

Бессудный. Уж и замуж! не больно ль много?

Аннушка. Что ж ему замуж меня не взять, коли я ему нравлюсь! а игрушкой его я быть не хочу.

Бессудный. Видишь ты, какая в тебе гордость глупая! Кому ж может быть она приятна?

Аннушка. Да я его и не просила, он сам этого хотел. А по мне, хоть бы в работницы взял, так я бы рада была. Не то что женой быть, я собаке-то его завидовала, что она завсегда с ним и завсегда может ему руки лизать. Только как бы я его ни любила, а я завсегда скажу, что я хочу на чести жить.

Бессудный. Эко дело! а! Ворожбы какой нет ли?

Аннушка. Не знаю я, ничего не знаю.

Колокольчик, бубенчики и свист. Входит Евгения.

Евгения (со смехом). Уж такой-то шутник! Такой-то шутник! Измял всю, право.

Бессудный. Не сахарная, не развалишься.

Евгения. И чтой-то такое, Ермолаич, скажи ты мне на милость: с кем я ни поиграю, с кем я ни поиграю, и все это мне постыло. И оттого это, я так думаю, что не пристало мне, замужней женщине, так как я замужняя женщина, для одного мужа обязанная.

Бессудный. Разговаривай тут, уж слышали!

Евгения. А что для тебя, как ты сам этого хочешь, я готова со всяким пошутить в удовольствие, только чтоб другие не судили по моему веселому характеру. Я всегда себя помню и что такое муж..

Бессудный. Ну и ладно, будет толковать-то!

Колокольчик и бубенчики. Жук входит.

Жук. Павлин Ипполитыч приехал.

Евгения. Ах, батюшки! Вот не ждали-то!

Бессудный (Жуку). Поди высаживай!

Жук уходит.

Вино-то есть у нас?

Евгения. Как для таких гостей не быть!

Бессудный. Так доставайте, да становитесь встречать.

Евгения с Аннушкой берут по подносу, ставят на них большие рюмки, наливают из бутылки вина, кладут на подносы по нескольку пряников и становятся среди комнаты. Бессудный у двери. Входят Миловидов и Пыжиков, Бессудный кланяется в пояс. Миловидов подходит к Евгении и Аннушке, пьет у обеих вино и целует их.

Явление седьмое

Миловидов, Пыжиков, Бессудный, Евгения, Аннушка и потом Гришка.

Миловидов (показывая на Пыжикова). Поднесите и ему.

Евгения и Аннушка наливают вина, подносят Пыжикову и кланяются.

Пей, целуй хозяек да клади деньги! У нас такое заведение!

Пыжиков пьет.

Вы его задаром не целуйте. Пускай по целковому на поднос кладет.

Пыжиков. Послушай! Что же это ты! Это конфуз, братец ты мой!

Миловидов. Ну, уж я за него заплачу.

Пыжиков целует хозяек.

Бессудный. Каким ветром, сударь Павлин Ипполитыч?

Миловидов. К Гуляеву обедать еду вот с этим милашкой, мимо ехал и заехал.

Бессудный. Так, сударь, так. Потчевать чем прикажете?

Миловидов. Кучеру стакан вина, да чтоб не откладывал, я скоро поеду. Гришке не давай (грозит пальцем), он еще молод. А мне пока ничего не надо. У меня свое есть.

Бессудный уходит, Гришка вносит две бутылки вина, закуску и ставит на стол; кладет на диван ковер и подушку, потом подает барину трубку и становится у

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
двери.

Евгения. Забывать нас стали, Павлин Ипполитыч! Либо заспесивились, право заспесивились.

Миловидов. Какая спесь, Евгения Мироновна. Не то ты толкуешь.

Евгения. Вы нашей-то стряпни что-нибудь отведайте. Прикажите хоть грибков изжарить.

Миловидов (кивая головой). Ну жарьте, ступайте.

Евгения и Аннушка уходят.

Ну, видел?

Пыжиков. Видел.

Миловидов. Что скажешь?

Пыжиков. Красавица писаная.

Миловидов. Вот то-то же! Вот какой у меня характер; сразу врозь, и кончено дело.

Пыжиков. Да отчего же так?

Миловидов. Это уж я про то знаю. А как влюблен был! Тебе никогда сроду так не влюбиться! Да где тебе! Это невозможно!

Пыжиков. А ты почему знаешь?

Миловидов. Чего-с? Позвольте! Ты можешь влюбиться так, как я? Нет, уж это дудки!

Пыжиков. Напрасно вы так думаете. Отчего же это?

Миловидов. Оттого, что у тебя душа коротка, благородных чувств мало. Этак всякий бы... Ты вон дрянь какую-то куришь, сигарки дешевые. Уж коли ты мужчина, так кури трубку, хоть махорку, да трубку... Ну да что толковать! Во мне искра есть, а в тебе нет. Я лихой малый, душа нараспашку; кавалерист как есть; рубака, пьяница, а благородный человек; на ногу себе наступить не позволю.

Пыжиков. Ваше при вас и останется.

Миловидов. Да разумеется. (Подходит к Пыжи-кову и крепко берет его за руку.) Ты слушай, слушай! Вот как я ее любил: ты видишь, она простая девка, а я у ней руки целовал – руки целовал; как тебе это покажется! На коленях стоял перед нею! Каково это! А отчего я так влюбился? Оттого, что завлекся, вот отчего! Пойдем выпьем. (Подходят и пьют.) Ведь уж ты знаешь, какой я ходок, нечего сказывать? А тут вдруг осечка: встречаю такую девушку, что и подойти нельзя, держит себя строго. Фу ты пропасть! думаю. Вот диковина! В таком доме, а держит себя так, что и приступу нет. Я и с той стороны, и с другой, и подарки-то, и то, и се; Гибралтар, просто Гибралтар! Так я как завлекся, влюбился, как мальчишка. Жениться хотел! Вот ты и знай! (Подходит к столу и пьет рюмку вина.) Родные услышали это, тетушки да бабушки, в ужас пришли; а мне черт с ними, я живу сам по себе. Начали они меня усовещивать, невест разных подставлять, чтоб разбить, баб на воду шептать заставляли да меня спрыскивали; одна тетка настоящего колдуна призывала, чтоб отворожить – ничего не действует. Вот она какая любовь-то была! А им беда! Им меня на барышне женить хочется. А я чепчиков видеть не могу. Чтоб в моем доме да завелись чепчики! Нет уж, этому не бывать! Мне барышню и посадить-то не на чем. У меня в гостиной седла да арапники, а вместо диванов сено насыпано да коврами покрыто. Не расставаться ж мне с моими порядками. Мне давай такую жену, чтоб она по моей дудочке плясала, а не я по ее. И что же, братец ты мой, при такой-то любви, услышал я только одно слово, и как рукой сняло. Два дня походил дома из угла в угол, потужил и оборвал сразу.

Пыжиков. От кого ж ты услышал это слово?

Миловидов. Ну уж это мое дело; только от верного человека.

Пыжиков. А с ней ты говорил об этом или нет?

Миловидов. С какой стати. Упрекать ее, что ли? Не мой характер. Я по-благородному, пренебрег, и кончено дело. В глаза ей показываю, что пренебрегаю, вот и все.

Пыжиков. Все же бы тебе объясниться с ней, может она и не виновата.

Миловидов. Как, еще объясняться! Что она, барышня, что ли? Девка простая, да стану я с ней объясняться! Много чести.

Пыжиков. Однако ты на коленях стоял, руки целовал.

Миловидов. То дурь была, а теперь я в полном разуме. Да и признаться тебе сказать, я женских слез не люблю. Пожалуй, еще разжалобит, старая-то блажь воротится, а этого теперь нельзя.

Пыжиков. Уж будто и нельзя?

Миловидов. Да, нельзя, потому что я благородный человек. Понимаешь ты это? Нечего и разговаривать. Да у меня теперь уж другое на уме. Такой сюжетец, что похлопотать стоит.

Пыжиков. А из каких?

Миловидов. Никогда не говорю, мое правило.

Пыжиков. Значит, ты уж совсем от Аннушки прочь?

Миловидов. Ну конечно.

Пыжиков. Так надо теперь за ней поволочиться.

Миловидов. Что-о?

Пыжиков. Поволочиться хочу за Аннушкой.

Миловидов. Ты? Я ничего не успел, а ты хочешь волочиться! Что ж, я хуже тебя? Э, брат, нет! Так ступай же к Гуляеву-то пешком.

Пыжиков. Как же пешком! Ведь ты меня хотел довести.

Миловидов. Нет, пешком, пешком.

Пыжиков. Что ж это такое?

Миловидов. За подлости за твои.

Пыжиков. Какие же подлости? Ты, брат, не очень!

Миловидов. Такие же подлости, что ты очень много о себе думаешь!

Пыжиков. Да я шучу; ну право же, шучу.

Миловидов. То-то же «шучу»! Ну и я шучу. Эй! Где гитара моя?

Аннушка входит с гитарой.

Явление восьмое

Миловидов, Пыжиков, Аннушка и Гришка.

Аннушка. Вот вам гитара. Извольте!

Миловидов. Я сказал, чтоб мою гитару не смели трогать. Вот я ее домой увезу.

Аннушка. Ее никто и не трогал. Я играю иногда.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Миловидов. Вот как! Так это ты играешь! Мило! Что же ты играешь?

Аннушка (со слезами). Те песни, которые вы меня учили.

Миловидов. Что ж! От скуки хорошо, все-таки занятие.

Аннушка. Нет, уж мою скуку песнями не разгонишь.

Миловидов берет несколько аккордов.

Видно, мне с моей тоской до могилы не расстаться.

Миловидов аккомпанирует романс; Аннушка подпевает сначала тихо, потом громче.

Пела, пела пташечка.
Да замолкла;
Знало сердце радости,
Да забыло.
Миловидов играет ритурнель.

За что вы, Павлин Ипполитыч, загубили всю жизнь мою? Вы мне хоть слово скажите!

Миловидов играет аккомпанемент, она поет.

Ах, сгубили пташечку
Злые вьюги,
Загубили молодца
Злые люди.
Миловидов. Каков голос, а?

Пыжиков. Голос чудесный.

Миловидов. Вот то-то и есть; так где ж тут тебе!

Аннушка. Не мучьте меня, Павлин Ипполитыч, скажите мне, чем я перед вами виновата? Отчего вы так переменялись?

Миловидов. Нет, я ничего, я такой же! А ты разве замечаешь, что я переменялся к тебе? А мне кажется, что я ничего не переменялся. Гришка!

Гришка выходит на середину комнаты.

Аннушка. Я, Павлин Ипполитыч, с жизнью расстанусь, а вы шутите. Как вам не грех! Я домой собираюсь, может быть, уж мы больше не увидимся; вы меня любили прежде – хоть по старой памяти скажите, отчего я вам опротивела. Наговорили вам что-нибудь, или другая есть лучше меня?

Миловидов (поднимая с полу палочку). Вот видишь! (Ломает палочку и бросает в разные стороны.) Вот было вместе, теперь врозь! Попробуй составить – не составишь. Так и любовь. И разговаривать нечего! Гришка, ходи! (Играет трепака.)

Гришка пляшет.

Дробь! Дробь! говорят тебе. (Опускает гитару и пристально смотрит на Гришку.) Скоро ли я тебя, подлеца, выучу!

Гришка. Уж я, сударь, сам немало казнюсь на себя; самому до смерти хочется поскорее выучиться. Начнешь это в людской протверживать, так бы, кажется, об стену себе голову и расшиб. Кабы меня с малолетства, сударь.

Миловидов. А что?

Гришка. Потому у меня к этому охота большая. Да я, сударь, помаленьку дойду. Уж это вы будьте покойны. Вот извольте посмотреть, вот это колено. Извольте, сударь, играть.

Миловидов играет, он пляшет.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Почаще, сударь.

Миловидов. Ходи круче! Ну вот, молодец! (Перестает играть.) Трубку!

Аннушка берет трубку и передает Гришке. Гришка уходит.

Ух, устал!

Аннушка поправляет подушку на диване, он ложится.

Пыжиков. Бесчувственный ты Дон-Жуан!

Миловидов. Много ты понимаешь: с женщинами, брат, иначе нельзя.

Аннушка. Узнать бы мне только, кто это у меня разлучница!

Входят Гришка с трубкой, Бессудный и Евгения с блюдом грибов.

Явление девятое

Миловидов, Пыжиков, Аннушка, Евгения, Бессудный, Гришка, потом Непутевый и Сеня.

Евгения. Пожалуйте, господа, грибков отведайте.

Бессудный. Чем богаты, тем и рады.

Из средней двери показывается Непутевый, за ним Сеня.

Непутевый. Господа, позвольте с вами компанию иметь.

Миловидов (приподымаясь). Что?

Непутевый. Позвольте компанию иметь.

Миловидов. Пошел вон! Куда ты лезешь!

Сеня. Петр Мартыныч! Петр Мартыныч! хозяин! нехорошо, нехорошо!

Евгения. Поди, Петя, здесь тебе не место.

Непутевый. Я сам могу соответствовать. Я сам никого не хуже. Что такая за важность! Эй, хозяин, давай сюда шампанского!

Миловидов (встает с дивана). Уйдешь ты или нет? Сказано тебе: убирайся!

Сеня. Но, однако, хозяин, оставьте! Оставьте, говорят вам!

Евгения. Петя, поди на свое место, поди, голубчик! мы тебе туда вина подадим.

Непутевый. Я при своем капитале завсегда могу...

Евгения и Сеня провожают его за дверь.

Миловидов (закусывая). Что это за Петя?

Евгения. Купчик знакомый; он раз пять в год мимо нас ездит, так всегда заезжает.

Миловидов (Бессудному). То-то ты, чай, их обираешь. Подпоишь, да и грабишь, как душе твоей хочется.

Бессудный. Не те нынче времена, чтоб грабить.

Миловидов. А другой упирается, не любит, чтоб его грабили, так и попридушить можно.

Бессудный (сверкнув глазами). Это вы напрасно. В старину, говорят, по этой дороге так дела делались! Место бойкое, сами знаете. Заедут купцы целым обозом, так дворники запрут ворота да без разговору перережут всех до единого; а который вырвется на улицу, так соседи поймают да ведут к дворнику-то! «Что, говорят, ты

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e овец–то по деревне распустил?» Ха, ха, ха! овец! Вот поди ж ты, какое время было!

Миловидов. Что ж, теперь тебе жаль этого времени?

Бессудный. Не то что жаль, что мне жалеть, коли я на чести; а я к тому говорю, что какая необразованность была!

Входит Жук.

Жук. Мироновна, поди овса отпущай.

Евгения. Ох, уж не хочется! Поди, Ермолаич. (Передает ключ мужу.)

Бессудный. Поди, Аннушка, отпусти. (Передает ей ключ. Аннушка уходит.)

Пыжиков. Не пора ли нам ехать?

Миловидов. Да пожалуй что и пора. Гришка, вели лошадей подавать да вернись вещи вынести.

Гришка берет бутылки и съестное и уходит.

Бессудный. Да я вынесу, что ему ходить–то. (Берет ковер, подушку и уходит.)

Пыжиков. Что ж, пойдём.

Миловидов. Пойдем! (Подойдя к двери.) Ах, да, расплатиться!

Пыжиков уходит.

Евгения (бросаясь на шею Миловидову). Когда ж опять–то?

Миловидов. Сегодня, часа через три.

Евгения. Ну, прощай, мой милый, красавчик мой писанный!

Аннушка смотрит в среднюю дверь.

Миловидов. Прощай, красота моя!

Целуются и уходят.

Аннушка. Вот она, разлучница–то моя! Нет уж, я теперь не уйду отсюда! Все равно мне умирать–то! Я уйду – они и знать не будут, как я мучаюсь; им будет весело без меня, они про меня и забудут совсем. Нет уж, умирать, так умирать на глазах у них. Рвите мое сердце на части, пейте мою кровь по капле, пока всю выпьете, да уж и засыпьте меня землей. Да насыпьте могилу–то потяжеле, чтобы и мертвая–то я не пришла да не помешала вам.

За сценой звон колокольчика, свист и крик: «Эх, вы, милые!»

Уехал! Прощай, Павлин Ипполитыч! За что ты погубил меня? Кому мне на тебя жаловаться? Некому нас с тобой рассудить! Пусть Бог рассудит!

Действие второе
ЛИЦА:

Миловидов.

Бессудный.

Евгения.

Аннушка.

Непутевый.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Сеня.

Жук.

Раззоренный.

Декорация 1-го действия.

Явление первое
Бессудный и Раззоренный.

Бессудный. Выкормил?

Раззоренный. Выкормил.

Бессудный (достает графин и стакан). Выпей стаканчик, повеселей поедешь.
(Подносит.)

Раззоренный (берет стакан). Будь здоров! (Пьет.)

Бессудный. Спасибо. Пей еще!

Раззоренный. Нальешь, так выпью, на землю не вылью.

Бессудный. Пей на доброе здоровье.

Раззоренный (пьет). Благодарим покорно. А что мои купцы? Закладать бы пора.

Бессудный. Только что проснулись, чай с кизлярской водкой пьют.

Раззоренный. Ишь они угару-то набираются! Так я закладать.

Бессудный. Куда торопиться-то! А клади с вами много?

Раззоренный. На порядках. Тарантас-то упористо идет, кой-где и поскрипывает.

Бессудный. Крепок тарантас-то?

Раззоренный. Казанский, новый, точно слитой.

Бессудный. А чинить не надо?

Раззоренный. Какая чинка! До турчины не чиня доедешь.

Бессудный. Да ты слушай! Чинить не надо ль? говорю я.

Раззоренный (помолчав). Да что его чинить-то, коли он как есть новый!

Бессудный. Наладил! Ты дурака-то из себя не строй!

Раззоренный (помолчав). Что же мне теперича хозяев задаром в убыток вводить. Да, может, им к спеху.

Бессудный. Кто тебе говорит, что задаром! Не задаром!

Раззоренный. А много ль дашь?

Бессудный. По барышам глядя. Дай им поразгуляться-то!

Раззоренный. Пять рублей!

Бессудный. Может, и больше.

Раззоренный. Ой ли! Не обманешь?

Бессудный. Нешто я ямщика обману! Вы мне люди завсегда нужные.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Раззоренный. Ну, ладно! (Подходит к средней двери и отворяет ее.) Господа купцы, воля милости вашей, а что ехать нельзя.

Непутевый и Сеня входят.

Явление второе
Бессудный, Раззоренный, Непутевый и Сеня.

Непутевый. Ты что еще! Как так нельзя? Во фронт! Ты с кем говоришь?

Раззоренный. Да так же, что колесо расшаталось. Не на каждой же нам версте его замачивать; а выходит, надоть его перетянуть.

Сеня. Что же ты прежде-то?

Раззоренный. Прежде! А вы сами-то где были? Спали; так нешто я могу беспокоить?

Непутевый. Какие еще разговоры! Твое дело – что прикажут! Ты понимай, с кем ты говоришь! Велят тебе ехать, и сейчас чтоб готово, живой рукой! У меня такое расположение, чтоб ехать; как же ты можешь! Пошел на свое место!

Раззоренный. Что, конечно, оно можно ехать, отчего не ехать! А только, борони БОГ греха, середь лесу ночью сядем, кто виноват останется?

Непутевый. Как так сядем? Ты и думать не моги! У меня чтоб живо!

Раззоренный. И я про то же. Какое здесь место? Сами знаете, шалунов тоже довольно – место бойкое; почитай в каждой деревне шалют. Тут теперича только давай БОГ ноги, а часом сядем в овраге, так и от повозки убежишь.

Сеня. А вот посмотреть пойти, не врет ли он.

Раззоренный. Посмотреть пойти! Много ты знаешь! Скрипит колесо на ходу, ну, и, значит, рассохлось. Аль вам рубля жалко? А еще купцы!

Непутевый. Ну чини, черт с тобой! Слышишь ты, чини! Сколько денег надо?

Раззоренный. Кузнец – уж он знает. А теперича с вашей милости надо на водку!

Непутевый. Вы мошенники, вот что! На! (Дает деньги.) Да чтоб живо!

Раззоренный. Уж это без сумления.

Непутевый и Сеня уходят.

Бессудный. А сзади у вас есть проезжающие?

Раззоренный. Еще тройка.

Бессудный. Когда из Покровского?

Раззоренный. Те на ночь.

Бессудный. Кто везет?

Раззоренный. Стигней, – в корню серая.

Бессудный. Знаю.

Раззоренный. Только без всякой опаски едут, уж больно просто.

Бессудный. А что?

Раззоренный. Первое дело, в самую полночь они в ваш лес приедут, да очень пьяные, а лес-то на двадцать верст; а второе дело, чемодан сзади не очень складно привязан, совсем не по здешнему месту. Так я пойду. (Уходит.)

Бессудный (у двери в сени). Жук!

Жук выставляет голову из сеней.

Явление третье
Бессудный и Жук.

Жук. Чего?

Бессудный. Савраска в поле?

Жук. В поле.

Бессудный. Пригони да овса задай, пушай хоть всю меру съест. Да вымажи тележку хорошенько.

Жук. К ночи, что ль, сряжаться?

Бессудный. К ночи. Как станет смеркаться, ты выезжай из двора налево, да потом лесом круг двора и объедешь к большой дороге и жди меня там в кустах.

Жук. Ладно. А что припасать?

Бессудный. Я сам припасу что нужно. Пойдем-ка, я тележку-то посмотрю.

Уходят. Из средней двери входит Аннушка.

Явление четвертое
Аннушка, потом Непутевый и Сеня.

Аннушка (садится к столу). Как тень какая хожу! Поговорила б с кем-нибудь о своем горе, может быть, и полегче стало, да не с кем. Все одна, все одна, всю жизнь одна. А одной-то оставаться страшно, – все что-то в голову лезет дурное. Ну, я, чтоб одной-то не быть, иду в народ, а в народе-то я как будто лишняя. Все я точно что-то ищу. Боже мой! что они со мной сделали! Это меня Бог за гордость наказывает. Я золовку и за человека не считала, а он ее-то и полюбил, а меня, девушку, бросил.

Входят Непутевый и Сеня.

Непутевый (садясь к столу). Ты что плачешь? Кто тебя обидел?

Аннушка. Поди прочь, не приставай ты ко мне.

Непутевый. Да ты что за барыня такая? Что ты важничаешь!

Аннушка. Поди к Евгении, она ласковая; а меня не тронь, мне и без тебя тошно.

Непутевый. Я сам знаю, куда мне идти, ты меня не учи! Вот что! Ты не смей мне указывать!

Аннушка. Русским тебе языком говорю: отойди. Аль ты слов не понимаешь!

Непутевый. Тешь мой обычай. Аль ты моего ндраву не знаешь! Я в Курчавине, бывало, запрягу девок в сани летом, да и езжу по деревне. Ты знай обхождение купеческое!

Аннушка. Очень мне нужно знать ваше обхождение! Поди от меня, вот и все тут.

Непутевый. Да ты обо мне как понимаешь! Ты вот это видела? (Берет из кошелька горсть золота и рассыпает по столу.)

Бессудный отворяет среднюю дверь, быстро взглядывает и опять затворяет. Его видят Аннушка и Сеня.

Аннушка. Что ты делаешь! Убери деньги! Ради бога, убери!

Сеня. Петр Мартыныч, уберите деньги.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Аннушка. Да уезжайте вы от греха.

Непутевый. Зачем? Я здесь погулять хочу.

Бессудный опять взглядывает.

Аннушка. Говорят тебе, убирай деньги! У брата глаза разгораются, так добра не бывать.

Непутевый. Зачем убирать? Пущай лежат. Вам что за дело!

Сеня. Петр Мартыныч, хочешь ты цел быть, так убирай деньги, да и поедem сейчас; а то так и с головой своей протисись.

Непутевый (Аннушке). Верно он говорит?

Аннушка. Какой ты дурак, как погляжу я на тебя! И жалеть-то тебя не стоит.

Непутевый собирает деньги.

Сеня. Петр Мартыныч, стой, оставь штуки четыре.

Непутевый. Зачем?

Сеня. Стало быть, надо. (Кричит в дверь.) Раззоренный!

Непутевый (Аннушке). Пойдешь за меня замуж? Вот отец умрет, я большой останусь.

Аннушка. Ну, хорошо, хорошо. В другой раз потолкуем.

Раззоренный входит.

Сеня. Где хозяин?

Раззоренный. Никак, на дворе возится.

Сеня. Ты еще не носил колеса в кузницу?

Раззоренный. Еще и кузнеца-то нет.

Сеня. Так закладывай, и поедem. (Показывает ему золотой.) Видишь ты это? Чтоб без разговору! Как готово, сейчас, значит, и получай.

Раззоренный. Мне что ж! Я хоть сейчас. (Хочет идти.)

Сеня. Стой! Говори за ту же цену, только правду говори! Хозяин здешний на руку не чист?

Непутевый. Во фронт передо мной!

Сеня. Да погоди! Эко с тобой наказание!

Раззоренный. Да поговаривают.

Сеня. А что?

Раззоренный. Будто опаивает чем-то, потом оберет да с двора в шею; мне, говорит, с тобой с пьяным не возиться. А кто ж его знает, может и врут.

Аннушка. Уезжайте вы, ради Бога, пока засветло.

Сеня. Слышишь, Петр Мартыныч! Ну, ступай.

Раззоренный уходит.

Дай Аннушке-то!

Аннушка. Мне не надо.

Сеня. Ну так оставь на столе хозяевам, а один ямщику возьмем. Да пойдем, сядем в повозку, пока закладывают. Прощайся с хозяевами. Вот тебе картуз. А это я вынесу. (Берет одежду с лежанки.)

Непутевый. Хозяин, а хозяин! Прощай!

Бессудный выходит из сеней, Евгения – из средней двери.

Явление пятое

Непутевый, Сеня, Аннушка, Бессудный и Евгения.

Бессудный. Куда заторопился! Погости! У меня шампанское для тебя припасено.

Непутевый. Не надо! Захотел да и поехал! Вот и знай нас. Вон там возьми себе на угощение. Прощай, хозяйка!

Евгения. Прощай, Петя! Прощай, сокол мой ясный, молодец распрекрасный.

Целуются.

Непутевый. А ты возьми себе за ласку остальные. Прощайте! (Уходит.)

Бессудный. Что он, белены, что ль, объелся! С чего он так вдруг?

Сеня. Кто ж его знает! Он у нас нравный! За угощение, хозяева! (Уходит.)

Явление шестое

Бессудный, Евгения и Аннушка.

Бессудный. Отчего они уехали?

Аннушка. Почем я знаю. Не угодили чем-нибудь.

Евгения. Не ты ль не угодила?

Аннушка. Я не в тебя, очень-то угождать не умею.

Бессудный. Он тут деньги на стол сыпал?

Аннушка. Сыпал.

Бессудный. Зачем?

Аннушка. Так, ломался. Высыпал да опять убрал.

Бессудный. А много ль тебе дал?

Аннушка. Мне? Ничего. За что мне? Он за ласку деньги платит; а от меня ему ласки не было.

Евгения. И у меня ласка всем ровная; особой ласки ни для кого, кроме как для мужа, нет.

Аннушка. Полно, так ли?

Евгения. Да ты что за судья надо мной! У меня муж есть. Ты про что это еще?

Аннушка. Про особую-то ласку. Ты говоришь, что, кроме мужа, никому нет; так нет ли, вспомни.

Евгения. Что ж ты меня с мужем расстроивать хочешь? Ненавистно тебе, что мы живем в любви? Нет, уж это тебе не удастся.

Аннушка. Что мне вас расстроивать! Вас не расстроишь. Ты двадцать раз мужа-то обманешь. Я знаю, что я говорю. Кабы не своими я глазами видела.

Бессудный. Что, что?

Евгения. Не слушай, не слушай, Ермолаич! Это она от ненависти.

Аннушка. Ты говоришь, я расстроиваю; ты людей расстроиваешь-то!

Евгения. Что ты с больной-то головы да на здоровую!

Аннушка. Ты не вертись! Уж коли я что скажу, так вправду. Тут вот, на самом этом месте...

Бессудный. Ну, договаривай! Начала, так у меня договаривай.

Евгения. Не слушай ты ее, Ермолаич, не слушай! Теперь-то я догадалась! Не говори, пожалуйста, не просят тебя. Я сама все расскажу. Ишь какая диковина!

Бессудный. Ну, так говори!

Евгения. Ох, смех, право смех! Слушай-ка ты, Ермолаич! А уж я думала бог знает что...

Бессудный. Что вертишься-то! Говори толком.

Евгения (притворно смеется). Ха-ха-ха! ха-ха-ха! Как провожали мы барина-то, бегу это я в сени-то, таково тороплюсь, таково тороплюсь... а он, ха-ха-ха! – и схватил меня.

Бессудный. Схватил – да! ну?

Евгения. Вот она выходит, а он, ха-ха-ха! ей в насмешку, ха-ха-ха-ха! и... поцеловал меня.

Аннушка. Да он меня и не видал, и ты меня не видала.

Евгения. Видел, видел, видел! Ха-ха-ха! ох, видел, видел!

Бессудный. Что-то смех-то у тебя не смешон выходит.

Евгения. Да как на нее не смеяться-то! Ха-ха-ха!

Бессудный. Шалишь, лукавишь. Дай срок, я тебя допрошу по-своему, ты у меня не так заговоришь. Да чего тут ждать! Сердце мое не терпит! Сказывай, Анна, как что было!

Евгения. Век ты моей гибели хотела; вот радуйся теперь, коли тебе муж больше верит.

Жук входит.

Жук. Барин Миловидов приехал.

Бессудный. О, чтоб вас! Вот еще принесло! А ты, Евгения, помни! (Грозит пальцем.) Ходи, да оглядывайся. Даром тебе не пройдет. (Уходит.)

Аннушка. Ишь как часто стал... Меня любил, так на дню по два раза не ездил. Ну, золовушка, в одном мы дому с тобой живем, как нам дружка делить? Не на ту ты напала, я тебе дешево его не отдам. Нет, я пошутила, бери его вовсе.

Евгения. Змея, змея! за что ты меня губишь? Какая тебе польза?

Аннушка. Губишь! Какая твоя гибель! Муж поколотит, так милый друг приласкает, вот ты и утетишься; а меня утешит одна сыра земля. Да, сырая земля, знай ты это! (Уходит.)

Евгения. Ах, батюшки! Вот страх-то. Рученьки опустились, ноженьки подкосились. Падаю! ох, падаю! С места-то никак не сойду. Экой муж-то у меня страшный! Глазищи-то как у дьявола! Выпучит их, так словно за сердце-то кто рукой хватит! Как бы мне только эту беду с плеч стрясти! Увертки-то все бабьи из головы вылетели. Только бы он не убивал, погодил бы немножко, дал мне сроку на

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e полчасика, а уж я б что-нибудь придумала. Батюшки! с духом-то не сберусь. Идут. Не муж ли? (Шепчет.) Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его! Укроти сердце раба Вукола!

Входит Миловидов с трубкой.

Явление седьмое
Евгения, Миловидов, потом Бессудный.

Евгения (тихо). Ой, не подходи! Ой, не подходи! (Берет скатерть и стелет на стол.)

Миловидов. Что так?

Евгения. Золовка, злодейка, подсмотрела да все рассказала, все, злодейка, рассказала.

Миловидов. Плохо твое дело!

Евгения. Ты за ус себя дергай, за ус себя дергай!

Миловидов. Никак ты помешалась?

Евгения (тихо). Да ты гляди, нет ли мужа сзади. Гляди!

Миловидов. Гляжу!

Евгения. Он теперь, аспид, глаз с меня не спустит. Мне оглядываться-то нельзя: он подумает, что мы с тобой шепчемся.

Миловидов. Ну, не оглядывайся.

Евгения. А ты дерни себя за ус-то, как он войдет, дерни; я и буду знать, что он здесь, такую и речь поведу; нарочно, чтоб он слышал.

Миловидов. Бедовая ты баба! (Трогает себя за усы.)

Бессудный тихо входит.

Евгения (громко). Вам-то, барин, шутки, а муж-то мой сердится.

Миловидов. Уж будто и сердится! За что же тут сердиться, я не понимаю.

Евгения. Да ведь и правда, сударь, не хорошо; вы знаете, я женщина замужняя, мне это нейдет.

Бессудный уходит в среднюю дверь.

Миловидов. Ушел.

Евгения. Отведи им глаза!

Миловидов. Каким манером?

Евгения. Обмани ту дуру-то; поласкайся к ней! Будто ты теперь для нее приехал; она опять о себе возмечтает, мешать-то нам и не будет; да ты сделай так, чтоб и муж видел.

Миловидов. Мне это не долго.

Бессудный открывает среднюю дверь и что-то шарит на лежанке. Миловидов берется за усы.

Евгения. Вам это стыдно! вы благородный! С купцов мы не взыскиваем, потому с них и взыскать нельзя-они без этого жить не могут; а благородные люди совсем дело другое.

Миловидов. Да что ты ко мне пристала! Я сказал, что пошутил!

Евгения. Вам-то ничего, да мне-то не хорошо.

Бессудный уходит.

Миловидов. Опять ушел.

Евгения. А вот он нынче ночью уедет...

Миловидов. Куда? На разбой, что ли?

Евгения. Кто его знает. Лошадь с поля пригнали, тележку готовят да с Жуком шепчутся. Так ты и приезжай; лошадей-то за кузницей оставь, а сам в задние ворота. Я тебя в сенях подожду.

Миловидов. Ну и отлично! Хватская штука! Так непременно: ты меня жди.

Евгения. Муж-то раньше свету не вернется.

Бессудный входит.

Миловидов (берется за усы). Я и не знал, что ты такая сердитая.

Евгения. Мы завсегда вам рады, и просто не знаем с мужем, как вам и угодить; только уж вы оставьте, вперед этого не делайте, прошу я вас.

Миловидов. Ну хорошо, хорошо!

Евгения. Чем потчевать прикажете? Чайку не угодно ли?

Миловидов. Нет, не хочу. Да что Аннушку не видно? Домой бы поехал, да пусть лошади отдохнут; хоть бы с ней поболтать.

Евгения. Кто ее знает, должно быть в светелке. Я, пожалуй, пойду кликну. Только вы мужу не говорите, что я вам выговаривала; а то он, пожалуй, рассердится: скажет, как ты, дура деревенская, смеешь господ учить, которые умнее тебя.

Миловидов (смеется). Хорошо, не скажу, не скажу.

Евгения (наткнувшись на мужа). Ох, чтой-то ты, Ермолаич, как перепугал! Я тебя и не вижу. Да когда же ты, Ермолаич, взшел-то?

Бессудный. Уж ты ступай, куда тебя посылают.

Евгения уходит.

Лошадей-то отложить аль нет?

Миловидов. Не надо, пусть так постоят. Какая жена-то у тебя строгая!

Бессудный. Полоумная она или умна, что ль, очень, уж я и не разберу.

Миловидов. Ты не разберешь, так кто ж ее разберет; тебя тоже на кривой-то не объедешь.

Бессудный. Оно точно, что меня объехать трудно; только нынче больно народ-то хитер стал. Люди-то всё умнеют, а мы-то стареем да глупеем.

Миловидов. Так ты боишься, что жена-то умней тебя будет, когда ты состареешься?

Бессудный. Уж это сохрани господи! глупей бабы быть! Не то что умней, а вороватей.

Миловидов. А ведь, должно быть, скверно, когда жена обманывает! Как ты думаешь?

Бессудный. Что хорошего! Да ведь каков муж! Другого обманет, так и сама не рада будет, что на свет родилась. Вот я тебе притчу скажу. Был у меня приятель, мужик богатый, человек нраву крутого. Только стал он за женой замечать, что дело

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
неладно. Вот он раз из дому и собрался будто в город, а сам задворками и
воротился, заглянул в окно, а жена-то с парнем. Что ж он, сударь, сделал!

Миловидов. А что?

Бессудный. А вот что: парню-то он дал уйти; выждал поры да времени, затопил
овин, будто хлеб сушить, да пошел туда с той – с женой-то, с подлой-то, да живую
ее, шельму, и зажарил. Вот что он сделал!

Молчание.

Миловидов. Судили его за это?

Бессудный. Нет.

Миловидов. Отчего же?

Бессудный. Да кто ж видел? Кто докажет? Сгорела, да и все тут. Он потом на Афон
молиться ушел. А по-моему, так и судить-то не за что: моя жена, я в ней и
властен. Да где ж это бабы-то? Где вы там?

Аннушка показывается в средней двери.

Поди, что ты там забилась! Где вас надо, тут вас и нет. (Уходит.)

Явление восьмое
Миловидов и Аннушка.

Миловидов. Скучно что-то, Аннушка!

Аннушка. Вам-то скучно? Может ли это быть?

Миловидов. Отчего же?

Аннушка. Да вы какое хотите веселье, такое себе и найдете. Все в вашей воле. Вам
некогда и скучно-то быть! А вот нашу сестру скука-то одолеет, тут куда деться!

Миловидов. Не то что мне скучно, а так, делать нечего.

Аннушка. Да какое же у господ дело! Разве вы, век свой живете, делаете
что-нибудь! Обыкновенно одна только забава! Надоело дома, по соседям пировать
поедете; и то наскучило, так соберете псарню да зайцев гонять; а то так над
нашей сестрой издеваетесь да помыкаете как хотите. Ведь вы, чай, про себя-то
думаете, что у нас души нет, мы и чувствовать ничего не можем. Вы, чай, думаете,
что мы и не тоскуем никогда. А знаете ли вы, Павлин Ипполитыч, что несчастней
нас, девушек, нет никого на свете.

Миловидов. Да пожалуй, что ты и правду говоришь.

Аннушка. Правду, Павлин Ипполитыч, правду!

Миловидов. Да что ты стоишь, Аннушка! Садись сюда ближе!

Аннушка. Сейчас. Вам трубку?

Миловидов. Да. (Кричит.) Гришка!

Аннушка (берет трубку и подходит к дверям). Гришка, подай барину трубку.
(Приходит и садится рядом с Миловидовым.) Какой хотите пример возьмите, хоть
меня. Приходит девушка в возраст, как должно; что у ней на уме, спросите-ка!
Милый человек и больше ничего. Потому всякая знает хорошо, что только ей и
пожить, пока она на свободе; а как выдали замуж, так и стала работницей до самой
смерти. В это время долго ль нас обмануть! Всякому веришь; кто что ни говори,
все думаешь, что правда. Вот этак другой обойдет девку словами, та думает, что
она в раю; а он про нее и думать забудет, да еще смеется над ней. Вот когда,
Павлин Ипполитыч, девушке скучно-то бывает. Вот когда ей жизнь-то не мила. А у
вас какая скука!

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865-1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Миловидов. Разумеется.

Гришка подает трубку и уходит.

Аннушка. Нападет тоска по милом-то, куда с ней деваться? Эту тоску в люди не снесешь, ни с кем не разделишь. Разве пожалеют тебя? Всякий над тобой же смеется. И размыкивай горе одна, в углу сидя. А одной-то с горем куда тяжело! Сидишь, не дышишь, как мертвая, а горе-то у тебя на сердце растет... Точно гора какая тебе сердце давит... Мечешься, мечешься.

Миловидов. Хорошая ты девушка, Аннушка!

Аннушка. Теперь только разве вы узнали, что я хорошая девушка? Было вам время меня узнать-то: я тогда еще лучше была.

Миловидов хочет обнять ее; она встает.

Что же это такое вы делаете? За что меня обижаете?

Миловидов. Чем же я тебя обижаю?

Аннушка. Любите другую, а меня от скуки целовать хотите! Что же я такое для вас? Как же мне о себе думать? Ведь это вы мне нож в сердце!

Миловидов. Кто ж тебе сказал, что я тебя не люблю?

Аннушка. Вы сами сказали давеча на этом месте. Не пожалели меня, прямо в глаза сказали.

Миловидов. Мало ль что я говорю. Так давеча хандра какая-то нашла.

Аннушка. Мне бы к вам и выходить-то не надо было; уж я теперь и ругаю себя; да сердце-то наше слабо: все думаешь, а может быть...

Миловидов. Что «может быть»?

Аннушка. Да, может быть, думаешь, он Бога побоится, совесть его зазрит. А ведь и знаешь сама, что этого никогда не бывает, а все лезешь на глаза, точно милости просишь. стыдно потом до смерти! Нет, прощайте! (Плачет. Миловидов хочет обнять ее. Она отталкивает его.) Оставьте вы меня!

Миловидов. Ну я виноват! ну прости ты меня, прости! (Обнимает ее.)

Аннушка. Бог с вами!

Миловидов целует ее.

Ах, Боже мой! что вы со мной делаете! Оставьте, оставьте меня! Ведь я живой человек, вы видите, я с собой совладать не могу. А это нехорошо. стыд-то какой, стыд-то какой! что я из себя делаю! Где у меня совесть-то! Я себя после проклинать буду.

Миловидов. За что же?

Аннушка. уж про любовь я вас и не спрашиваю! Какая любовь! Хоть немножко-то вы меня жалеете ли? чтоб мне не так было самое себя совестно, что вы меня целуете. Или вы всё смеетесь надо мной?

Миловидов. Как можно, что ты!

Аннушка. А потом опять на меня глядеть не станете. куда я тогда от своего стыда денусь?

Миловидов. А мне кажется, что я тебя полюблю больше прежнего.

Аннушка (смотрит на нею как бы с испугом). Прежде вы меня обманули – Бог с вами; а теперь обманете – Бог вас накажет. (Прилегает к Миловидову на грудь.)

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Входят Бессудный и Евгения.

Явление девятое
Миловидов, Аннушка, Бессудный и Евгения.

Евгения. Совет да любовь!

Аннушка. Ах! Что я это! Вот вы меня перед людьми в стыд ввели.

Миловидов. Что за стыд! Вот вздор! Я поеду домой, а денька через два приеду.
Гришка!

Гришка у двери.

Лошадей! Прощай, хозяин! Прощай, хозяйка! (Целуются.) Прощай, Аннушка, милая!
(Целуются. Уходит. Аннушка провожает его.)

Евгения. Видел?

Бессудный. Ну, видел. Ну так что же? Вас тут сам лукавый не разберет.

Евгения. Вот ты теперь и кланяйся жене-то в ноги за обиду. За что ты давеча на меня зашипел, как змея василиска!

Бессудный. Ну, ладно! Вперед зачти. (Уходят в среднюю дверь.)

Аннушка возвращается.

Аннушка. Боже мой! У меня голова закружилась! (Опирается руками на стол и смотрит в окно.) Неужели воротились мои золотые дни? уж переживу ли я, бедная, этакое счастье! Вон как покотил, голубчик мой! Экой молодец! Жизнь ты моя! Никогда я так тебя не любила, как теперь. Нет моей воли над собой! И счастье мое, и погибель моя в твоих руках. Пожалей ты меня, бедную!

Действие третье
ЛИЦА:

Бессудный.

Евгения.

Аннушка.

Миловидов.

Жук.

Гришка.

Иван, кучер Миловидова.

Сени на постоялом дворе, посередине две двери: правая – в черную избу, левая – в чистую комнату; между дверями, у стены, скамья и стол; на столе свеча в фонаре; в левом углу лестница в светелку; с правой стороны дверь на двор; над дверью низенькая рама; четыре небольших стекла в один ряд. Ночь.

Явление первое
Аннушка (сходит с лестницы). Как в светелке страшно одной-то! Ночь темная, ветер воет. Мужиков же никого в доме нет. Жук уехал. Видела я из окна, как Евгения и брата проводила с фонарем куда-то. Теперь мы одни с ней остались. Пойти хоть к ней, все не так страшно! Выбраться бы мне поскорей из этого дому! Над ним беда висит, уж чует мое сердце; всё здесь не ладно, все здесь живут не по совести. Брат часто по ночам отлучается; соседи говорят про него что-то недоброе, Евгения на каждом шагу лукавит. Что за житье! У всех только деньги на уме, как бы ни добыть, только бы добыть. А сколько из-за этих денег греха на душу принимают, об этом никто и не думает.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Стук в дверь со двора.

Кто-то стукнул!

Голос за сценой: «Евгения!»

Кто-то Евгению кличет. (Прячется за дверь в избу.)

Евгения выходит со свечой из двери, которая направо.

Явление второе

Евгения, потом Миловидов.

Евгения. Никак кто-то стукнул! (Подходит к средней двери.) Кто там?

Миловидов (за сценой). Помещик Миловидов; а ты разве еще ждешь кого-нибудь?

Евгения (отпирая). Ах, сердечный! Кого ж мне ждать, кроме тебя! Что это ты срамить вздумал! Экой обидчик! (Целует его.) А уж я думала, что ты не придешь.

Миловидов. Отчего?

Евгения. Да уж больно ночь темна.

Миловидов. А ведь муж уехал же?

Евгения. Уехал.

Миловидов. Ну, так и я не маленький. Он темноты не боится, так чего ж и мне бояться. Ты, чай, знаешь, для кого темные ночи хороши?

Евгения. А для кого?

Миловидов. Для воров да для любовников. Значит, нам с ним и на руку.

Евгения. Ах ты проказник, проказник! Вот уж ты-то точно что любовник; это надо правду сказать. Кто на тебя ни взглянет, всякий скажет, что любовник. А за что же ты мужа-то моего воров зовешь?

Миловидов. А куда ж он ночью уехал?

Евгения. Да, чай, в казенном лесу дровец порубить.

Миловидов. Ну все ж таки воровать.

Евгения. Да нешто это воровство! Уж это, кого ни возьми из соседей, у всех такое заведение. Однако надо запереть дверь-то!

Миловидов. погоди, надо людям приказать. (Подходит к наружной двери.)

В это время Евгения всходит на лестницу.

Эй! Гришка! Иван! Вы здесь?

За дверью: «Здесь, сударь!»

Лошадей у кузницы под сарай запереть! А сами настороже, да не дремать, а держать ухо остро. Слышите!

За сценой: «Слушаем, сударь!»

Евгения возвращается и запирает дверь.

Ух, устал! От самой кузницы пешком шел. (Садится на скамью.) Ты зачем наверх ходила?

Евгения. Светелку заперла.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Миловидов. Для чего?

Евгения. Чтобы Анна, коли проснется, сюда не пришла; девичий-то сои, говорят, чуток.

Миловидов. А она в светелке?

Евгения. В светелке. А тебе на что? Тебе-то на что, завистные твои глаза? Уж я тебя давеча и то было к ней приревновала, да вспомнила, что сама ж тебя учила приласкать ее, уж после и смешно стало.

Миловидов. Что ты ни толкуй, а мне ее жаль.

Евгения. Ну да как не жалеть! Эка невидаль!

Миловидов. Немало я их на своем веку обманывал – и ничего; а перед этой как-то совестно.

Евгения. Очень нужно совеститься! Велика она птица! Уж мне потом на нее-то очень смешно. Ходит и ног под собой не слышит, точно как княгиня какая, уж никак себя ниже не считает. А я-то про себя думаю: дура, мол, ты, дура! Так-то вас и обманывают. Приласкай вас, вы и раскиснете, рады всему поверить. А когда ж это бывает, чтобы мужчина бросил да опять к той же пришел? Мало, что ль, для них других-то дур на свете, вот хоть таких, как я, сирота бедная. (Смеется.)

Миловидов. Рассказывай! Одурачишь тебя, как же! Ты захочешь, так нас всех проведешь.

Евгения. Да уж за таким мужем живя, да в таком омуте, поневоле поумнеешь. Ну, других-то, положим так, что я провела, а тебя-то я чем же? Я тебя вот как, вот как люблю, что уж и не знаю, как описать.

Миловидов. А любопытно узнать, что у женщин на уме. Как бы до этого добраться?

Евгения. Что на уме? Да то же, что у вас.

Миловидов. Ну, нет, у них как-то по-другому. Вот, например, за что ты меня полюбила?

Евгения. Как за что? Первое дело: ты барин, а не мужик, красавец писанный! Кто ж тебя не полюбит! Ведь я не столб каменный! Второе дело: так-то жить, в спокойной-то жизни, скучно; а тут и мужа-то боишься, и увертки-то разные придумываешь, и дружку-то рада, как увидишь; все-таки кровь-то волнуется, все у тебя в голове каждый час забота есть... То-то и жизнь по-моему. А по-твоему как?

Миловидов. Да и по-моему так же. Оттого-то я и не женюсь.

Евгения. И не женись. Что тебе за неволя хомут-то на шею надевать! Да что ж это ты, голубчик, здесь сидишь! Пойдем в комнату, я тебе и винца и закусочку приготовила.

Миловидов (встает). Пойдем! Только как же? Ведь в окна огонь видно будет.

Евгения. Так что ж за беда? У нас постоянный двор, всю ночь не гасим; вот и в сенях во всю ночь фонарь горит. Вдруг приедет кто, скоро ль огонь-то вздуешь, а тут уж готово.

Миловидов. А ну как муж воротится?

Евгения. Он ближе свету не будет.

Миловидов. А ну вдруг?

Евгения. Услышу, как постучит. Я тебя тогда в чулан спрячу, а как заснет муж, да и Жук уляжется, тогда провожу за ворота.

Миловидов. Молодец ты, баба! Вот это мне на руку; этаких я люблю.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Евгения. То ли бы еще было! Вот только одна помеха, как бельмо у меня на глазу, – эта Анна. Как бы нам ее с рук сбить. Замуж бы отдали, да и слышать не хочет. Ты когда к нам приедешь, так не очень с ней строго, а то она догадается. А ты все ее поманивай, все поманивай – она на это глупа, не разберет, шутишь ты аль нет. Ну пойдем же, мой сокол ясный! Сколько теперь часов-то?

Миловидов (смотрит на часы). Одиннадцатый в исходе.

Евгения. О, еще до свету-то как далеко!

Уходят в комнату. Аннушка выходит.

Явление третье

Аннушка (одна). Вот я до чего дожила! Что я слышала! Как я жива стою! Дурой меня называли, смеялись надо мной! А какая ж я дура? Чем я дура? Разве тем только и дура, что верю человеку, когда он на небо глядит да божится, да верю тому, кто меня целует, что он меня любит. Виновата ли ж я, что у нас на каждом шагу Иуду встретишь, который тебя целует, а сам тут же продает ни за грош. За что ж смеяться-то! Любил, ну перестал любить; за что ж ты смеешься-то? Я не навязывалась. Ты сам меня давеча позвал. Вот это обида! Обида кровная! Я говорю: смеяться будешь! «Нет», говорит. Вот это обида! Ох! Не снесет сердце! Вся душа-то у меня чернеет, как черная ночь. Самоё себя мне страшно! Зажгу... Зажгу дом. Пусть сгорят оба, и я с ними... (Берет со стола фонарь.) Пойду... сейчас пойду... Пусть же они знают... Батюшки, ноги нейдут, точно не пускает кто... Не моя, так чья-нибудь молитва бережет меня от греха смертного... Вот и жаль! Зачем мне его жаль стало? Что за глупое сердце девичье! Разве он не злодей мой? А ее убила бы, змею лютую! Братец, убей ее! убей ее! А он пусть живет... Что я такое, чтоб из-за меня ему умирать! Что мы такое! А он барин... Вот он любил меня, теперь другую любит! Кто ж ему запретит... А я мучаюсь да мешаю ему. Вот что! Зачем мешаю ему?.. Зачем на свете живу, себя мучаю?.. Она нам помеха, говорят! Помеха я им! Ну что ж!.. Где это у братца было... Видишь ты, я помеха, помеха! Боже мой! Я не живая, у меня сердца нет, я не чувствую; я помеха только. Ну что ж! Ну пусть живут без помехи! Где это у братца было спрятано... Там в шкапу, кажется. (Кивает головой в ту сторону, куда ушли Миловидов и Евгения.) Ну, прощайте! Живите без помехи!.. А страшно! Страшно самой-то на себя... Ведь вот думаешь, что легко; а как придется, так страшно! Что есть на белом свете – со всем расставаться! Все жить... а я одна... Для всех-то завтра солнце взойдет, свежий ветерок подует, загорятся кресты на церквах, заскрипят ворота по деревням, погонят стадо... а мне темно, темно, темно будет.

Уходит в избу. Над дверью поднимается рама. Жук снаружи просовывает руку, вынимает болт, отворяет дверь и входит.

Явление четвертое

Жук, потом Бессудный.

Жук. Ступай, хозяин.

Бессудный (входя с завязанной головой). Тише ты! Может, спят, так и ладно: мы тут постелемся.

Раздеваются.

Жук. Ну, хозяин, кабы не савраска, плохо наше дело; только он и выручил.

Бессудный. Я этому дураку-то поверил. Едут, говорит, пьяные, безо всякой опаски. Вот поди ж ты, грех какой! (Поправляет повязку на лбу.)

Жук. Больно зашиб?

Бессудный. Больно.

Жук. Чем это тебя он огрел?

Бессудный. Кто ж его знает! Ведь ты помнишь? Едут они шагом, ямщик дремлет, и мы за ними шагом; слез я тихо, подошел к тарантасу, слышу, храпят; стал я веревки отвязывать осторожно, что сам себя не слышу, как он меня ошарашит! Да как крикнет: «Стой, ямщик! не слышишь, грабят!» Да как выскочут трое. Не впрыгни я в

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e телегу да не поворачи ты живо, только б мне и на свете жить. Всю дорогу у меня искры из глаз сыпались. Ты лошадь–то куда дел?

Жук. Я ее стреножил да со двора спустил. Она своих лошадей найдет, а уж чужому ни за что не дастся.

Бессудный. Струмент–то в телеге?

Жук. В телеге.

Бессудный. Пойти спрятать подальше от греха; неровен час, подозрения бы не было.

Жук. Обыску, что ль, боишься?

Бессудный. А то чего ж? Известно, обыску. На меня соседи злы, так и смотрят, вороги, как бы тебя под кнут подвести. Уж я откупался, откупался; а все не с своим братом, того и жди что нагрянут.

Жук. Так пойдем уберем.

Бессудный. Нет уж, я когда что прячу, так один.

Жук. Что ж, я докажу, что ли? Вместе ведь мы с тобой...

Бессудный. Доказать не докажешь, а все–таки здоровее.

Уходит.

Жук (прислушивается у двери). Что ж бы это такое? Разговор. (Приотворяет немного дверь.) Вот те раз! да и барин здесь. С хозяйкой сидят. Ах, баловство! Ну, подожди ж! Хозяин тебе спасибо не скажет. Говорить аль нет? Пойду лучше скажу; пусть возьмет арапельник хороший. Надоть будет ее поучить, чтобы она не баловалась. Видно, без науки с бабой ничего не сделаешь. (Уходит.)

Выходят Миловидов и Евгения.

Явление пятое
Миловидов и Евгения.

Миловидов. Мне вдруг послышалось, что кто–то стонет.

Евгения. Батюшки, и дверь расперта! Не муж ли?

Миловидов. Кто же стонет–то?

Евгения. Уж я не знаю. Я пойду лягу, будто сплю мертвым сном, ты тоже схоронись где–нибудь. (Уходит.)

Миловидов (подойдя к двери, которая в избу). Точно как здесь? Да здесь и есть. (Уходит в дверь.)

Со двора входят Бессудный и Жук.

Явление шестое
Бессудный и Жук.

Жук. Неладно, хозяин, право неладно.

Бессудный. Да что? говори, образина!

Жук. У нас гости непрошеные.

Бессудный. Воры, что ли? О, убью до смерти! По крайности есть на ком сердце сорвать. Где они? Указывай! (Берет нож.)

Жук. Воры не воры, а и не добрые люди.

Бессудный. Да где? В избе, что ли?

Жук. Ты поди подле хозяйки поищи! Я отворил дверь–то, а он там сидит, вино пьет.

Бессудный. Кто?

Жук. Барин, Миловидов.

Бессудный. Ну, барин, держись теперь!

Жук (хочет остановить его). Что ты, что ты? Опомнись!

Бессудный. Ты себя–то береги! Не подвертывайся мне под руку, когда я в задор войду. Пора тебе меня знать.

Из двери избы выходят Аннушка и Миловидов, который ее поддерживает и сажает на скамью.

Явление седьмое

Бессудный, Жук, Миловидов и Аннушка.

Бессудный. Так вот ты с кем?

Миловидов. А ты что думал? Какая ты, Аннушка, бледная!

Аннушка. Я говорю, что я умираю.

Миловидов. Полно! Ну уж и умирать! Расхворалась от простуды, вот и все тут. Ведь сама же говоришь, что простудилась. (Садится подле нее.)

Бессудный (Жуку). Что ж ты врешь! Ведь ты мне всю нутренность надорвал. Полоснуть тебя хорошенько, так ты забудешь хозяина пугать.

Жук. Ну тебя! Уйти от греха. Ишь ты, ровно сумасшедший: под носом не видишь, а на своих мечешься. (Уходит.)

Миловидов (Аннушке). Да что с тобой? скажи ты мне!

Аннушка. Ничего, ничего; только не уходи от меня, посиди со мной немного.

Миловидов. Изволь, изволь, я посижу с тобой. (Бессудному.) Ты откуда явился?

Бессудный. Я–то не диковина, твоя–то милость какими судьбами не в указные–то часы по чужим дворам жалует?

Миловидов. Был на охоте в ваших болотах, да запоздал, а домой–то проселком ехать темно; вот я и заехал.

Бессудный. Так! Стало быть, тебе теперича верить надо?

Миловидов. Как хочешь!

Бессудный. Не лжешь, так правда.

Миловидов. Что это лоб–то у тебя?

Бессудный. На сучок наткнулся, за лесом ездил.

Миловидов. За чужим?

Бессудный. Кто ж ночью за своим ездит? А жена где?

Миловидов. Спит, должно быть. Что ж ей больше делать. Ступай, старик, и ты спи, а я с больной посижу.

Бессудный. Да уж одно дело, что спать, не в гулячки ж играть. (Уходит.)

Аннушка. Ох! Скоро мой конец. Хочешь ты меня слушать, так послушай; а то ступай с Богом. Не поминай лихом! Завтра меня на свете не будет.

Миловидов. Ах, Аннушка, как мне тебя жаль, бедную! Повяжи голову, намочи уксусом, вот и пройдет! Да скажи ты: что с тобой? Что ты чувствуешь?

Аннушка. Скажу, не утаю; только мне нужно тебя спросить прежде.

Миловидов. Изволь, Аннушка, изволь; спрашивай все, что тебе угодно.

Аннушка. Я у тебя буду спрашивать, а ты мне отвечай! Ах, как голова кружится! Только ты не лги. Грех тебе будет; ты видишь, я умираю... И умру к завтраму, ты уж мне поверь!.. И жить мне незачем... Да, так что же я хотела? Да, вот: ты меня любил?

Миловидов. Любил, Аннушка, очень любил. Ты сама знаешь, как я любил.

Аннушка. А теперь разлюбил? Только ты не грехи, не обманывай, как давеча.

Миловидов. Что ж делать-то, Аннушка, с сердцем не совладаешь. Я и теперь люблю тебя, только что не по-прежнему! Уж ау, брат! прежнего не воротись.

Аннушка. А я все по-прежнему. Ну да хорошо! Ты теперь Евгению полюбил?

Миловидов. Ты потише, как бы муж не услышал. Ну, да не то что полюбил, а так она мне своим веселым характером понравилась. Да и притом же у меня такое правило, Аннушка, никому пропуску не давать. Бей сороку и ворону... Все ж таки это далеко не то, как я тебя любил.

Аннушка. Ну да хорошо, хорошо, это твое дело. Никто тебе указывать не может, кого ты хочешь, того и любишь. Мне теперь только одно нужно знать от тебя, одно, а там хоть и умирать. Неужто же Евгения меня лучше, что ты меня променял на нее? Вот эта-то обида мне тяжелей всего; вот это меня до гибели и довело. Чем таки, скажи ты мне, чем таки она меня лучше? А по-твоему выходит, что лучше. (Плачет.) Я тебя любила так, что себя не помнила, весь свет забыла, привязалась к тебе как собака, ни душой, ни телом перед тобой не была виновата, а ты меня покидать стал, полюбил бабу, чужую жену. Все было бы это ничего, а вот что мне уж очень обидно, чего я пережить не могла... знать, уж она очень мила тебе, что ты для нее стал меня в глаза обманывать да потом вместе с ней смеяться надо мной. Вот что ты мне скажи теперь, не утай ты от меня: чем она тебе так мила стала, и с чего я тебе так опротивела? (Плачет.) Мало тебе того, что ты меня безо всякой вины обидел; ни с того ни с сего от себя прочь оттолкнул, ты еще из меня, для моей злодейки, потеху сделал, чтоб ей не скучно было. Ох, Господи Боже мой! Господи Боже мой! умереть бы поскорей!

Молчание.

Только что мое сердце больное подживать было стало, надорвал ты его давеча своими притворными речами да поцелуями; да над моей болью-то смеетесь с ней вместе. Ведь я здесь была, я все слышала. За что ж мне такая казнь от тебя, скажи ты мне? Чем я перед тобой виновата? Что я такое страшное сделала? И она-то чем вдруг тебе так мила стала, что ты никого для нее не жалеешь?

Миловидов. И ты говоришь, что ты никакой вины за собой не знаешь?

Аннушка. Никакой; вот видит Бог! Мне теперь лгать ни к чему! Мне недолго жить осталось!

Миловидов. И ты считаешь, что я тебя обидел?

Аннушка. Да как же не обидел-то! Чего ж еще! Ты посмотри на меня.

Миловидов. Даром обидеть я никого не хочу. За дело я точно что не помилую; а даром обижать безответных людей нам не годится. Так ты говоришь, что я тебя даром обидел?

Аннушка. Даром, Павлин Ипполитыч.

Миловидов. Это по твоему понятию даром, а по нашему, не даром. Я тебя любил; помнишь, как за тобой ухаживал, как за барышней, а ты что ж мне всего не

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
сказала? Разве это честно? Ну, сгоряча-то я женился бы на тебе, куда бы мне тогда только нос-то свой показать? Ты должна была мне все сказать.

Аннушка. Да что все-то?

Миловидов. Да то, что у тебя был любовник, что ты с ним и теперь выдаешься.

Аннушка. Что ты! что ты! Не грехи! Ведь я еще живая, вот после говорите что хотите. Да я пока к брату не переехала да тебя не увидала, не знала, что это и слово-то значит. Как же мне жить на свете после таких слов твоих! Умирать и надо. Кто бы говорил, да не ты.

Миловидов. Так меня обманули?

Аннушка. Бог с тобой! Как хочешь, так и думай! Мне теперь все равно. Кто это тебе сказал? уж не она ли?

Миловидов. Она. Да она же мне еще говорила: «Ты что на нее смотришь, что она такую недотрогу разыгрывает!» С другими она так не манежится, это с тобой только; потому что она тебя заманивает, чтоб ты на ней женился. Она уж давно всем говорит: «Быть мне барыней! Посмотрите, как я его, дурака, обойду». Каково ж мне было это слышать! Мне, Миловидову! Ну, так нет, говорю, шалишь!

Аннушка. Зачем же ты ей верил?

Миловидов. Нельзя было не верить. Бывало, я прощаюсь с тобой, домой собираюсь ехать, а она стоит, головой качает да вздыхает. Я у нее раз и спросил: «Что, мол, ты вздыхаешь?» – «Да так, говорит, жаль мне тебя». – «Что так?» – говорю. Она мне все вот это и рассказала; ну, я и оглобли назад от тебя.

Аннушка. И стал ты моим обижать всячески, и стала я вам помеха.

Миловидов. Ну, да уж теперь ей от меня достанется. Я еду-еду не свищу, а наеду – не спущу.

Аннушка. Ох! Сил моих больше нету!

Миловидов. Ты бы легла пошла.

Аннушка. И то, пойду лягу. Не дойти мне до светелки-то.

Миловидов. Я провожу тебя.

Аннушка. Ну, теперь ты веришь, что я ни в чем перед тобой не виновата?

Миловидов. Верю, Аннушка, верю!

Аннушка. Ну и хорошо! По крайней мере ты зла не будешь на меня иметь, простишься со мной без сердца, по-христиански. И я тебя прощаю, ты не виноват. А кто виноват, того суди Бог. Мне больше не жить. Ты никому не говори... Ох! (Опускает голову на стол.)

Миловидов. Что ты, Аннушка, Аннушка? (Кричит.) Бессудный!

Входит Бессудный.

Явление восьмое

Миловидов, Бессудный и Аннушка.

Бессудный. Что еще? Покою нет на вас.

Миловидов. Твоя сестра умирает.

Бессудный. Ну что ж! Умрет, так похороним. С чего ж это она умирать вздумала?

Миловидов. А с того, что твоя жена обманула меня, да вот и довели девку до гибели.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Бессудный. Чем же это она тебя обманула?

Миловидов. А тем, что наплела мне на нее, что у нее любовник есть, да разного вздору, отбила меня от девки.

Бессудный. Так это она?

Миловидов. Она.

Бессудный. Зачем же она?

Миловидов. Стало быть, ей нужно было. Сам догадайся.

Бессудный. Догадаться–то я уж давно догадываюсь, только... Эх, барин!

Миловидов. Что – эх, барин!

Бессудный. Ты шутить шути, а за больное место меня не задевай! Я ведь не погляжу...

Миловидов. Ну, ну! Мне больней твоего. Зови жену сюда, зови, говорю я.

Бессудный. Ох, барин! да если все это правда, ты уходи лучше. Нехорош я в сердцах, я самому себе страшен, я проклятый человек.

Миловидов. Зови жену, говорю я. Надо же дело на свежую воду вывести. А тебя я не испугаюсь; не на того напал.

Бессудный уходит.

Аннушка! милая! Что с тобой?

Аннушка (слабым голосом). Не говори никому. Я отравилась.

Миловидов. Боже мой! Что ты! Чем? Когда? Говори скорей!

Аннушка. Вон там, сейчас...

Миловидов. Мы тебя спасем, Аннушка, поможем тебе! Эй! Где вы там?

Аннушка. Нет уж теперь поздно. (Падает без чувств.)

Входят Бессудный и Евгения.

Явление девятое

Миловидов, Аннушка, Бессудный, Евгения, потом Гришка, Иван и Жук.

Миловидов. Кабы только ей помочь, ничего не пожалею. Нет ли у вас чего? Поскорей! поскорей!

Евгения. Да что с ней, батюшки?

Миловидов. Она отравилась, дьяволы вы такие!

Бессудный. Как так отравилась! Чем у нас отравиться!

Миловидов. Я ее застал там, в кухне, у шкафчика.

Бессудный. Посмотрю пойду, что там такое. (Уходит.)

Миловидов. Вот ты что наделала! Весело теперь тебе смотреть на нее!

Евгения. Кто ж это знал! Кто ж это знал! Я сама–то умираю.

Миловидов. Убью я тебя на месте! Зачем ты мне нагала на нее?

Евгения. Кому ж чужое счастье не завидно!

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Миловидов. Так это все вздор, что ты говорила, все неправда? Ну, говори!

Евгения. Все неправда! все неправда!

Миловидов. Ведь тебя теперь повесить за это мало! Ну, да вот я с мужем поговорю: он тебя рассудит по-своему.

Евгения. Не губи! Ради Бога, не губи! Лучше возьми убей меня из своих рук, только мужу не говори.

Миловидов. Неужели ж тебя помиловать! Ведь за то, что ты сделала, в Сибирь ссылают, на каторгу.

Евгения. Легче мне в Сибирь идти.

Миловидов. Всех вас пора сослать туда, а гнездо ваше проклятое разорить, чтобы и праху не осталось.

Бессудный входит.

Всех вас в Сибирь сослать.

Бессудный. То-то вот и есть, горяч ты больно! Шум-то ты поднимаешь из пустяков. Только людей беспокоишь.

Миловидов. Как из пустяков! Загубили душу, разве это пустяки? Аль тебе и душегубство нипочем стало?

Бессудный. Кто ее загубил! Какое тут душегубство! Ничего не бывало. Я было и сам перепугался. Точно, что она лишнеехватила, да от этого не умрешь. Проспит часа два, да дня три голова проболит.

Миловидов. Что ты, Бессудный! Да ты врешь, разбойник!

Бессудный. Да уж это верно. Хочешь, при тебе сейчас выпью? Разбойник-то кто-нибудь другой, а не я.

Миловидов. Да, понимаю. Это чем ты проезжающих поишь. Теперь я понял...

Бессудный. Это уж мое дело. Ты докажи прежде, что я пою, да потом и разговаривай.

Миловидов. Ну, обрадовал ты меня. Уж я ее от вас к себе домой возьму. Аннушка, милая! (Целует ее.)

Бессудный. Бери, пожалуй! Не больно она нам нужна.

Евгения. Ты, стало быть, жениться хочешь?

Миловидов. Мое дело. Уж теперь нас громом не расшибешь!

Евгения. Ну вот и слава Богу!

Миловидов. Ну, хозяин, я человек военный, простой, за твою прежнюю любовь да ласку, хочешь, я тебе скажу, зачем я к тебе ночью приехал?

Бессудный. Говори!

Евгения. Ой!

Бессудный. Что ты?

Евгения. Что-то, Ермолаич, в бок кольнуло! Так вдруг с перепугу-то, что ли?

Миловидов. Так говорить?

Бессудный. Что ж, говори, мы слушать будем.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Миловидов. Нет уж, лучше я в другой раз.

Бессудный. Нет, уж ты, коли начал, так говори!

Миловидов. Насильно не заставишь; захочу, так скажу.

Бессудный. Говори, барин!

Миловидов. Нет, ты сердит очень, я тебя боюсь.

Бессудный. Барин, не дразни!

Миловидов. Кабы ты не женился на молодой, так был бы покойнее, ревность-то бы тебя не мучила. Вот теперь и думай про себя, как знаешь; а я уеду, как ни в чем не бывал.

Бессудный. Не дразни, барин! Говорю тебе, не дразни! (кидается на Миловидова.)

Миловидов (вынимает пистолет). А этого не хочешь! (Свищет.)

У дверей показываются Гришка и Иван.

Стойте здесь! Мы лучше с тобой честь честью простимся. Иван!

Иван. Что, сударь, угодно?

Миловидов. В полчаса довезешь домой?

Иван. Как прикажете, так и будет. Духом докатим.

Миловидов. Так долететь, чтоб она очнуться не успела; пусть уж дома очнется, барыней! Прощай, хозяйка! (Целуется с Евгенией.) Прощай, хозяин! Ты за женой-то поглядывай! У вас место бойкое.

Звон колокольчика.

Вон слышишь, купцы наехали. Ты поглядывай.

Бессудный. Уж это не твоя забота. Вперед меня не забывай, я найду чем угостить.

Миловидов. Спасибо. Как не заехать! заеду. коль тебя опять не застаю, так вот хозяйка дома будет, с ней побалагурим. Только я, брат, без гостинца не езжу. (Показывает на пистолет. Людям.) Берите свою барыню да несите бережно в коляску.

Жук входит.

Жук. Хозяин! проезжие.

Бессудный (жене). Ну поди! встречай! Улыбайся, дьяволи, а расчет после.

Пучина
Сцены из московской жизни
Сцена I
ЛИЦА:

Кирилл Филиппыч Кисельников, молодой человек, 22 лет.

Антон Антоныч Погуляев, студент, кончивший курс, 21 года.

Пуд Кузьмич Боровцов, купец, 40 лет.

Дарья Ивановна, жена его.

Глафира Пудовна, их дочь, 18 лет.

Луп Лупыч Переярко, чиновник.

Ион Ионович Турунтаев, военный в отставке.

Гуляющие обоего пола.

Нескучный сад. Луг между деревьями; впереди дорожка и скамья; в глубине дорожка, за дорожкой деревья и вид на Москву-реку. Около 30 лет назад.

Явление первое
Проходят купцы с женами.

Купец. Ай да Мочалов! Уважил.

Жена. Только уж эти представления смотреть уж очень жалостно; так что уж даже чересчур.

Купец. Ну да, много ты понимаешь!

Жена. Чего ж тут не понимать-то! Известное дело, всё от приятелей; это мы и прежде знали.

2-й купец. Уж точно что уважил. Не жаль деньги заплатить.

1-й купец. Как написано, что «жизнь игрока», так он точно игрока и представил.

Жена. С кем поведешься, таков и сам будешь. Вот теперича Мочалов связался с этим... как его...

2-й купец. С Валмиром.

Жена. Ну, там, как ни на есть. Связался с ним, ну и в бедность пришел, и все такое.

2-й купец. И даже в уголовном деле попался. Это вы верно, что от приятелей. От кого мы занимаемся дурному чему-нибудь? Самому не выдумать; потому и в голову не придет. А все от других.

1-й купец. И все это вы пустяки говорите. Всякий себе сам виноват. Коли я добрый человек да имею свой разум, так что мне приятели? Все одно, что ничего. А коли я дурак либо мошенник, да ежели начал распутничать, так уж ничто делать, что на приятелей сворачивать.

2-й купец. Но однако ж...

1-й купец. Что «однако ж»? Стой твердо, потому один отвечать будешь! Ответчика за себя не поставишь. Как жил, что делал? Так и так, мол, приятели. А у тебя есть своя голова на плечах? Закон знаешь? Ну, и шабаш, и кончен разговор.

Жена. А другой человек увлекательный?

1-й купец. Ну так что ж! Ну, туда ему и дорога! Не будь увлекательный.

Жена. Да ведь жалко.

1-й купец. Ничего не жалко. Знай край, да не падай! На то человеку разум дан. (Проходят.)

Явление второе
Погуляев и несколько студентов.

Погуляев. А как хорош был сегодня Мочалов. Только жаль, что пьеса плоха.

1-й студент. Сухая пьеса. Голая мораль.

2-й студент. Все эффекты, все ужасы нарочно прибраны, как на подбор. Вот, мол, если ты возьмешь карты в руки, так убьешь своего отца, потом сделаешься разбойником, да мало этого, убьешь своего сына.

1-й студент. Какая это пьеса! Это вздор, о котором говорить не стоит. «Черт не

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e так страшен, как его пишут». Черта нарочно пишут страшнее, чтоб его боялись. А если черту нужно соблазнить кого-нибудь, так ему вовсе не расчет являться в таком безобразном виде, чтоб его сразу узнали.

Все (смеются). Да, это правда.

Входит Кисельников, щегольски одетый

Явление третье
Погуляев, Кисельников и студенты.

Погуляев. А, друг любезный! Как я тебя давно не видал!

1-й студент. Где ты пропадал?

2-й студент. Какой ты розовый, веселый! Я тебя два года не видал.

Погуляев. Ты не кончил курса?

Кисельников. Не кончил.

Погуляев. Отчего же?

Кисельников. Да так, не кончил, да и все тут. Впрочем, я занимаюсь, я много занимаюсь; а так, некогда было. Я буду держать на кандидата. Впрочем, я еще это все успею.

1-й студент. Какой вечер превосходный!..

Кисельников. Удивительный вечер! Воздух какой! Что за нега! Я теперь, когда стал свободным человеком, весь отдаюсь природе, наслаждаюсь ею вполне. Вы этой прелести не знаете, вы люди ученые, занятые.

Погуляев. Ты совсем переменялся, тебя и узнать трудно.

Кисельников. Что же, я лучше стал или хуже?

Погуляев. Не знаю, как сказать! Только жаль, что ты бросил университет.

Кисельников. Нельзя было оставаться. Вы послушайте, я вам все расскажу. Отец у меня был строгий, капризный старик, не пускал меня никуда из дому, не давал мне ни копейки денег. По вечерам насильно заставлял меня сидеть за лекциями. Все это мне надоело и опротивело донельзя. В прошлом году он умер и оставил мне порядочное состояние. Вдруг в моем распоряжении довольно денег, а главное – свобода; ну, разумеется, я сейчас же захотел воспользоваться свободой, немного развлечься, погулять; таким образом я мало-помалу отстал от университета. Впрочем, я догоню, стоит только заняться.. Стихи пишу от скуки, выходит недурно.

2-й студент. Что же ты думаешь с собой делать?

Кисельников. Вот выдержу на кандидата, поеду в Петербург, поступлю на службу. А приятно пожить на свободе!

1-й студент. Свобода свободой, а все же надо делать что-нибудь, без этого нельзя.

Кисельников. Разумеется. Я непременно займусь делом; теперь у меня голова занята.

Погуляев. Чем это?

Кисельников. Как бы тебе это сказать? Ну, просто, я влюблен без памяти.

2-й студент. Вот как! Ну, что же, и счастливо?

Кисельников. Да, конечно.

Погуляев. О, брат, твоя жизнь завидная.

Кисельников. Да, именно, мне можно позавидовать. Дня через два и свадьба.

Погуляев. Так скоро?

Кисельников. Чего ж ждать-то! Теперь и жить, пока молоды.

1-й студент. Да ведь ты еще не доучился, ты сам сознаешься. По-моему, нужно сначала доучиться, да потом себе определенное положение найти, тогда уж и жениться. А главное-то – нужно средства иметь.

Кисельников. У меня средства есть.

2-й студент. А позволь спросить, какие?

Кисельников. Свой домик есть, тысяч семь денег.

Погуляев. Долго ли же их прожить, ничего-то не приобретаая?

Кисельников. За женой возьму, тесть обещал шесть тысяч.

1-й студент. Во-первых, обещания не всегда исполняются, а во-вторых, с деньгами нужно обращаться уменчи; или они у тебя будут лежать без всякой пользы, или ты их проживешь скоро.

Кисельников. У меня тесть деловой человек, я отдам ему деньги на его обороты, он мне будет проценты платить.

Погуляев. А его обороты лопнут, что тогда?

Кисельников. Этого быть не может... он – купец известный.

2-й студент. А по-моему, нет ничего лучше как жить на свои трудовые.

Кисельников. И я буду трудиться, буду служить.

Погуляев. А много ли ты получишь, не конча-то курса, не имея чина? Сто, двести рублей, не больше. Заведутся дети, будет нужда-то подталкивать, сделаешься неразборчив в средствах, руку крючком согнешь. Ах, скверно!

Кисельников. Ну, вот какие мрачные картины! Главное, что мне нравится в семействе моего тестя, это патриархальность. Сам я человек смиренный...

1-й студент. Да ведь патриархальность – добродетель первобытных народов. В наше время нужно дело делать, нужны и другие достоинства, кроме патриархальности.

2-й студент. Патриархальность-то хороша под кущами, а в городах нужно пожинать плоды цивилизации.

Кисельников. Ну, да во всяком случае я уж решил; что сделано, того не воротить. (Погуляеву.) А ты что думаешь с собой делать?

Погуляев. Я еду в Петербург. Я нашел частную должность да займусь журнальной работой; коли гожусь на это дело, так ладно, а то другой работы поищу.

Студенты. Прощай, Погуляев. Прощай, Кисельников.

2-й и 3-й студенты. Желаем тебе счастья! (Уходят.)

Явление четвертое

Погуляев и Кисельников.

Кисельников. Погуляев, ты добрее их; пойдём, я тебе покажу свою невесту.

Погуляев. Покажи.

Кисельников. Вон она идет с своим семейством.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Погуляев. А еще-то с ними кто же?

Кисельников. О, это всё милейшие и самые простые люди!

Входят Боровцов, Боровцова, Глафира, Переярков, в форменном фраке, трость с золотым набалдашником, и Турунтаев.

Явление пятое

Погуляев, Кисельников, Боровцов, Боровцова, Глафира, Переярков и Турунтаев.

Переярков. Посмотрите, посмотрите, что за картина! (Показывает тростью на запад.) Солнце склоняется к западу, мирные поселяне возвращаются в свои хижины и свирель пастуха... (Обращаясь к проходящему.) Потеше, милостивый государь! Потеше, говорю я вам!

Проходящий. Извините.

Переярков. Надо различать людей. (Показывая на свой орден.) Видите, милостивый государь!

Погуляев. Про какую он там свирель говорит? Никакой свирели не слышно.

Кисельников. Ну, уж это нужно ему извинить. Зачем к таким мелочам привязываться? Он – человек отличный. Люди семинарского образования всегда склонны к риторике.

Переярков (указывая тростью). Солнце склоняется к западу...

Боровцова. Отчего же это оно к западу? Разве уж ему такой предел положен?

Боровцов. Известное дело – предел, а то еще что же?

Боровцова. А как в чужих землях? И там тоже солнце на запад садится?

Переярков. Наверное-то сказать трудно, потому что во многих землях, где у нас запад, там у них восток приходится. Да вот Ион много походов сломал, он нам скажет. Ну, как в Турции, где солнце садится?

Турунтаев. Постойте, постойте! Вот так шумла (показывает руками), вот так наш лагерь, а солнце садилось вот так, в эту сторону.

Боровцова. Хорошо бы побывать в разных землях, чтобы знать, как у них там; как солнце садится, как другое что.

Боровцов. Все это – суемудрие, мечта. Мы на этом свете все равно, что в гостинице; там уж где ты ни живи, все один конец. Семейный человек живи в своей семье, потому он – глава. Куда я, семейный человек, поеду? Конечно, кто празднующий...

Переярков. Или по службе...

Турунтаев. Пошлют, пойдешь.

Боровцов. Про службу что и говорить! Служба особь статья. Если ты по службе куда идешь, так уж это, значит, твое должное.

Переярков. Какой тут разговор.

Турунтаев. Нам везде свой дом.

Боровцов. И опять же ваша пешая служба супротив морской много легче. Вы то возьмите: другой раз пошлют с кораблем-то отыскивать, где конец свету; ну и плывут. Видят моря такие, совсем неведомые, морские чудища круг корабля поднимаются, дорогу загораживают, вопят разными голосами; птица Сирен поет; и нет такой души на корабле, говорят, которая бы не ужасалась от страха, в онемение даже приходят. Вот это – служба.

Погуляев. Что они говорят?

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Кисельников. Добрые люди, друг мой, добрые люди; ты критику-то оставь. Они – люди неученые, это правда; зато сердце у них лучше нашего. Подойдем к ним, я тебя познакомлю. (Подходят.)

Боровцов. Вот и жених. Где это ты запропал? Посмотри, невеста-то уж плачет, что давно не видала.

Глафира. Ах, что вы, тятенька! Даже совсем напротив.

Боровцов. А ты, дура, нарочно заплачь, чтоб ему было чувствительнее.

Кисельников. Вот позвольте познакомить вас с моим товарищем.

Боровцов. Оно конечно, без товарищей нельзя; только уж женатому-то надо будет от них отставать; потому от них добра мало. А как ваше имя и отчество?

Погуляев. Антон Антоныч Погуляев.

Боровцов. Так-с. Состояние имеете?

Погуляев. Нет.

Боровцов. Плохо. Значит, вы моему зятю не компания.

Кисельников. Это все равно, мы с ним с детства друзья.

Переярко. Вы кончалой?

Погуляев. Да, то есть я кончил курс.

Переярко. Ну, я про то-то и спрашиваю. Из разночинцев?

Погуляев. Из разночинцев.

Переярко. Из мещан или из приказных детей?

Погуляев. Мой отец был учитель.

Переярко. Ну, все одно что из приказных. Теперь разночинцам дорога, кто кончит в университете.

Турунтаев. Вы в военную! Через полгода офицер, дворянин, значит; вы грамотей, так, пожалуй, казначеем сделают; послужите, роту дадут; наживите денег да крестьян купите – свои рабы будут. Вы ведь не из дворян, так это вам лестно.

Переярко. Хорошо и в штатскую. Я до титулярного-то двадцать пять лет служил, а вас, гляди, года через четыре произведут.

Погуляев. Я не думаю служить.

Переярко. Не одобряю.

Погуляев. В учителя хочу.

Переярко. Ребятишек сечь? Дело! Та же служба. Только как вы характером? Строгость имеете ли?

Турунтаев. Пороть их, канальев! Вы как будете: по субботам или как вздумается, дня положенного не будет? Ведь методы воспитания разные. Нас, бывало, все по субботам.

Погуляев. Уж я, право, не знаю.

Турунтаев. Нет, вы не годитесь в учителя, и в военную не годитесь – я по глазам вижу. Вы лучше в штатскую.

Кисельников. Погулять бы теперь.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Боровцов. Нет, уж мы, брат, нагулялись. Гуляйте вот с женой, с дочерью, а мы
пойдем посидим, отдохнем.

Боровцов, Переярко и Турунтаев уходят.

Явление шестое

Боровцова, Глафира, Погуляев и Кисельников.

Боровцова. Куда еще гулять! Я уж и так ноги отходила.

Кисельников. Сядьте, маменька, тут вот на скамеечку, мы подле вас будем.

Погуляев (Глафире). Вы очень любите своего жениха?

Глафира молчит.

Что же вы мне не отвечаете?

Боровцова. А ты скажи: «Столько, мол, люблю, сколько мне следует».

Глафира. Как же я могу про свои чувства говорить посторонним! Я могу их выражать
только для одного своего жениха.

Кисельников. Какова скромность!

Боровцова. Вы про любовь–то напрасно. Она этого ничего понимать не может, потому
что было мое такое воспитание.

Погуляев. А как же замуж выходить без любви? Разве можно?

Боровцова. Так как было согласие мое и родителя ее, вот и выходит.

Погуляев. Вы чем изволите заниматься?

Глафира. Вы, может быть, это в насмешку спрашиваете?

Погуляев. Как же я смею в насмешку?

Боровцова. Нынче всё больше стараются, как на смех поднять. Хоть не говори ни с
кем.

Глафира. Обыкновенно чем барышни занимаются. Я вышиваньем занимаюсь.

Погуляев. Что ж вы вышиваете?

Глафира. Что на узоре нарисовано: два голубя.

Погуляев. А еще чем? Неужели только одним вышиваньем?

Глафира. Маменька, что же мне еще ему говорить?

Кисельников. Ну что ты пристал! Этак, конечно, сконфузить можно.

Погуляев. Я и не думал конфузить, я сам всегда конфужусь.

Глафира. Вы к нам будете с Кирилой Филиппычем приходите или так только?

Погуляев. Если позволите.

Кисельников. Придем непременно, завтра же.

Глафира. Мы будем в фанты играть.

Боровцова. Да, приходите с девушками поиграть, а то у нас молодых–то парней
мало; молодцов зовем, так те при хозяевах–то не смеют.

Погуляев. Да я в фанты играть не умею.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Глафира. Мы выучим. В фантах можно с девушками целоваться.

Боровцова. Да, у нас запросто.

Кисельников. Ты только побывай раз, потом сам проситься будешь. Ты что ни говори, лучше этих тихих, семейных удовольствий ничего быть не может.

Погуляев. Ну нет, есть кой-что и лучше этого.

Боровцова. Это танцы-то, что ли? Так ну их! Муж терпеть не может.

Глафира. Теперь я вас не буду бояться, потому что вы будете к нам вхожи в дом; а то я думала, что вы так только, посмеяться хотите. Я думала, что вы гордые.

Погуляев. Отчего же вы так думали?

Глафира. Ученые все гордые. Вот у нас рядом студент живет, так ни с кем из соседей не знаком и никому не кланяется.

Погуляев. Должно быть, у него занятий много, времени нет для знакомств.

Кисельников. Нет, так дикарь какой-то.

Глафира. Как времени не быть! Ведь с портнихами знаком же, к ним ходит часто. Его спрашивали, отчего он не хочет с хорошими барышнями познакомиться?

Погуляев. Что же он?

Глафира. «Они, говорит, глупы очень, мне с ними скучно». И выходит, что он – невежа и гордый.

Погуляев. Ну, конечно, невежа.

Боровцова. Да ты сам-то, батюшка, не таков ли?

Кисельников. Нет, маменька, что вы!

Боровцова. Ох, трудно вам верить-то!

Кисельников. Какая простота! Какая невинность!

Боровцова. Ну пойдем, Глаша!

Глафира. Пойдемте, маменька.

Кисельников (подходя к Боровцовой). Прощайте, маменька. Я к вам завтра часов с пяти.

Глафира (Погуляеву). Прощайте. Приходите завтра, не обманите. (Тихо.) У меня есть подруга, очень хороша собой, у ней теперь никого нет в предмете, я вас завтра познакомлю, только чтобы секрет. Вы смелей, не конфузьтесь. (Отходит к Боровцовой.)

Боровцова. Ты и приятеля-то приводи.

Кисельников. Хорошо, маменька, придем вместе.

Боровцова и Глафира уходят.

Явление седьмое
Кисельников и Погуляев.

Кисельников. Ну, что скажешь?

Погуляев. Ха, ха, ха! да это черт знает что такое! Это – безобразие в высшей степени!

Кисельников. Это тебе потому кажется безобразием, что ты совсем отвык от

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e семейной жизни.

Погуляев. Да какая ж это семейная жизнь? Это – невежество и больше ничего.

Кисельников. Так вдруг тебе показалось, а ты взглядишь хорошенько.

Погуляев. Не вглядеться, а втянуться нужно; я понимаю, что можно втянуться, только потом уж и не вылезешь. Если уж тебе пришла охота жениться, так бери девушку хотя не богатую, да только из образованного семейства. Невежество – ведь это болото, которое засосет тебя! Ты же человек нетвердый. Хоть на карачках ползи, хоть царапайся, да только старайся попасть наверх, а то свалишься в пучину, и она тебя проглотит.

Кисельников. Что за фантазии!

Погуляев. Послушай, вот тебе мой совет: загуляй лучше – может быть, и позабудешь об невесте либо приедешь туда пьяный, и тебя прогонят, откажут тебе – это еще может тебя спасти. Напьемся – проспимся, а женишься, уж не воротишь.

Кисельников. Что ты ни говори, я уж решился – это дело кончено. Прощай.

Погуляев. Прощай! Я первый буду рад, если мои слова не сбудутся.

Сцена II

ЛИЦА:

Кисельников, 29 лет.

Глафира, 25 лет.

Лизанька, дочь их, 6 лет.

Боровцов, 47 лет.

Боровцова.

Анна Устиновна, мать Кисельникова.

Переярко.

Турунтаев.

Погуляев.

Аксинья, кухарка Кисельникова.

Небогатая комната в квартире Кисельникова.

Между 1-й сценой и 2-й проходит 7 лет.

Явление первое

Глафира, Кисельников и дочь.

Кисельников. Убери дочь-то! Что она здесь толчется! Нет у них детской, что ли? Уж и так все уши прожужжали; а тут, того гляди, гости приедут.

Глафира. Твои ведь дети-то!

Кисельников. Так что ж, что мои?

Глафира. Ну, так и нянчайся с ними.

Кисельников. А ты-то на что! У меня есть дела-то поважнее.

Глафира. Я твоих важных делов и знать не хочу; а ты не смей обижать детей, вот что!

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Кисельников. Кто их обижают?

Глафира. Лизанька, плюнь на отца.

Лизанька плюет.

Скажи: папка дурак.

Лизанька. Папка дурак.

Кисельников. Что ты это? Чему ты ее учишь?

Глафира. Да дурак и есть. Ты как об детях-то понимаешь? Ангельские это души или нет?

Кисельников. Ну, так что ж!

Глафира. Ну, и значит, что ты дурак. Заплачь, Лизанька, заплачь.

Лизанька плачет.

Громче плачь, душенька! Пусть все услышат, как отец над вами тиранствует.

Кисельников (зажимая уши, кричит). Вы мои тираны, вы!

Глафира. Кричи еще шибче, чтоб соседи услышали, коли стыда в тебе нет. Пойдем, Лизанька. (Мужу.) Ты погоди, я тебе это припомню. (Дочери.) Да что же ты нейдешь, мерзкая девчонка! Как примусь я тебя колотить.

Кисельников. Это ангельскую-то душу?

Глафира. А тебе что за дело? Моя дочь, я ее выходила, а не ты. Вот назло же тебе прибью в детской. Вот ты и знай! (Уходит с дочерью.)

Кисельников. Ишь ты какая! Ишь ведь какая взбалмошная! Ох, ругать бы ее, да ругать хорошенько. Сегодня нельзя браниться-то с ней, грех – день ее ангела. Уж сегодня пусть привередничает – ее день. Сегодня можно и стерпеть. Что ж не стерпеть. Невелик барин-то, чтоб не стерпеть! Эх, дела, дела! (Долго стоит задумавшись. Потихоньку запекает.)

Во саду ли, в огороде
Девушка гуляла.
Входит Глафира.

Глафира. Обидел жену, а сам песни поет; хорош муж!

Кисельников (громче).

Она ростом невеличка,
Лицом круглоличка.

Глафира. Что ж ты, на смех, что ли? Ишь какую моду выдумал!

Кисельников. Да уж мне только и осталось: либо взвить голосом от вас, либо песни петь.

Глафира. А мне что делать! Я вот нынче именинница, а ты мне что подаришь?

Кисельников. А где деньги-то?

Глафира. А мне какое дело! Зачем же ты меня брал из богатого дому, коли у тебя денег нет; я к такой жизни не привыкла.

Кисельников. У меня деньги были, твой же отец взял.

Глафира. И прелотлично сделал, а то бы ты их давно промотал.

Кисельников. А ему какое дело? Деньги-то мои, что хочу, то с ними и делаю. А он не то что денег, и процентов не платит. Насилу выпросишь рублей пятнадцать или

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865-1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e двадцать, да еще после попрекает да ломается. Я, говорит, тебе в твоей бедности помогаю.

Глафира. Так тебе и надо. Отдай тебе деньги-то, так ты, пожалуй, и жену-то бросишь.

Кисельников. Где уж бросить, когда пятеро детей. Нет уж, надел петлю, да и концы вам отдал, тяните теперь, пока совсем задушите. Ты говоришь, что ты из богатого дому; а много ль за тобой дали-то! Обещали шесть тысяч, а много ли дали?

Глафира. Ты за счастье считай, что я за тебя пошла-то; с тысячами-то я бы в десять раз лучше тебя нашла. За меня какой полковник-то сватался! Как я была влюблена-то! До самой страсти! Да не отдали, оттого что очень в карты играет.

Кисельников. Зачем же ты шла за меня?

Глафира. Выдали, так и пошла. Известно, глупа была. Тятенька-то думал, что ты – деловой, что ты – себе на прожитие достанешь.

Кисельников. Где ж я достану? На нашей службе немного добудешь. Что ж мне – воровать, что ли?

Глафира. А мне какое дело. Я с тобой и говорить-то не хочу. Ты еще у меня должен прощение просить, а то я с тобою две недели слова не скажу. При гостях нарочно буду от тебя отворачиваться, пусть тятенька с маменькой посмотрят.

Кисельников. Ну, уж ты этого-то, пожалуйста, не делай...

Глафира. А! Тебе это не нравится! Так вот нарочно ж буду, нарочно!

Кисельников. Глаша, ну я прошу тебя! Что хорошего, разговор пойдет.

Глафира. Так проси прощенья.

Кисельников. Ну, прости меня.

Глафира. Целуй ручку, да вперед не смей со мной спорить никогда.

Кисельников. Ну, не буду.

Глафира. Где ж тебе со мной спорить! Ты помни, что я в тысячу раз тебя умнее и больше тебя понимаю. Мной только и дом-то держится.

Кисельников. Ну, хорошо, хорошо! А где маменька?

Глафира. Известно, в детской. Где ж твоей маменьке быть! Пусть хоть детей нянчит, все-таки не даром хлеб ест.

Кисельников. Как же даром? Ведь мы в ее доме-то живем.

Глафира. Вот опять с тобой ругаться надо. Сколько раз я тебе говорила, чтоб ты дом на мое имя переписал. Вот и выходит, что ты меня не любишь, а все только словами обманываешь, как сначала, так и теперь. Для матери все, а для жены ничего.

Кисельников. Да что все-то? Ведь это – ее дом-то, собственный!

Глафира. Так что ж, что ее? Я вот ей свои старые платья дарю, не жалею для нее, а ты этого не хочешь чувствовать, точно как я обязана. Да молчи ты, не расстраивай меня! Вон тятенька с маменькой приехали. И зачем это я связалась с тобой говорить! Очень интересно твои глупости слушать. (Уходит.)

Кисельников (задумавшись осматривает комнату). Ишь ты, пыли-то сколько на диване. Аксинья!

Входит Аксинья.

Ишь ты, пыли-то сколько.

Аксинья. Да, как же! Есть мне время! Не разорваться же в самом деле!

Кисельников. Так давай тряпку, я сам сотру.

Аксинья (подаёт тряпку). Давно бы вам догадаться-то. (Уходит.)

Кисельников (стирая пыль). Ну, вот и чисто. При большой-то семье как за порядком усмотришь. Сколько людей-то нужно! А вот взял сам да и стер, взял да и стер, – невелик барин-то! На тряпку-то!

Аксинья (за сценой). Бросьте где-нибудь. Стряпня одолела.

Кисельников бросает в дверь тряпку. Входят Боровцов, Боровцова и Глафира.

Явление второе
Боровцов, Боровцова, Глафира и Кисельников.

Глафира (тихо Боровцовой). Вчера мои серьги заложил.

Боровцов. Здравствуй, Кирюша! С именинницей! Рад ли гостям-то?

Кисельников. Здравствуйте, папенька! Здравствуйте, маменька! Как же, помилуйте! И вас также с именинницей.

Боровцов (ероша ему волосы). Эх ты, простота, простота! Любишь жену-то?

Кисельников. Как, папенька, не любить!

Боровцов. Люби, Кирюша, люби. Поцелуй ее, сейчас поцелуй, чтоб я видел.

Кисельников целует.

Вот так. Вот теперь вижу, что любишь.

Боровцова. Да, как же! Любит он ее! Поцеловать-то всякий сумеет; а ты спроси, куда он ее серьги дел.

Боровцов. Какие серьги?

Боровцова. Да наши серьги, что мы за ней дали. Заложил ведь.

Боровцов. Уж ты до жениного приданого добрался. Выкупи. С себя хоть все заложил, а приданого не смей трогать.

Кисельников. При первых деньгах, папенька, выкуплю.

Боровцов. У кого заложены?

Глафира. У Турунтаева.

Кисельников. Десять процентов в месяц берет.

Боровцов. А что ж не брать, коли дают. По его век дураков хватит. Эх, зятек! Я думал, что из тебя барин выдет, а вышла-то грязь.

Кисельников. За что же, папенька...

Боровцов. За то же, что ты для семейства ничего не стараешься. Ты в каком суде служишь? Кто у вас просители?

Кисельников. Купцы.

Боровцов. То-то «купцы»! Ну, стало быть, их грабить надо. Потому, не попадайся, не заводи делов. А завел дела, так платись. Я тебе говорю, – я сам купец. Я попадусь, и с меня тяни. «Мол, тятенька, родство родством, а дело делом; надо же, мол, и нам жить чем-нибудь». Боишься, что ль, что ругать стану? Так ты этого не бойся. Кому надо в суд идти, тот деньги готовит; ты не возьмишь, так другой с

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
него возьмет. Опять же и физиономию надо иметь совсем другую. Ты вот глядишь, словно мокрая курица, а ты гляди строже. Вот как гляди. Так всякий тебя опасаться будет. Потому кто в суд пришел, он хоть и не виноват, а ему все кажется, что его засудить могут; а взглянул ты на него строго, у него и душа в пятки; ну и пошел всем совать по карманам – перво-наперво, чтоб на него только ласково глядели, не пугали его; а потом, как до дела разговор дойдет, так опять за мощну, в другой раз.

Глафира. Охота вам, тятенька, с ним слова терять.

Боровцова. Молчи, Глаша. Может, он, Бог даст, и в разум придет. Откроется в нем такое понятие, что отец его добру учит. Слушай, кирюша, это тебе на пользу.

Боровцов. Да и жить-то надо не так. Ты сразу поставь себя баринком, тогда тебе и честь другая, и доход другой. Заломил ты много с купца, он упирается – ты его к себе позови да угости хорошенько; выдет жена твоя в шелку да в бархате, так он сейчас и догадается, что тебе мало взять нельзя. И не жаль ему дать-то будет, потому он видит, что на дело. Всякий поймет, что ты барин обстоятельный, солидный, что тебе на прожитие много нужно.

Кисельников. Я, тятенька, не так был воспитан; оно, знаете ли, как-то совестно. Думаешь: «Что хорошего!» Грабителем будут звать.

Боровцов. Грабителем! А тебе что за дело! Пушай зовут! Ты живи для семьи, – вот здесь ты будешь хорош и честен, а с другими прочими воюй, как на войне. Что удалось схватить, и тащи домой, наполняй да укрывай свою хижину. По крайности, ты душой покоен; у тебя семья сыта, ты бедному можешь помочь от своих доходов; он за тебя Бога умолит. А теперь ты что? Мотаешься ты на белом свете без толку да женино приданое закладываешь. То тебе совестно, а это не совестно? Там ты чужие бы деньги проживал, а теперь женины да детские. Какая же это совесть такая, я уж не понимаю.

Глафира. «Женины да детские», слышишь. Как же вот мне не плакать-то?

Боровцова. Молчи, молчи! Ты вот запомни, что отец-то говорит, да и тверди ему почаще, а то он засуется в делах, из головы-то у него и выходит, он и не помнит.

Кисельников. Маменька, я помню, да только...

Боровцов. Ну, где помнить! Ты и по лицу-то такой растерянный. А вот, как ты в суд-то пойдешь, она тебе и напомнит, да, дорогой-то идя, все тверди.

Кисельников. Что мне твердить! Это смешно даже. Понятия у меня, маменька, другие.

Боровцова. Какие же это могут быть понятия, что женины деньги закладывать?

Боровцов. Дурак ты, братец. Никаких у тебя понятий нет. Кабы у тебя были такие понятия, так ты бы не женился да не развел семьи. Я не глупей тебя, я, может быть, не один раз видал таких-то людей, что не берут взятки, и разговаривать как-то раз привел Бог, так уж они и живут, как монахи. Далеко тебе до них! Что ты нас обманываешь! Те люди почитай что святые! А то вот еще масоны есть. Ты уж живи хоть так, как все мы, грешные. Ты разве бы не брал, – да не умеешь – вот что надо сказать.

Кисельников. Я уж теперь и сам понимаю, что я ничем не лучше других, а ведь мне хотелось-то быть лучше.

Боровцов. Ну мало ль что хотелось.

Кисельников. Как вспомню я свои старые-то понятия, меня вдруг словно кто варом обдаст. Нет, стыдно мне взятки брать.

Боровцов. Конечно, стыдно брать по мелочи да с кислой рожей, точно ты милостыню выпрашиваешь; а ты бери с гордым видом да помногу, так ничего не стыдно будет.

Боровцова. И что это за стыд такой? Нешто у вас другие-то в суде не берут?

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Кисельников. Все берут, маменька.

Боровцова. Так кого ж тебе стыдно? Нас, что ли, или соседей? Так у нас по всему околотку, хоть на версту возьми, никто об этом и понимать-то не может. Берут взятки, ну, значит, такое заведение, так исстари пошло, ни у кого об этом и сумления нет. Это ты только один, по своей глупости, сумлеваешься.

Боровцов. Что ты толкуешь: «Стыдно!» Ведь я тебе не говорю: «Возьми дубину да на большую дорогу иди». А ты подумай-ка хорошенько да брось свой стыд-то.

Кисельников. И то, папенька, надо бросить.

Аксинья входит.

Аксинья. Гости идут, офицер да барин.

Глафира. Это Луп Лупыч с Ионом Ионычем. Скажи маменьке, чтоб чай наливала, да не очень там с ней копайтесь, а то вас не дожدهмся.

Аксинья уходит. Входят Переярков и Турунтаев. Турунтаев расшаркивается и целует руку.

Явление третье

Кисельников, Глафира, Боровцов, Боровцова, Переярков и Турунтаев.

Переярков и Турунтаев (Глафире). С ангелом. (Кисельникову). С именинницей.

Кисельников и Глафира. Покорно благодарим.

Боровцов. Садитесь, приятели, садитесь! Вот теперь вся наша компания в сборе.

Переярков. А мы вот с полковником шли да спорили.

Турунтаев. Да, ну вот расскажи, вот все теперь и рассудим.

Переярков. Как правильнее судить дело: по закону или по человечеству?

Турунтаев. Ну, да какое бы там ни было. Я говорю, что по закону, а он говорит, что по человечеству.

Боровцов. Да к чему же это клонит, ты хоть намекни.

Кисельников. Ежели вы насчет уголовных дел...

Переярков. Ну вот, очень нужно! Кто виноват, тот виноват, как его ни суди.

Турунтаев. И пори его, анафему; а не виноват, ну и отпустить можно.

Переярков (Боровцову). Ну, как же по-твоему?

Боровцов. Да ты пример скажи.

Переярков. Вот тебе пример: положим, у тебя на опеке племянник; ты – человек хороший, состоятельный, торговые дела делаешь, а они вышли ребята так себе, ни то ни се, к торговле склонности не имеют, а готовое проживать охота большая; ну, ты и попользовался от них сколько мог, видимо попользовался; а отчеты представлял безобразные и все такое; то есть не то что ограбил, а себя не забыл. Виноват ты или нет? Вот тебе и задача. По закону ты виноват!

Турунтаев. А по человечеству – нет.

Боровцов. Рассудить вас или нет?

Переярков. Рассуди.

Боровцов. Ты говоришь, что я – хороший человек, обстоятельный, так за что ж меня судья под закон подведет? Ну и значит, я буду прав. Настоящий-то судья должен знать, кого подвести под закон, кого нет. Если всех нас под закон подводить, так

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
никто прав не будет, потому мы на каждом шагу закон переступаем. И тебя, и меня, и его, надо всех в Сибирь сослать. Выходит, что под закон-то всякого подводить нельзя, а надо знать кого. Так и этот опекун. Как ты его осудишь? Каким манером? За что?

Переярко. Осудить не за что; и я бы не осудил, я только говорю про закон.

Боровцов. Да что ты наладил: «Закон, закон!»

Переярко. Так для чего же они писаны?

Боровцов. Известно для чего – для страха, чтоб не очень забывались. А то нешто мы так живем, как в законе написано? Нешто написано, что на улице трубку курить, а ты за воротами сидишь с трубкой. Нешто писано, что по десяти процентов в месяц брать, а он берет же.

Турунтаев. Нешто писано, что гнилым товаром торговать, а ты торгуешь же.

Боровцов. Да, и торгуем.

Боровцова. Нешто писано, что по пятницам скоромное есть, а ведь люди едят же. Уж коли судить, так всех судить: нас судить за товар, и их судить за молоко.

Переярко (Боровцову). Эка у тебя голова-то на плечах золотая, как раз дело рассудил.

Боровцов. А не так, что ль?

Переярко. Так, верно.

Боровцов. Зятек, Кирюша! Так ведь?

Кисельников. Должно быть, папенька, так-с. По практическому-то смыслу оно так выходит.

Переярко. Да вот мы еще с полковником спорили, что лучше: ум или практика. Ну, да это после, а теперь бы в карточки.

Турунтаев. Сразиться не мешает.

Боровцов. Есть, что ли, карты-то какие-нибудь старенькие? А коли нет, так к нам послать.

Кисельников (приготовляя стол). Есть, папенька, садитесь.

Садятся Боровцов, Переярко и Турунтаев. Входит Анна Устиновна с чаем на подносе.

Явление четвертое

Кисельников, Глафира, Боровцов, Боровцова, Переярко, Турунтаев и Анна Устиновна.

Глафира. Что вы там провалились с чаем-то! Ждешь вас, не дожدهшься.

Анна Устиновна. Не торопись, матушка, поспеешь.

Глафира. Топчетесь только в доме, а толку нет.

Боровцова. Ну, ты потише, потише! А ты при людях-то не кричи! Нехорошо. Здравствуйте, сватьяшка!

Анна Устиновна. Здравствуйте, матушка. (Подает чай.) Кирюша, бери чай-то. Гости дорогие, пожалуйте.

Боровцов. А, старушка Божья! На свет выползла? погоди, мы тебе еще жениха найдем.

Переярко. Да вот Ион Ионыч холост гуляет.

Анна Устиновна. И на том спасибо, Пуд Кузьмич.

Глафира. Что ж вы, маменька, тут стали, как будто вам дела нет.

Анна Устиновна. Пойду, матушка, пойду. Ах, я и забыла! Кирюша, тебя какой-то человек спрашивает. Знаю, что товарищ твой, и видала его, а как звать, забыла. (Уходит.)

Глафира. Поди! Кого там еще к тебе принесло? Если из ваших служащих, так ты знай, что ему с моим тятенькой не компания.

Кисельников уходит.

Очень у меня муж непризнательный.

Боровцов. Что ж так?

Глафира. Видимое дело, что он глупее меня, а признаться никак не хочет.

Входят Кисельников и Погуляев.

Явление пятое

Боровцов, Боровцова, Глафира, Переярков, Турунтаев, Кисельников и Погуляев.

Кисельников. Гостя веду, гостя!

Глафира. Что это ты уж очень обрадовался?

Кисельников. Шесть лет не видались. Поздравь жену-то, братец, сегодня она у меня именинница.

Погуляев (Глафире). Честь имею вас поздравить. (Кланяется всем.)

Глафира. Благодарю покорно. Только нынче мы чужих не ждали, промежду своих хотим время провести.

Кисельников. Садись, братец, садись, потолкуем.

Погуляев. Ну, как же ты живешь? Семья велика?

Кисельников. Порядочная, трое детей теперь живых, да двоих, слава Богу, схоронил.

Погуляев. Как «слава Богу»? Разве тебе их не жаль?

Кисельников. Уж очень, брат, тягостно.

Погуляев. Да ты служишь?

Кисельников. Какая моя служба! Неспособен оказался, совсем неспособен. И туда совался, и сюда, и в надворном служил, и в сиротском, теперь в магистрате. До столоначальников не добьюсь никак, глядишь, семинарист какой-нибудь и перебьет; дельней нас оказываются, много дельнее.

Погуляев. А жалованья много ли?

Кисельников. У нас ведь не из жалованья служат. Самое большое жалованье пятнадцать рублей в месяц. У нас штату нет, по трудам и заслугам получаем; в прошлом году получал я четыре рубля в месяц, а нынче три с полтиной положили. С дому сто рублей получаю. Кабы не дележка, нечем бы жить.

Погуляев. Какая дележка?

Кисельников. По субботам столоначальник делит доходы с просителей, да я посмирнее, так обделяет.

Погуляев. Вот как! (Задумывается.)

Переярко́в (за столом). Проходимец какой-нибудь; вижу, насквозь его вижу.

Турунтаев. Мошенник!

Погуляев (кивая головой на играющих). Что ж, это все те же гуси-то?

Кисельников. Да, мы всё своим кружком, – так смиреннько, ладненько, – слава Богу.

Погуляев. Ну, а деньги твои?

Кисельников. Ты потише. Тысячи две прожил сначала-то, а остальные у тестя.

Погуляев. Отчего же тише? Разве не отдает или процентов не платит?

Кисельников. Да не то чтобы он совсем, а все как-то, знаешь, туго, с большим трудом. Вот и дом наш он тоже в залоги представил. Он мне за это пятьдесят рублей заплатил. Нельзя отказать, – родня.

Погуляев. Ох, уж эта родня!

Боровцов (за столом). Надо быть, от семьи отбивает.

Турунтаев. Гляди, он его в трактир уведет да напоит.

Переярко́в. А вот дайте мне срок, я с ним поговорю. Я с ним по-своему поговорю.

Кисельников. Ну, а ты как?

Погуляев. Я тоже, брат, плохо: и без денег, и без места.

Турунтаев (за столом). Говорю, что мошенник.

Погуляев. Теперь уроков ищу. За границей был три года.

Переярко́в. Вон куда пошло!

Погуляев. Ездил с одним богатым семейством в учителях. Мальчик-то в университет поступил, я и остался без места.

Кисельников. Что ж, хорошо за границей-то?

Погуляев. Еще бы! И жить хорошо, а учиться, так раздолье; просто кабы деньги, опять бы поехал.

Переярко́в. Сейчас я его. (Погуляеву.) Да-с! За границей! Что же там, реки сытовые, берега кисельные?

Погуляев. Нет, этого нету. И птицы Сирен не видал.

Переярко́в. Вы говорите, что там хорошо; значит, нам надобно ехать туда. Поедемте, господа.

Боровцов. Поедем; и я с женой поеду.

Глафира (Погуляеву). Это должно к стыду к вашему приписать, что вы семейных людей, обязанных, смущаете.

Переярко́в. Да-с, а мы вот не поедem.

Погуляев. И прекрасно сделаете.

Переярко́в. И почему мы не поедem, вам этого не понять-с. Вот почему-с: во-первых, Замоскворечье – моя родина, а во-вторых, у нас промежду собой нежность есть; все мы всегда вместе, вот и теперь – сидим, играем, чаек пьем, а может быть, и ромцу подадут, дружески, приятельски, – вот где рай-то! а не за границей. Тихо, смирно, благодушно, душа в душу.

Турунтаев. А ты что к нему в карты-то смотришь! Вы и так прошлый раз меня ограбили, восемь гривен кровных отняли. Ты что ему больно подслуживаешься, уж не банкротиться ль он задумывает?

Боровцов. Ты очнись. Типун бы тебе на язык-то. Я с тебя за эти слова бесчестье потребую.

Турунтаев. Держи карман-то! Велико тебе бесчестье! Вам, аршинникам, обанкрутиться-то, что нашему брату рюмку водки выпить.

Переярков. Говорил бы кто, да не ты. кашей бессмертный! Ты сирот грабишь, закладами только и живешь; по десяти процентов в месяц берешь. У тебя и квартиры-то нет, чулан один для складу вещей, – ни ложки, ни плошки нет, – ты по должникам пить-есть ходишь.

Турунтаев. Хожу. А ты конкурсами только и живешь, – день-то плутничаешь да фальшивые документы составляешь, а вечером собираешь к себе несостоятельных да садишься с ними по большой в карты играть; они тебе нарочно проигрывают, чтоб только в Сибирь нейти. Тем ты и состояние-то нажил.

Переярков. Уж ты судился за лихвенные-то проценты.

Турунтаев. А ты от своего имени прошений не смеешь писать, – всем сенатом ябедником признан, и в газете опубликовано.

Переярков. Процентщик! Кашей! Иуда!

Турунтаев. Вор, денной вор!

Боровцов. Что ж ты лаешься-то!

Турунтаев. А ты что, аршинник!

Погуляев. Вот тебе и душа в душу.

Кисельников. Папенька, Господи, что же вы это! Оставьте, пожалуйста! Играйте!

Турунтаев. Не хочу я с мошенниками играть.

Кисельников. Ну, сделайте милость, помиритесь.

Погуляев. Прощай, брат.

Кисельников. Нет, постой, погоди! Ах, Боже мой! Ах, какое несчастье! Папенька, как же это вы?..

Боровцов. Ну, будет! Пошутили, да и будет. Садитесь играть.

Турунтаев. Садитесь! Пересдать карты, тогда я сяду.

Переярков. Ну, пересдать, так пересдать. (Пересдают.)

Боровцов. Кирюша, ты в самом деле нас ромком бы попотчевал.

Глафира (подходя к Кисельникову). Где ром-то? Где ром-то? Да и деньги-то есть ли у тебя? Ах ты, мучитель! Вылетело у тебя из башки-то, что ром для тятеньки первое удовольствие. Так-то ты об моей родне-то помнишь.

Кисельников. Где ж взять-то? Где ж взять-то? Эко горе-то! Вот какая беда-то! Брат, нет ли?

Погуляев (дает ему деньги). На вот, последние, я-то как-нибудь добуду.

Кисельников. Вот спасибо, вот, брат, одолжил! Век не забуду. (Боровцову.) Сейчас, папенька. (Жене.) Поди пошли поскорей.

Глафира. Помни ты это! (Уходит.)

Кисельников. Вот, брат, вот, вот... совсем деньжонками порасстроился. А ведь будут, знаю, что будут... Я тебе отдам. У меня непременно в этом месяце будут. У меня есть примета верная. Выхожу я вечером на крыльцо, в руке хлеб, а месяц прямо против меня; я в карман, там серебро, мелочь, – вот в одной руке хлеб, в другой серебро, а месяц напротив, значит, целый месяц (сквозь слезы) и с хлебом, и с деньгами.

Погуляев (с чувством). Что ты такое говоришь? Друг мой, в уме ли ты?

Кисельников (со слезами). Оно, конечно, ведь это предрассудок, так ведь, Погуляев, предрассудок? А все-таки, когда человек кругом в недостатках, это утешает, утешает, брат, право, утешает.

Погуляев. Ах ты, бедный! Прощай.

Кисельников. Увидаться бы... мне бы тебе деньги-то...

Погуляев. Да уж не знаю, придется ли. Ах, Кнрюша! Подымайся как-нибудь. Бедность страшна не лишениями, не недостатками, а тем, что сводит человека в тот низкий круг, в котором нет ни ума, ни чести, ни нравственности, а только пороки, предрассудки да суеверия. Прощай.

Кисельников. Спасибо, брат, спасибо, вот одолжил!

Погуляев уходит.

Вот друг-то, так уж друг! Что тут делать-то, кабы не он! Куда деваться? Это мне его за мою правду да кротость Бог послал. Вот таких бы друзей-то побольше, так легче бы было на свете жить! Не будь его, так совсем бы я перед тестем осрамился.

Сцена III
ЛИЦА:

Кисельников, 34 лет.

Анна Устиновна.

Боровцов, 52 лет.

Переярко.

Неизвестный.

Бедная комната; крашеный стол и несколько стульев; на столе сальная свеча и кипа бумаг.

Между 2-й и 3-й сценой 5 лет.

Явление первое

Кисельников сидит за столом в халате и пишет. Анна Устиновна входит.

Кисельников. Что дети, маменька?

Анна Устиновна. Что мы без доктора-то знаем! Все в жару. Теперь уснули.

Кисельников. Эх, сиротки, сиротки! Вот и мать-то оттого умерла, что пропустили время за доктором послать. А как за доктором-то посылать, когда денег-то в кармане двугривенный? Побежал тогда к отцу, говорю: «Батюшка, жена умирает, надо за доктором посылать, денег нет». – «Не надо, говорит, все это – вздор». И мать то же говорит. Дали каких-то трав, да еще поясок какой-то, да старуху-колдунью прислали; так и уморили у меня мою Глафиру.

Анна Устиновна. Ну, Кирюша, надо правду сказать, тужить-то много не о чем.

Кисельников. Все ж таки она любила меня.

Анна Устиновна. Так ли любят-то! Полно, что ты! Мало ль она тебя мучила своими капризами? А глупа-то, как была, Бог с ней!

Кисельников. Эх, маменька! А я-то что! Я лучше-то и не стою. Знаете, маменька, загоняют почтовую лошадь, плетется она нога за ногу, повеся голову, ни на что не смотрит, только бы ей дотащиться кой-как до станции: вот и я таков стал.

Анна Устиновна. Зачем ты, Кирюша, такие мысли в голове держишь! Грешно, друг мой! Может быть, мы как-нибудь и поправимся.

Кисельников. Коли тесть даст денег, так оживит. Вот он теперь несостоятельным объявился. А какой он несостоятельный. Ничего не бывало. Я вижу, что ему хочется сделку сделать. Я к нему приставал; с тобой, говорит, поплачусь. А что это такое «поплачусь»?.. Все ли он заплатит или только часть? Да уж хоть бы половину дал или хоть и меньше, все бы мы сколько-нибудь времени без нужды пожили; можно бы и Лизаньке на приданое что-нибудь отложить.

Анна Устиновна. Да, да! Уж так нужны деньги, так нужны!

Кисельников. Маменька, вы пишете, что нужно-то? Я вас просил записывать, а при первых деньгах мы все это и исполним.

Анна Устиновна. Записано, Кирюша. (Вынимает бумажку и читает.) «Во-первых, за квартиру не заплачено за два месяца по шести рублей, да хорошо бы заплатить за полгода вперед. Во-вторых, чаю, сахару и свеч салных хоть на месяц запастись. В-третьих, купить в эту комнату недорогой диванчик. В-четвертых, в лавочку пятнадцать рублей шестьдесят одна копейка, – очень лавочник пристаёт. В-пятых, фракную пару...» Уж тебе без этого обойтись никак нельзя. «И в-шестых, ситчику Лизаньке на платье...» Ей уж тринадцатый год, стыдиться начинает лохмотьев-то. Вот что нужно-то. А пуще всего за квартиру да еще детям на лечение. Денег-то у меня, Кирюша, немного осталось.

Кисельников. Из чего остаться-то. Три недели тому назад я вам дал пять целковых.

Анна Устиновна. Немножко-то есть, – два двугривенных, да пятиалтынный, да что-то медными. А все ладонь чешется, все ладонь чешется, – надо быть, к деньгам.

Кисельников. Завтра утром к тестю заеду. Не отдаст честью, просто за ворот возьму.

Анна Устиновна. Ну, где тебе! Ты лучше попроси хорошенько. Взять бы с него, что придется, да и развязаться с ним. Много тебе писать-то?

Кисельников. Всю ночь пропишешь. Да ведь это не свое дело, это за деньги. Слава Богу, что еще дают работу; вон сколько набрал ее, рублей на шесть.

Анна Устиновна. Никак кто-то калиткой стукнул? Не слыхал ты?

Кисельников. Кто-то стукнул. Кому ж бы это?

Анна Устиновна (заглянув в дверь). Тесть твой, тесть. Тереби его хорошенько! Я уйду.

Кисельников. Прежде я с ним все лаской, а теперь грубить стану; право, маменька, грубить стану.

Анна Устиновна уходит. Входит Боровцов, бедно одетый, и Переярко.

Явление второе

Кисельников, Боровцов и Переярко.

Боровцов. Помешали, что ль, тебе?

Кисельников. Нет, ничего. Всего дела не переделаешь. Мне всю ночь-то писать, так уж полчаса куда ни шло. Что хорошенького скажете?

Боровцов (садясь). Дай присесть-то, потом и разговаривать начнем.

Переярко. Надо тебе будет одну бумажку подписать.

Кисельников. Что вы мне всё носите бумаги подписывать; а деньги-то когда же? Хоть что-нибудь дайте!

Боровцов. Что теперь с меня взять? В упадок пришел, – я теперь, брат, невинно-упавший, хоть в работники к тебе, так в ту ж пору.

Кисельников. Да что ж вы, папенька, со мной делаете! Ведь мы – нищие совсем.

Боровцов. Что ж, брат, делать-то? И я нищий, – Божья воля. Ведь я не злостный, не умышленный, а несостоятельный, несчастный, невинно-упавший.

Кисельников. Кто вас несчастным-то признал, – подставные кредиторы, которым вы дутых векселей надавали. Что у вас за несчастье! Ни пожара, ни пропажи не было. Зажали деньги-то, папенька. Пожалейте хоть внучат-то, вон они больные лежат.

Боровцов. Тише ты, тише! Нешто так говорят со старшими? А ты по заповедям живи, старших-то почитай.

Кисельников. Ведь мне с детьми-то по миру приходится идти!

Боровцов. Все под Богом ходим. Я тебе помогал в твоей бедности, пока я был в силах.

Кисельников. Вы меня приданым обманули, ничего денег не дали; ну, да уж я этого не ищю; а мои-то где, мои собственные? Дом-то где?

Боровцов. Что ты кричишь-то! Ведь я не займы у тебя брал, векселя тебе не давал, а расписку; ты мне на оборот дал, разжиться захотел. А оборот – дело обоюдное: либо наживешь, либо проживешь. Вот мы и прожили; с кого ж теперь искать? Ищи на тех, за кем твои деньги пропали. А что дом захряс в залогах, я чем виноват? Твоя была воля отдавать. Подряд все одно, что лотерея, – на счастье пускается.

Кисельников. Папенька, отец-благодетель! У вас деньги есть, – вы припрятали, много припрятали, – не дайте нам умереть с голоду.

Боровцов. Да что говорить! Деньги есть, как без денег жить, я не дурак.

Кисельников. Вот вы сами говорите, что у вас деньги остались. Вот сейчас, папенька, сказали, ведь вы сами сказали. А у меня нет, ей-богу, ничего нет.

Боровцов. Да хоть и остались, все-таки я тебе не дам; надо же нам со старухой как-нибудь век доживать. На нужду, коли уж тебе невмочь, да забежишь ты ко мне – ну, когда откажу, а когда и не откажу совсем-то, а умрем – все ваше останется. Из вещей что-нибудь дадим; вот фортепьянишки есть старенькие; нам теперь, при нашем несчастье, держать их не пристало.

Переярко. Да что вы за разговоры завели! За делом пришли, а не разговоры разводить; мне время-то дорого, у меня другие конкурсы есть. (Смотрит на часы.) Вона, десятый час! Вот предложите зятю-то, коли в нем человеческие чувства есть, пусть подпишет эту бумагу-то.

Боровцов. Есть в тебе чувство, Кирилла? Говори.

Переярко. Заплачь! Что ж ты не плачешь! Твое теперь дело такое, сиротское. Ведь перед другими же кредиторами будешь плакать. Придется и в ноги кланяться.

Боровцов. Заплачу, право заплачу. (Со слезами.) кирюша! Отец я тебе или нет? Благодетель я тебе был?

Кисельников. Да что вы, папенька?

Боровцов (подает ему бумагу). читай бумагу!

Кисельников (читает). «Я, нижеподписавшийся, будучи убежден вполне

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e обстоятельствами дела, что несостоятельность бывшего купца, а ныне мещанина Пуда Кузьмича сына Боровцова произошла от разных несчастных случаев и от неплатежа и корыстной злонамеренности его должников, – зная его всегдашнюю честность, преклонные лета и затруднительное болезненное состояние и удручение от трудов и семейства...»

Боровцов (со слезами). Видишь, видишь!

Кисельников. «Признаю его невинно-упадшим и иск свой по расписке в пять тысяч рублей ассигнациями и претензию о доме сим совершенно и навсегда прекращаю».

Боровцов. Вот оно, Кирюша, какое дело-то!

Кисельников. Что же теперь... Я не знаю... Как же мне быть-то?

Переярко. Подпиши, да и все тут. После всякого доброго дела на душе легче бывает, радость эдакая.

Кисельников. Папенька, как же... так от всего и отказаться?

Боровцов. Чужие мы, что ли? Не родня мы? Что ж, забуду я, что ль, такое твое благодеяние! Чай, мы христиане...

Переярко. Ведь тебе уж все равно, а нам для формы нужно.

Кисельников. Значит, папенька, я должен буду теперь только вашим словам поверить, что вы меня не оставите.

Боровцов. Да как же не поверить-то, чудак! Уж я тебя потом... Уж озолочу потом.

Кисельников (берет перо). Вот, папенька... Ах, руки трясутся... Смотрите же, папенька, я душе вашей верю. (Подписывает.)

Переярко (берет бумагу, складывает и кладет в карман). Ну, вот и конец, а ты сомневался. Видишь, какой благородный зять-то у тебя; по скольку за раз дарит. А ты говорил: не уломаешь. Видишь, как скоро, да и без расходов.

Боровцов. Да, теперь как гора с плеч. Ты, Кирюша, парень хороший, право хороший! А я думал было, что ты заломаешься. Ведь и другие то же пишут, что ты; да даром-то еще никто не подписал.

Кисельников. Как, разве вы платили?

Боровцов. Да как же не заплатить-то, чудак! Кому половину, кому двадцать пять, глядя по характеру. А ты вот молодец! Видно, что любишь тестя. Я думал, что и ты тоже заломишь, так приготовил было тышчонки две и с собой захватил. Заткнуть, мол, ему рот-то, чтоб не шибко кричал.

Кисельников. Так они с вами? Дайте, папенька, дайте! Хоть тысячу дайте, я оживу!

Боровцов. Ну нет, брат, другим годятся, кто посердитей. Ишь ты, дай ему тысячу! Легко сказать! Ты, видно, счет в деньгах-то позабыл, тысяча – много денег.

Кисельников. Уж вы отложили; вы хотели дать. Что вам стоит!

Боровцов. А ты трудись.

Кисельников. Тружусь, по ночам сажу, здоровье мое в этой работе уходит. Грош я вырабатываю, грош. Дайте денег, папенька, дайте! Я докажу, я донесу; вы меня ограбили.

Боровцов. Каких тебе денег? Мы с тобой квиты. Если ты просишь теперича себе на бедность, так нешто так просят! нешто грубиянить старшим ты можешь? Ты б грубиянил давеча, как право имел, пока не подписал. Тогда я тебе кланялся, а теперь ты мне кланяйся. Дураки-то и всё так живут! Был я у тебя в руках, так не умел пользоваться. А теперь прощай. Никто тебя, дурака, не неволил, силой тебя не тянули подписывать-то! Что смотришь-то?

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Переярко. Да об чем толковать-то! Дело покончили.

Кисельников. Уж я ничего не понимаю.. Прежде голодал, так хоть впереди надежда была какая-нибудь.. Бедные дети, ведь они – твои внуки!..

Боровцов. Внуков не забудем; будь и ты почтительнее, и тебе лучше будет. Форсом ничего не возьмешь.

Переярко. Ну, с Турунтаевым ты так дешево не отделаешься.

Боровцов. Турунтаеву ни копейки не дам; я теперь рассердился.

Переярко. Не дайте-ка ему, так он удавится, право удавится.. Его уж раз из петли вынимали.

Боровцов. Пушай давится, – черту баран.. Пойдем. Прощай, Кирюша, спасибо тебе! Пстой, так не уйду, не бойся; у меня тоже чувство-то есть; свои дети были. (Вынимает из кармана несколько мелочи.) На вот! Купи детям чего-нибудь сладенького. Прощай!

Переярко. Много ты тестю помог, много. Путал его этот долг, ты ему руки развязал. Ты послушай, что он говорил! Этот долг, Кирилин, не по документу, а по совести, я заплатить должен. А ты ему простил; какой ты праздник для него сделал!

Боровцов. Как же не праздник-то, чудак! Больше пяти тысяч подарил. Прощай! (Переярко.) Ну, уж и бумагу-то ты ловко написал! Станешь читать, так слеза и прошибает. (Уходят.)

Кисельников. Детки мои, детки! Что я с вами сделал! Вы – больные, вы – голодные; вас грабят, а отец помогает. Пришли грабители, отняли последний кусок хлеба, а я не дрался с ними, не резался, не грыз их зубами; а сам отдал, своими руками отдал последнюю вашу пищу. Мне бы самому людей грабить да вас кормить; меня бы и люди простили, и БОГ простил; а я вместе, заодно с грабителями, вас же ограбил. Маменька, маменька!

Анна Устиновна входит.

Явление третье
Кисельников и Анна Устиновна.

Анна Устиновна. Что ты, Кирюша?

Кисельников. Маменька, посидите со мной, не уходите от меня.

Анна Устиновна. Да что ты, что ты? Бог с тобой!

Кисельников. Приносил деньги-то.

Анна Устиновна. Ну так что же, Кирюша?

Кисельников. Зачем вы меня на свет родили? Ведь я не взял денег-то.

Анна Устиновна. Что ты наделал! Варвар! Что ты с нами сделал!

Кисельников. Принесли бумагу какую-то, сунули мне, я и подписал.

Анна Устиновна. Эки злодеи, эки злодеи! На кого напали-то! Кого обидеть-то захотели! Бога они не боятся..

Кисельников. Да, маменька, пришли, ограбили, насмеялись и ушли. Ах, маменька, как мне трудно стало, грудь схватило! А работы много, вон сколько работы! Нищие мы теперь, нищие!

Анна Устиновна. Не ропщи, Кирюша, не ропщи.

Кисельников. Ох, умереть бы теперь!

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865-1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Анна Устиновна. А дети-то, дети-то!

Кисельников. Да, дети! Ну, что пропало, то пропало.

Анна Устиновна. А ты посиди, отдохни; а за работу после примешься.

Кисельников. Когда отдыхать-то! Дело-то не терпит! Ну, маменька, пусть они пользуются! Не разбогатеют на наши деньги. Примусь я теперь трудиться. День и ночь работать буду. Уж вы посидите со мной! Не так мне скучно будет; а то одного-то хуже тоска за сердце сосет. (Принимается писать.)

Анна Устиновна. Посижу, посижу, всю ночь просижу с тобой.

Кисельников (про себя говорит и пишет). «А по справке оказалось: при прошении, поданном в калиновское городническое правление, малиновский мещанин Гордей Яковлев сын Кудряев представил три векселя и с протестами, писанные на имя малиновского купца Сидора Сидорова Угрюмова: первый, на сумму сто рублей, сроком...» Нет-нет, да вдруг так за сердце и ухватит, – денег-то очень жалко.

Анна Устиновна. Как же не жалко-то! При всей нашей бедности, да такую сумму...

Кисельников. Ох, уж не говорите! (Пишет сначала молча, потом говорит вслух.) «Малиновский купец Сидор Угрюмов, поданным в оное же городническое правление сведением, в коем объясняет...»

Анна Устиновна. Кирюша!

Кисельников. Что вам, маменька?

Анна Устиновна. Я поговорить с тобой хочу. Ты пиши, пиши.

Кисельников. Говорите, маменька. (Пишет.)

Анна Устиновна. Ты вот теперь обязан семейством, у тебя мать-старуха...

Кисельников. Да-с. (Пишет.)

Анна Устиновна. Ты уж очень совестлив, как погляжу я на тебя. Нынче так жить нельзя.

Кисельников. Что ж с этим делать-то! (Пишет.)

Анна Устиновна. Вот что, Кирюша; ты меня послушай! Никакая мать своему сыну дурного не пожелает. А коли посоветует, так уж этот грех на ней будет, а сыну Бог простит. Вот теперь ночь, мы с тобой одни... ты видишь нашу нужду... переломи, Кирюша, себя, бери взятки... я за тебя, Кирюша, Бога умолю, – я каждый день буду ходить молиться за тебя, я старуха...

Кисельников. Что вы, маменька, говорите!..

Анна Устиновна. Конечно, мать-то должна добру учить; да уж ты, Кирюша, не брани меня. Видя-то нашу горькую бедность...

Кисельников. Маменька, маменька, не мучьте меня!

Анна Устиновна. Прости меня, Кирюша! Душа-то у тебя какая чистая!

Кисельников. Ах, маменька! Нет, нет. Вы любите меня, вот вам и кажется, что у меня душа чистая...

Анна Устиновна. Стыдишься ты брать-то.

Кисельников. Был у меня стыд, а теперь уж нет, давно нет.

Анна Устиновна. Так отчего ж бы тебе...

Кисельников. Вы думаете, я не взял бы?..

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865-1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Анна Устиновна. Так чего ж ты боишься?

Кисельников. Взял бы я, маменька, взял бы.

Анна Устиновна. Так бери! Вот тебе мое благословение!

Кисельников. Ах, маменька! Взял бы я... да не дают... (Опускается головой на стол.)
За что мне дать-то! Я не доучился, по службе далеко не пошел, дел у меня больших нет, за что мне дать-то?

Анна Устиновна. Экой ты у меня бедный! Экой ты у меня горький! (Обнимает его.)
Кирюша, Кирюша, кто-то стучит. Отпирать ли?

Кисельников. Не тесть ли воротился? Отоприте.

Анна Устиновна уходит. Кисельников прислушивается.

Голос за сценой: «Здесь живет чиновник Кисельников?»

Голос Анны Устиновны: «Здесь. Пожалуйте». Входит Незвестный.

Явление четвертое

Кисельников и Незвестный.

Незвестный. Вы господин Кисельников?

Кисельников. Точно так-с.

Незвестный (садясь). Вы, должно быть, очень бедно живете?

Кисельников. Сами изволите видеть.

Незвестный. Да. Ну, это может поправиться. У меня много частных поручений; если хотите, можете заниматься у меня. Вам тысячи рублей в год будет?

Кисельников. Как вы изволили сказать?

Незвестный. Тысячу рублей.

Кисельников. Мне тысячу рублей-с!.. Это благодеяние такое-с... Я, помилуйте... так благодарен-с... Мне и во сне-то... Позвольте узнать, с кем говорю-с.

Незвестный. Это вам все равно; вы узнаете после. Я поверенный по многим большим делам.

Кисельников. В суде я вас никогда не видал-с.

Незвестный. Я сам не бываю, у меня есть агенты, которые за меня ходят по судам. Я только вчера приехал; а впрочем, я все знаю, что у вас в суде делается.

Кисельников. Кто-нибудь из наших сообщает-с?

Незвестный. Да, ваши у меня бывают, забегают частенько и, кажется, остаются мною довольны. Что это у вас делов-то сколько?

Кисельников. Работа-с; надо же чем-нибудь жить.

Незвестный. Оно так, а все ж таки на дом-то брать дела неловко, запрещено законом.

Кисельников. Коли вы поверенный по делам-с, так вы изволите знать, что не всякий закон исполняется.

Незвестный. Ну, конечно. Вам верят, вы человек честный, оттого вам и дают. Да тут всё и дела-то неважные. А вот у вас есть дело Чернойорского.

Кисельников. Почему же вы знаете-с? Я его только сегодня взял.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Неизвестный. Я вам говорю, что мне все известно. Вот это дело, будь я ваш секретарь или столоначальник, я бы вам не дал.

Кисельников. Отчего же? Я его еще и не смотрел.

Неизвестный. Оттого, что искушение велико. Покажите мне его.

Кисельников. Да как же-с!

Неизвестный. Покажите, я вам говорю. Чего вы боитесь! Вот оно у вас в платке завязано.

Кисельников (развязывая платок). Вот-с, дело Черноярского-с.

Неизвестный. Это дело с лишком во сто тысяч, как же его вам поверили?

Кисельников. Отчего же не поверить-с? Я всегда-с...

Неизвестный. Оттого, что тут есть документ; если его испортить, так и все дело пропало.

Кисельников. Как же это испортить-с?

Неизвестный. Ха, ха, ха! Вы не знаете? Ну, взять написать что-нибудь да потом ножиком подчистить. Вот какие дела доверяют! Ай, ай, ай! (Качает головой.)

Кисельников. Как же это можно-с! Такая фальшь-с... Кто же решится?

Неизвестный. Кто решится? Дадут тысячи три-четыре, так всякий решится.

Кисельников. Нет, уж вы не извольте беспокоиться, у меня будет сохранено, у меня и руки-то не подымутся.

Неизвестный. Не подымутся. Так я вам и поверю. Такие же у вас руки-то, как и у всех.

Кисельников. Нет, меня еще Бог миловал, я никогда...

Неизвестный (отворачиваясь, отсчитывает деньги). Вот вам три тысячи! Марайте документ, пишите что-нибудь.

Кисельников (встает) Как! Что вы-с! Помилуйте-с!

Неизвестный. Садитесь! Вот деньги. Сосчитайте прежде.

Кисельников. Да зачем-с?

Неизвестный. Сосчитайте, я вам говорю.

Кисельников машинально считает.

Ну, сколько?

Кисельников. Три тысячи-с.

Неизвестный. Ну, положите их к себе в стол.

Кисельников (смотрит на него умоляющим взглядом). Нет, зачем-с, зачем-с! Не нужно бы-с!

Неизвестный. Ну, милый мой, ну, дорогой мой! Голяк ведь ты! Бери, бери, после спасибо скажешь.

Кисельников. Право, не нужно бы-с! (Убирает деньги.) Ей-богу, не нужно бы-с! Господи! Что же это я делаю! (Плачет.)

Неизвестный (развернув дело). Об чем же ты плачешь, мой милый? Видно, в первый раз. Ну, теперь бери перо.

Кисельников берет перо.

Пиши что-нибудь. Что-нибудь пиши, все равно.

Кисельников (дрожа). Написал-с.

Неизвестный. Что ты пишешь-то! Вот потеха! Ну, да все равно! Вот ножичек. Почисти, чтобы видно было, что тут была подпись.

Кисельников чистит ножом.

Ну, вот так. Ну, довольно! (Берет дело, складывает и кладет на стол.) Знаешь ли, что ты наделал?

Кисельников. Ничего не знаю-с. Уж вы меня не погубите. Семейство-с!

Неизвестный. А то руки, видишь ты, у него не поднимутся! Ох вы, горечь! Я и не таких, как ты, покупал. Любо с вами дело делать. Вашему брату ничего заветного нет, все продать! Ведь ты, знаешь ли, ты мне за три тысячи полтора ста тысяч продал! Теперь с нас по этому документу немного взыщут. А пойдет следствие о подлоге, так опять-таки нам выгода та, что дело затянется, в Сибирь-то пойдешь все-таки ты, а не мы. Ты хоть уж покути на эти деньги-то, чтоб не даром отвечать. (Хочет уйти.)

Кисельников. Как же это-с! Нет, вы позвольте-с! Куда же вы-с? Я еще в себя не приду.

Неизвестный. Что ж, мне тут и сидеть с тобой! Утешать тебя! Да ты не бойся, мы за тобой будем следить, до Сибири не допустим. А ты пока деньги-то не сори, чтоб подозрения не было. Прощай! (Уходит.)

Кисельников. Что я наделал! Что я наделал! (Развертывает дело и смотрит.) Уж теперь поправить ничем нельзя. А-ах! Дрожь какая-то! Уж не подсыл ли это? Сейчас могут наехать, накроют меня и с деньгами. А может быть, и номера записаны? Вот когда лихорадка-то! Да хоть и не с подсыллом, так как же я дело в суд-то понесу! Столоначальник взглянет, сейчас меня и арестуют, не дадут и с детьми повидаться. А там лишение чинов, каторга, станут над головой шпагу ломать; ну вот и колодник! Ах ты, батюшки, как зубы стучат! Да и холодно что-то у нас. Вот ведь недавно, полчаса каких-нибудь, был я честный человек, чиновник; хоть бедный, а обыватель; идешь это по улице и ничего; тот руку подает, другой руку подает: «здравствуйте», говорит; на рынок ходишь, в праздник в церкви стоишь, что другие, то и ты; а теперь за железную решетку, в серое сукно оденут. Хоть деньги-то детям останутся; отца-то у них уже не будет. Спрятать бы деньги-то! Маменька!

Входит Анна Устиновна.

Явление пятое

Кисельников и Анна Устиновна.

Кисельников. Маменька, деньги вот..., вот! (Подает деньги.)

Анна Устиновна. Какие это деньги, кирюша?

Кисельников. Деньги... Тут много.

Анна Устиновна. Да вижу, что деньги, да откуда они у тебя?

Кисельников. Три тысячи. Спрячьте их, подальше спрячьте, чтоб не нашли.

Анна Устиновна. Да куда же я их спрячу?

Кисельников. Ах, Боже мой! Ну, по щелям, за обои, в тряпки заверните. Чтоб вам деньги-то остались, чем вам жить-то с детьми после меня.

Анна Устиновна. Спрячу, спрячу, нигде не найдут. Откуда ж ты взял-то их, скажи ты мне?

Кисельников. Взял... вот тут... барин приходил... Ах, маменька, как мне страшно!

Анна Устиновна. Да ты опомнись, ишь ты весь дрожишь. Что такое с тобой случилось?

Кисельников (взявшись за голову). Да-да-да! Ах я дурак! Ведь еще, может быть, я и не попадусь. Побегу я в суд, положу дело-то в шкаф, дежурный спит теперь! Где фрак-то, маменька? (Снимает халат.)

Анна Устиновна. Здесь, здесь, вот он. (Надевает на него фрак.)

Кисельников. А проснется дежурный, так я скажу, что забыл что-нибудь, а дело-то тихонько и суну в шкаф. А после скажу, что не брал. Сделал одну подлость, сделаю и другую. (Хочет идти.)

Анна Устиновна. Постой! Куда ты без галстука-то! Дай я завяжу тебе.

Кисельников (в то время, как Анна Устиновна завязывает галстук). Там двое видели, как я брал; а я запрюсь, скажу, что не брал, не брал. Я, маменька, скажу, что не брал. (Со слезами.) Запираться надо, маменька, только одно осталось; одно мне и осталось.

Анна Устиновна. Да что ты? Бог с тобой!

Кисельников. Маменька, ведь я на волос от каторги... Завтра же, может быть...

Анна Устиновна. Кирюша, Кирюша!

Кисельников (в изнеможении опускаясь на колени). Маменька, ведь я преступник... уголовный преступник!

Сцена IV
ЛИЦА:

Кисельников, 39 лет, одет в старое пальто, панталоны в сапоги.

Анна Устиновна.

Лизанька, 17 лет.

Боровцов, 57 лет, одет так же, как Кисельников, к пальто приколоты две миткалевые манишки, через плечо повешены ситцевые и холстинковые рубашки, как у площадных торговцев.

Погуляев.

Бедная комната с русской печью, за занавеской кровать; посредине комнаты дощатый стол и скамья.

Между третьей и четвертой сценой проходит 5 лет.

Явление первое

Кисельников и Боровцов (сидят за столом на скамейке), Анна Устиновна (сидит на кровати).

Боровцов. Сватьяшка, тебе много ли годов-то?

Анна Устиновна. Шестьдесят скоро.

Боровцов. Ну да, так. Я тебя одним годом моложе. А это чай мы свой пьем.

Анна Устиновна. Слышу, батюшка, что свой.

Боровцов. Свой, да. Мы вчера с зятем пять золотников купили. Собрался я нынче на площадь торговать-то: дай, думаю, к зятю зайду, вместе пойдем, – вот и зашел. Поставили мы с ним самовар, да вот и пьем сидим. (Зятю). Ты чем нынче

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865-1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
торговать-то будешь?

Кисельников (суетливо). Да вот две жилеточки старенькие да уютю; вот тут у меня собрано. Соседи дали, – соседи у нас добрые; вот только ребятишки забижают. Да вот и гвоздиков старых в кулечек набрал. А соседи у нас добрые! Соседка «на, говорит, Кирюша, нам не нужно, все равно бросим, а ты за что-нибудь продашь». (Пьет чай.)

Боровцов. Сватья, манишки нынче в цене, мужские.

Анна Устиновна. Что мудреного!

Боровцов. Все носить стали, – вот они и в цене. У меня старухи шьют, а я продаю; вот тоже рубашки, ситцевые, холстинковые. Да шьют-то больно плохо, не видят старухи-то, и бродят, точно куры слепые; а сходят с рук, ничего. Вот и ты бы шила, а мы бы продавать стали.

Анна Устиновна. Где уж мне шить, я и вяжу-то – ничего не вижу; одна у нас работница, одна кормилица! Не будь ее, что бы мы были! Хоть по миру ступай!

Боровцов. Да, Лиза у нас рукодельница! Вот бы кому замуж ее взять! Для хозяйства-то уж больно ловка. Эта девка знает нужду-то, в чем она ходит; ни от какого дела у ней руки не отваливаются.

Анна Устиновна. Что она нейдет-то! Вышиванье понесла, да вот и замешкалась! Уж я и боюсь, одна ведь по Москве-то ходит.

Боровцов. Что ж такое! Не в лесу живем.

Анна Устиновна. Москва-то хуже лесу.

Боровцов. Вот, сватья, чем под старость торговать-то пришлось. А богат я был, по прежнему-то времени и очень богат, да мало показалось, за большим погнался. Не захотелось платить тем, кому должен был; так за это вдвое заплатил, кому и вовсе должен не был. Всё просудил до ниточки. Переярков меня уж очень доехал. «Ты, говорит, так делай да вот так делай», да тридцать тысяч с меня за науку взял. А как стали дело-то разбирать, он-то в сторону, а меня и потянули. За что ни возьмутся, все фальшь, и книги-то фальшивые, – а все его стряпня. Начали меня судить, начали меня мытарить, – и ямы-то ему мало, и в острог-то его! Возьмите, говорю, все, только душеньку отпустите. Так и вышел я из этого дела чист, как из баньки. Вот тебе и барыши! Вас-то я только тогда обидел ни за что ни про что; себе пользы не сделал, а вас ограбил.

Анна Устиновна. Ах, да молчи ты! Что ты при нем-то! Ну, очнется да вспомнит. Наладил одно и то же; не один раз я это от тебя слышала.

Боровцов. Да уж очень обидно! А ему где вспомнить! Он, сватья, ничего не помнит. Мы теперь с ним приятели. Кирюша, пойдем торговать.

Кисельников (торопясь). Пойдем, пойдем.

Боровцов (убирая посуду). Ты так жилетки-то не держи; долго ль до греха, потеряешь либо кто вытащит; а ты их надень на себя сверху, одну на другую. А я куда самовар уберу. (Ставит самовар у печки.)

Кисельников. Сейчас, сейчас. (Надевает жилетки.)

Боровцов. Ну вот, теперь пойдем.

Кисельников. Пойдем, пойдем. Я все захватил, все. Талан-доля, иди за мной, я буду счастлив, и ты будешь счастлив!

Боровцов. Прощай, сватья! Вот хорошо. Это я его научил. Как, говорю, Кирюша, за чем пойдешь или получить чего хочешь, тверди эту пословицу – дело верней будет. (Уходят.)

Анна Устиновна. Что это, право, Лиза нейдет! Сердце у меня не на месте. Девушка беззащитная, кроткая, вся в отца – долго ль ее обидеть? Народ бессовестный,

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
видят, что девушка плохо одета, ну и пристают. А не знают того, что эта девушка, как только на ноги поднялась, так семью кормить стала, с утра до ночи работает, отдыху не знает, что мы на нее чуть не молимся. Захворай она, так мы наголодаемся.

Вбегают Лиза, за ней входит Погуляев.

Явление второе

Анна Устиновна, Лиза и Погуляев.

Лиза. Ах, бабушка, бабушка! никак дух не переведу.

Анна Устиновна. Что с тобой, душенька, ты испугалась чего-нибудь?

Лиза. Ах, испугалась! Вы погодите, я вам после скажу. Вон барин пришел.

Анна Устиновна. Какой там барин? Зачем к нам барин? Делать-то, видно, ему нечего.

Лиза. Нет, он, кажется, добрый. Что я за несчастная такая! (Садится к столику и со слезами принимается за работу.)

Анна Устиновна. Все они добрые, только упаси нас, Господи, от их доброты! (Погуляеву.) Что вам, батюшко, нужно?

Погуляев. Это ваша дочка?

Анна Устиновна. Дочка ли, чужая ли, никому до того дела нет.

Погуляев. Да и мне все равно, только если вы ее любите, так одну не пускайте по улицам ходить. Кто захочет впутываться в историю, заступаться на улице за постороннюю девушку; а обидеть охотники всегда найдутся. Вот нынче, сейчас, какие-то господа подхватили ее на бульваре под руки, она так испугалась, что и слова не вымолвит, а они идут, песенки распевают да на всех посматривают. Хорошо, что я подъехал.

Анна Устиновна. Ах, батюшко, покорнейше вас благодарю! Что ж ты, Лизанька, молчишь? А я и не понимаю, с кем говорю-то.

Погуляев. Они, конечно, большой обиды ей бы не сделали; сейчас видно, что это шалуны, но ведь она могла испугаться очень и даже захворать с испугу.

Анна Устиновна. Долго ли ее напугать; что говорить – кротости она у нас непостижимой.

Погуляев. Так вот я вам советую: вы ее вперед одну не пускайте!

Анна Устиновна. Да с кем же нам отпустить ее? Отец больной, я стара; она одна работает, одна нас кормит, одна и работу свою в магазин носит. Нужда, батюшко.

Погуляев. Вижу, что нужда! Эко дело-то! Вам бы женщину нанять.

Анна Устиновна. На какие, батюшко, деньги? Есть у нас заветные, на приданое отложены, – так тех трогать не хотим. Только тронь и не увидишь, как истратишь, а ей-то ничего не останется. Дорого достались нам эти деньги: из-за них отец ее рассудок потерял.

Погуляев. Мне кажется, что я вас где-то видал; мне ваше лицо знакомо.

Анна Устиновна. Было время, жили хорошо, – так и нас люди знали, а теперь все бросили.

Погуляев. Конечно, в вашем положении вспоминать о старом неприятно; но вы меня извините за нескромность, позвольте узнать вашу фамилию.

Анна Устиновна. Что ж тут неприятного! Божья воля! Я – Кисельникова, батюшка.

Погуляев. Кисельникова? И вы не матушка ли Кирила Филипповича Кисельникова?

Анна Устиновна. Так точно.

Погуляев. Ах, Боже мой, Боже мой! Жив он?

Анна Устиновна. Жив-то жив, да уж лучше вы и не спрашивайте! А вы-то кто же такой будете?

Погуляев. Погуляев. Помните, еще я у вас часто бывал студентом, потом один раз был у него у женатого. Теперь адвокат, стряпничеством занимаюсь.

Анна Устиновна. Помню, как не помнить; а не скажите, ни за что бы не узнала. Вот полюбуйтесь на наше житье.

Погуляев. Что ж такое с вашим сыном сделалось?

Анна Устиновна. Семья, батюшко, да родные кирюшу сгубили. Служба ему не далась; как-то он к ней не присноровился; пока были свои деньги, так мы еще бедности не видали. А потом тесть все деньги у кирюши отобрал; тут жена умерла; тесть обанкрутился; пропали все денежки; беда за бедой; захворали дети, – а жить чем-нибудь нужно! Тут, как на грех, и подвернулся чей-то поверенный, сунул кирюше тысячи три денег: тот от бедности да от горького житья и прельстился на деньги-то, да фальшь какую-то в суде и сделал. И напал на него страх, суда очень боялся, так и помешался в рассудке со страху. Сколько я денег пролечила, ничего не помогает.

Погуляев. Какого же роду у него помешательство?

Анна Устиновна. Ничего не помнит, что было с ним, никого почти не узнает. Прежде у него это временем проходило, – иногда, бывало, и опомнится, говорит складно, вспоминает свою жизнь, жену-покойницу, плачет; а теперь все реже да реже. Все бегаёт да суетится, точно зверек какой, прости Господи! Гвоздиков, пробок наберет, да надаёт ему всякой дряни, бежит продавать, – принесет мне денег копеек пять-шесть, забормочет: «Детям, детям принес. Берегите детям». Как он всю жизнь для детей хлопотал, бедный, о том только и помнит. А уж я и детей-то всех прихоронила, одна вот только и осталась.

Погуляев. Так это его дочь! (Лизе.) Позвольте мне на вас поглядеть хорошенько. Я вашего папеньку знал молодым, красивым.

Лиза. Разве он был когда-нибудь молод?

Анна Устиновна. Что ты, глупенькая! Все были молоды.

Лиза. Я не то хотела сказать... (Подумав.) Нет, то! Я никак и вздумать его не могу, чтоб он был молод.

Погуляев. Он был щеголь, веселый!

Лиза. Бабушка говорит, что и деньги у него были, а теперь вот нет. У вас есть деньги?

Погуляев. Есть.

Анна Устиновна. Что ты, матушка, как глупо говоришь.

Лиза. Об чем же мне говорить с вами? Я больше ничего не знаю.

Погуляев. Нет, ничего. Она хорошо говорит.

Лиза (серьезно). Где ж вы деньги взяли? Вы нашли или вам кто-нибудь дал?

Погуляев. Я за работу получал, вот и накопил.

Лиза. За работу очень мало дают, накопить нельзя. Я вот очень много работаю, а денег дают мало.

Погуляев. Наша работа больше вашей ценится.

Анна Устиновна. Боюсь я, надоест она вам своими глупостями.

Лиза. Нет, бабушка, позвольте! У меня давно в голове поговорить с кем-нибудь. Они уйдут, с чужими я говорить не стану, так у меня на сердце и останется. Я и то все одна сию да сама с собой думаю.

Погуляев. Говорите, ради Бога, говорите! Я всегда готов вас слушать.

Лиза (решительно). Вот что: укажите мне работу такую, за которую бы больше платили; а то, посмотрите, вот какая комната, вон бабушка, как она одета! У нас ничего нет; я работаю-работаю и никак из нужды не выбьюсь. (Плачет.)

Погуляев. Перестаньте! Давайте потолкуем.

Лиза. Я девушка молодая, а взгляните, что на мне! Мне стыдно на улицу выйти. Я не хочу рядиться, мне хоть бедное платье, да чтоб оно было чисто, ново, по мне сшито. Я хороша собой, молода – это уж ведь мое; мне хочется, чтобы и люди видели, что я хорошенькая, а у меня сердце замирает, как я начну надевать эти лохмотья: я только себя уродую. (Плачет.)

Погуляев. Да перестаньте же, перестаньте! Ах, Боже мой! Потолкуем так, без слез.

Лиза. Легко вам говорить: «без слез»! Да и что толковать! Нам, бедным людям, толковать некогда. Вы мне работу дайте! Пусть она будет вдвое, втрое труднее, только бы мне денег больше выработывать, чтоб комнату нанять посветлее да одеться почище.

Погуляев. Я вам найду работу, погодите.

Лиза. Найдите, только поскорей. Мне уж надоела нужда, я выбилась из сил. Если найдете, я вам буду очень благодарна. (Шьет молча.)

Погуляев. Поищу, поищу.

Анна Устиновна. А вы сами-то себя устроили?

Погуляев. Не совсем.

Анна Устиновна. Чего же вам недостает?

Погуляев. Счастья. (Подходит к Анне Устиновне.) В память старого знакомства не откажитесь принять от меня эту малость. (Дает ей ассигнацию.)

Анна Устиновна (берет). Если счастья у вас нет, так деньги есть, значит, еще жить можно. Покорно благодарим, что нас, сирот, вспомнили. Навещайте.

Лиза. Куда же вы? Я еще хотела с вами поговорить.

Погуляев. Мне нужно домой. Вы извините. Я зайду к вам! У меня есть дело!

Лиза. Вы не привыкли видеть бедность! Вам тяжело с нами. Ну, ступайте!

Погуляев уходит.

Явление третье
Анна Устиновна и Лиза.

Анна Устиновна. Что это, Лиза, ты так груба?

Лиза. А со мною кто ласков, кроме вас?

Анна Устиновна. А чем же он-то не ласков? Вот посмотри, он нам денег дал.

Лиза. На его деньги нам весь век не прожить, лучше бы он мне работу дал.

Анна Устиновна. У тебя и то работа из рук не выходит, а тебе все мало, хоть бы ты себе отдых дала. Лиза. Отдых? Нет, отдыхать некогда, да и нельзя.

Анна Устиновна. Отчего же нельзя?

Лиза. А вот отчего: если работать сплошь, день за день, так работа легче кажется; а если дать себе отдых, так потом трудно приниматься. После отдыха работа противна становится.

Анна Устиновна. Что ты, что ты! Господь с тобой!

Лиза. Да, противна. Она и всегда не сладка, да уж как свыкнешься с ней, так все-таки легче. Вы думаете, что мне самой погулять не хочется? Вы думаете, что мне не завидно, когда другие гуляют?

Анна Устиновна. Как, чай, не завидно.

Лиза. Нет, нет. Я вас знаю. Вы думаете, что я с радостью работаю, что мне это весело; вы думаете, что я святая. Ах, бабушка!

Анна Устиновна. Святая, святая и есть.

Лиза. Сказать ли вам, что у меня на душе?

Анна Устиновна. Да что ж у тебя, кроме ангельских помыслов?

Лиза. Нет, лучше не говорить. Сказать, так вы испугаетесь.

Анна Устиновна. Ангел-хранитель над тобой!

Лиза. Ах, бабушка, я боюсь, я боюсь...

Анна Устиновна. Чего же ты, душенька, боишься?

Лиза. Я боюсь, что надоест мне работа, опостылеет, тогда я ее брошу...

Анна Устиновна. Поди ко мне, поди, дитя мое! Господи, сохрани ее и помилуй!

Лиза (вставая). Бабушка, давайте молиться вместе! Трудно мне, трудно! (Подходит к Анне Устиновне.)

Входит торопливо Кисельников.

Явление четвертое

Анна Устиновна, Лиза и Кисельников.

Кисельников. Конура, конура...

Анна Устиновна. Что, что ты?

Кисельников. Конура, говорит, собачья конура...

Анна Устиновна. Да кто говорит-то?

Кисельников. Вот я пришел, вот я пришел... Вот деньги! Я взял, принес... Деньги спрятать, спрятать... (Отдает Анне Устиновне десятирублевую ассигнацию.)

Анна Устиновна. Где ты взял, Кириша, столько денег? Товару-то у вас всего на какой-нибудь рубль было.

Кисельников. Нет, товар здесь, не продали, ничего не продали. Нынче день тяжелый, тяжелый день. Торговцы говорят, – нейдет, говорят, товар с рук, день тяжелый.

Анна Устиновна. Где ж ты взял?

Кисельников. Там... барин, такой...

Анна Устиновна. Приятель твой, Погуляев?

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Кисельников. Нет.

Анна Устиновна. Неужли ж ты не помнишь приятеля своего, Погуляева? Учились вместе. Ведь он твой приятель.

Кисельников. Приятель, Погуляев? У меня один есть приятель, два есть приятеля.

Анна Устиновна. Так это не он тебе дал деньги?

Кисельников. Нет, он, он...

Анна Устиновна. Погуляев?

Кисельников. Да. Вот деньги... Только он не Погуляев, он Грознов.

Анна Устиновна. Барин, сосед наш? Это богач-то?

Кисельников. Да, богатый, богатый! У!! Дом... всё лакеи, лакеи...

Анна Устиновна. За что же он тебе дал?

Кисельников. Он дома, а я на улице; он говорит: «Поди сюда!» Я пошел, пошел, на крыльцо иду, говорю: «Талан-доля, иди за мной, я буду счастлив, и ты будешь счастлив». Он и дал.

Анна Устиновна. Да за что, все я не пойму. Так, на бедность, что ли?

Кисельников. Да, на бедность. «Ты, говорит, в конуре живешь... И дочь, говорит, держишь в собачьей конуре... Вот, говорит, ей флигель, хороший, хороший. И тебе, говорит, и всем дам. Хочешь, говорит?» Я хочу, я пойду; вот я все возьму, я пойду. (Собирает вещи.) Я пошел. Талан-доля...

Анна Устиновна. Постой, Кирюша, не ходи.

Кисельников останавливается.

Лиза. Погодите, бабушка. (Кисельникову.) Как он сказал? Дочь твоя в конуре живет?

Кисельников. Да, в конуре... Ей, говорит, вот как надо жить, вот какой дом... она красавица.

Анна Устиновна. Что ж бы это такое значило?

Лиза. Подумайте, бабушка.

Анна Устиновна. Ума не приложу.

Лиза. Ну, так я вам растолкую. Это дело касается меня, одной меня.

Анна Устиновна. Тебя? Как же это?

Лиза. Я ему давно нравлюсь.

Анна Устиновна. Да ведь он женатый, у него жена в Петербурге.

Лиза. Ну, так что ж, что женатый! Эх, бабушка! Уж не пришло ли вам в голову-то, что он жениться на мне хочет! У него, говорят, сто тысяч дохода. При таких деньгах все купить можно.

Анна Устиновна. Ах, батюшки! Вот беда-то! Как же нам быть-то?

Лиза. Думайте, бабушка.

Анна Устиновна. Ох, не спрашивай ты меня, не спрашивай! Что мать, что бабка – обманщицы, лукавые поноровщицы; на добро детей не учат, всяким их шалостям потакают. Вот я раз Кирюшу пожалела, не на добро его научила; словно как от тех моих слов и сталося. А грех-то на моей душе. Первые-то матери грешницы, первые

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
за детей ответчицы.

Лиза. Кто ж меня, бабушка, на ум наведет? У кого же мне себе ученья искать, как мне на белом свете жить; что на свете хорошо, а что дурно? Молода ведь я, какие у меня силы, какой у меня разум!

Анна Устиновна. Ох, не знаю я! Ты у нас хозяйка, ты у нас большая. Думай сама об себе, как тебе лучше. Что я тебе посоветую! И там беда, и здесь беда.

Кисельников. Я все собрал, я пошел. (Надевает картуз.)

Анна Устиновна. Погоди, Кирюша! Стара я стала, кости мои покоя хотят; теплую бы мне комнату да уход бы за мной! Да на тебя–то бы поглядела, на нарядную да на богатую. Ох, да не слушай ты меня, старую дуру, не слушай.

Лиза. Кто же мне теперь поможет! Стою я над пропастью, удержаться мне не за что. Ох, спасите меня, люди добрые! Бабушка, да поговорите со мной что–нибудь!

Входит Погуляев.

Явление пятое

Анна Устиновна, Лиза, Кисельников и Погуляев.

Лиза. Ах, как вы вовремя! Мне нужно совета спросить, а не у кого. Помогите мне!

Погуляев. Я за тем и пришел.

Анна Устиновна. Что ты, Лиза! Да разве говорят об этом посторонним людям?

Лиза. Значит, это очень дурно, коли не говорят.

Анна Устиновна. Что хорошего? Только крайность заставляет.

Погуляев. Да что такое?

Анна Устиновна. Уж не знаю, как и сказать вам. Барин богатый, сосед наш, дает нам даром квартиру и все; так вот мы и думаем, переезжать ли нам.

Кисельников (Погуляеву тихо). Он мне денег дал. Еще даст... много...

Погуляев (кивая головой). Ах ты, несчастный!

Лиза. Говорите со мной, он вас не узнаёт.

Погуляев (Лизе). Так вы моего совета спрашиваете?

Лиза. Что лучше – стыд или нужда? Стыд, говорят, скоро проходит, а нужда вечно точит, покоя не дает.

Погуляев. И то, и другое нехорошо.

Лиза. Это я знала и без вас. Хорошего у нас нет, мне его и не дожидаться, а вот из дурного–то что мне выбрать?

Погуляев. Я вам вот что посоветую: не думайте ни о том, ни о другом, а подите замуж за меня.

Лиза. Замуж? Вы не шутите?

Погуляев. Что за шутки!

Лиза. Мы так бедны, так несчастны, что с нами шутить грех.

Погуляев. Нет, я решился твердо. Давайте руку. (Берет ее руку.) Вот так! Я как ушел от вас, все ходил по улице да думал, вот и решился.

Анна Устиновна. Вот радость–то! Привел–таки меня Бог счастья дожидаться, не дал в горе умереть.

Погуляев. Оно, знаете ли, было бы гораздо лучше, если б вы меня любили. Ведь вы меня не любите, вы от нужды за меня идете.

Лиза. Все равно, ведь я никого не люблю. Вы меня умнее, вы сделаете так, чтоб я вас любила.

Погуляев. Как же это сделать?

Лиза. А вот как: любите бабушку да не попрекайте нас бедностью.

Погуляев. Ну, так это просто.

Лиза. Да будто вы не знаете? Это вы нарочно спрашиваете. Вы гораздо лучше нас знаете.

Анна Устиновна. Скажите, батюшка, как это вас Бог надоумил?

Погуляев. Очень просто. Я всю жизнь жил один, это мне надоело; человек я одинокий, денег нажил – ну и стал подумывать, как бы семьей завестись; а тут вдруг вышел случай; думаю, чего ж мне лучше!

Кисельников (со слезами). Что ж вы меня не пускаете! Он теперь ждет, он говорил: «Ждать буду».

Анна Устиновна. Куда теперь идти! У нас Лиза замуж выходит.

Кисельников. За кого? За кого?

Анна Устиновна. Погляди за кого. Ведь это твой приятель.

Кисельников (кланяется Погуляеву). Здравствуйте!

Погуляев. Кирила Филиппыч, да погляди на меня хорошенько! Помнишь? Ну, помнишь Погуляева?

Кисельников. Я к барину пойду.

Погуляев. Ах, чудак! Да неужли ты забыл? Помнишь, учились вместе? Помнишь, в Нескучном саду гуляли? А помнишь, я у твоей жены на именинах был? Ну, а не помнишь – все равно, давай снова познакомимся. Давай руку. Ну, вот мы и приятели.

Кисельников (припоминая). Ты мне денег дал?

Погуляев. Вспомнил теперь?

Анна Устиновна. Хоть бы он немножко-то очнулся, хоть бы порадовался, бедный.

Погуляев. А ты на мои деньги тестю рому купил. Чудак ты этакой!

Кисельников. Мне Погуляев деньги дал.

Погуляев. Я Погуляев-то и есть.

Кисельников. А жена у меня умерла.. умерла!..

Погуляев. Слышал, слышал. А на дочке вот я женюсь.

Кисельников (Анне Устиновне). Маменька! Лиза! Он женится?.. Правда?

Анна Устиновна. Слава Богу, очнулся! Правда, Кирюша, правда.

Погуляев. Вот вы ко мне и переезжайте; будем жить все вместе.

Кисельников (подумавши). А я упал, обнищал, видишь. Под судом, брат, под судом за подлог, за подлость! А ты вспомнил нас, приютить нас хочешь; спасибо тебе..

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Лиза. Папенька, благословите меня.

Кисельников. Господи, Господи! Не было мне счастья, весь век не было; авось на твою долю, Лиза, счастье выпадет. (Целует Лизу.)

Лиза (Погуляеву). А вы меня выучите такой работе, за которую много денег дают?

Погуляев. Да зачем вам теперь?

Лиза. А затем, чтоб помогать бедным девушкам. Много их в таком положении, в каком я была.

Входит Боровцов.

Явление шестое

Анна Устиновна, Лиза, Кисельников, Погуляев и Боровцов.

Боровцов. Мир честной компании! Ну, брат кирюша, с тебя спрыски. Что ты приуныл? Этакое тебе счастье, а ты нос повесил.

Кисельников. Да, счастье, счастье...

Боровцов. Да как же не счастье! Квартира будет хорошая, хлеб даровой; дочку пристроил; у богатого барина нужды знать не будешь. Одно слово – Грознов, – всю нашу Палестину купить может и выкупить.

Кисельников. Нет, не Грознов.

Боровцов. Да что ты отнекиваешься-то! Уж я, брат, знаю, торговал ты хорошо, барыши у тебя большие. Вот за это магарыч с тебя; веди в трактир, угощай чаем!

Кисельников. Погуляев! Ты возьми к себе матушку и Лизу, а меня не бери.

Погуляев. Отчего же?

Кисельников (тихо). Знаешь ли ты, кого ты пригреть хочешь?.. Мы с тестем... мошенники! Мы все продали: себя, совесть, я было дочь продал... Мы, пожалуй, еще украдем у тебя что-нибудь. Нам с ним не жить с честными людьми, нам только торговать на площади! Нет! Ты нам только изредка когда давай по рублику на товар наш, больше мы не стоим.

Анна Устиновна. Что ты, Кирюша, что ты!

Лиза. Папенька, не оставляйте нас.

Погуляев. Что ты за вздор говоришь!

Кисельников. Нет, Погуляев, бери их, береги их; Бог тебя не оставит; а нас гони, гони! Мы вам не компания, – вы люди честные. У нас есть место, оно по нас. (Тестю.) Ну, бери товар, пойдем. Вы живите с Богом, как люди живут, а мы на площадь торговать, божиться, душу свою проклинать, мошенничать. Ну, что смотришь! Бери товар! Пойдем, пойдем! (Сбирает свой товар.) Прощайте! Талан-доля, иди за мной... (Уходит.)

Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский*

Драматическая хроника в двух частях

I

Сцена первая

ЛИЦА:

Князь Василий Иванович Шуйский.

Князь Дмитрий Иванович Шуйский.

Тимофей Осипов, дьяк из приказа.

Федор Конёв, купец московский.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Иван, калачник.

Афоня, юродивый.

Московский, новгородские, псковские купцы; подьячие, попы безместные, странники,
мелочные торговцы, разносчики и крестьяне.

Сени в доме Василия Шуйского.

(19 июня 1605 года)

Купцы и подьячие сидят на лавках; простой народ – на полу.

1-й купец московский

Привел господь! Царевич прирожденный
На дедовских и отческих престолах
И на своих на всех великих царствах
Воссел опять и утвердился...
2-й купец московский

Чудо
Великое свершилось! Божий промысл
Изменников достойно покарал
И сохранил лепорожденну отрасль
От племени царей благочестивых.
Подьячий

Вот праздник-то! Такого не видала
Москва давно. В нарядах береженных,
С сияющим на лицах торжеством,
Идет народ веселыми стопами
В предшестве хоругвей и икон...
Конёв

(Тихо.)

Антихриста встречать!
1-й крестьянин

А что народу!
Начни считать – умрешь и не сочтешь:
Идут и едут, и ползут и лезут.
2-й крестьянин

Пора-то вольная, в полях убрались,
Посеяли, а сенокос не вдруг...
Ну и сошлись...
3-й крестьянин

И все-то, братцы, рады
И веселы! Веселие такое,
Что об святой, в великий день Христов.
Конёв

Греха-то что! Греха-то что!
Подьячий

Болтали,
Что в Угличе царевича убили,
И верили тогда; а вот он с нами!
И, значит, Бог его соблюл для нас.
1-й крестьянин

Была молва, и прежде толковали,
Что Дмитрий, Углицкий царевич, жив...

В Москве молва, а в городах подавно...
Подьячий

И чуда нет, и нечему дивиться,
Что сохранил его Господь живого.
1-й купец московский

Никто тому и не дивится – знают,
Что Господу возможно все: он может
И мертвого из гроба воскресить.
Крестьянин

Само собой!
Странник

Уж если Бог захочет,
Так сделает.
Крестьянин

Ну, что и говорить!
1-й купец московский

(новгородскому)

И веришь ли, когда пришли к нам вести
Про смерть царевича, рыданье слезно
По всей Москве пошло; заговорили,
Что легче нам опять царя Ивана
Мучительство, чем вовсе сиротать
Без царского потомства; хоть и жутко
Бывало нам, а все-таки мы знали,
Что он – царева отрасль, не холопья...
И вот опять потомство Мономаха
На грозный стол родительский вступает!
Поп

Веселие духовное и радость
Вселенская...
Конёв

Ну, радость не велика
Под клятвой жить! Святителя проклятье
Лежит на нас и чадах. Мы давно ли
Предстателя пред богом, патриарха,
Во время службы, в полном облаченье,
Свели с амвона, рубищем одели,
По улицам позорно волокли?!
И поднял он на нас свою десницу,
И проклял всю Москву и в ней живущих,
И, точно камнем, придавил нам души
Проклятием... Дела и мысли наши,
Утробы все проклятием покрыты;
Молитвы наши к Богу не доходят...
Подьячий

Ты не болтал бы громко при народе,
А то как раз в застенки попадешь.
Молчание.

1-й крестьянин

Ахти, грехи! Ох, Господи помилуй!
2-й крестьянин

Хоть пожевать чего бы, скуки ради.
3-й крестьянин

Вон у него за пазухой отдулось...
Что у тебя: мошна али коврига?
1-й крестьянин

Моя мошна-то по людям пошла,
Да и домой нейдет.
2-й крестьянин

Ты, видно, тоже
Бессребреник?
1-й крестьянин

Наг золота не копит!
Краюха есть в запасе, часом с квасом,
А то и так. С утра пошел из дома,
А брюхо – враг – вчерашнего не помнит.
2-й крестьянин

Тащи ее, ломай да нам давай!
Поделится!
Поп

Не о едином хлебе...
1-й купец

Да тише вы!
Подьячий

Вот дурья-то порода!
В боярские хоромы затесался,
Сидит, как гость; кадык-то свой распустит,
И не уймешь; не мимо говорится:
«Ты посади свинью...»
1-й крестьянин

Ты не гневися!
Мы замолчим: робята, жуйте тише!
Молчание.

2-й крестьянин

Чем так сидеть, давай перебиваться.
1-й купец

Да что вы, в хлев зашли?!
Подьячий

Позвать холопей
Да вытолкать вас в шею за ворота.
Входят калачник и юродивый.

Калачник

Судьям, дьякам и вам, отцы честные,
Гостям-купцам и прочему народу –
До матери сырой земли поклон.
(Садится на пол.)

Убогонький, садись со мной рядом!
Юродивый

Антихриста боюсь!
Конёв

А разве скоро,
Афоня, ждать его?
Юродивый

Пришел нежданный!
1-й купец московский

Не надивлюсь! Боярин, князь Василий
Иванович, людей торговых лучших
Равняет с площадными торгашами;
Идет к нему и умный и безумный,
И скоморох и думный дворянин.
Калачник

Да ты зачем к боярину-то ходишь?
Ума занять?.. А я своим торгую
По мелочи. Эх, бороды большие,
Вы рады бы простой народ заесть,
Да воли нет!
Мелочной торговец

(калачнику)

Куда тебя носило?
Ни по торгам, ни в лавках не видать...
Калачник

Я в Туле был.
Мелочной торговец

Зачем?
Калачник

Хотел в казаки...
Юродивый

Казак – поляк!
Калачник

Полякам да казакам
Житье пришло, Афоня; царь Димитрий
Вперед бояр к руке их допускает.
Бояр казаки чуть не бьют...
Юродивый

Боярин –
Татарин!
Калачник

Что за диво, что бояре –
Татаровья: царем татарин был!
1-й купец московский

Что было, то прошло! Теперь Димитрий
Иванович, царевич благоверный
От племени Владимира святого...
Юродивый

В могилке Дмитрий!
Подьячий

Мы тебе, блаженный,
И руки свяжем, да и рот замажем...
Калачник

Он простенький, с него взыскать нельзя.
Конёв

(дает серебряную копейку юродивому)

Блаженный, на копеечку! Молися

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
О грешных нас!
Мелочной торговец

(калачнику)

Ты говорил, в казаки..
Калачник

Охотой шел; да не горазд, сказали..
Мелочной торговец

Чего ж не стало?
Калачник

Воровать не ловок!
Чем воровать, так лучше торговать
Я золотыми, угорскими стану.
Цена теперь хорошая на них:
Нужда пришла царю нести в подарок.
1-й купец московский

А калачами полно?
Калачник

Пользы мало.
Вот накупи ты польских кунтушей,
Так наживешь, товар не залежится!..
Идет молва, что князь Рубец-масальский,
Петр Федорыч Басманов и другие
Хотят свои боярские кафтаны
На кунтуши сменять..
Подьячий

Язык-то длинно
Ты распустил, держал бы покороче.
Входят Осипов и дворецкий.

Осипов

Так не бывал?
Дворецкий

Всё там еще покуда,
В Коломенском стану, у государя.
Осипов

А скоро быть, ты чаешь?
Дворецкий

Да пора бы;
Ты погляди, его боярску милость
Народу сколько ждет – скопились.
Осипов

По́ что?
Дворецкий

Наехали из Новгорода, Пскова
Посадские царевича встречать,
Московские торговцы площадные,
Крестьяншки из ближних деревень,
Попы без мест, дьячишки из приказов,
Убогие и всякие сироты,
И деловой и шлющийся народ.
Не всякий видел очи государя
Димитрия Иваныча, так лестно
У нашего боярина проведать
Про царское здоровье; не слышать ли

Про милости какие для народа..
Не обессудь! Шум некакий в воротах,
Так побежать... Все как-то не на месте
Душонка-то холопская; все мнится,
Что вот наедет... Обожди часок.
(Уходит.)

Осипов

(у окна)

Приехал князь.
Все встают.

Калачник

(у окна)

А что-нибудь неладно!
Угрюм старик, нависли брови тучей,
Глаза горят и скачут. Ну, сироты,
Не лучше ль нам собираться восвосяси,
С добра ума, покуда не прогнали?
1-й купец московский

Прогонит раз, придем к нему в другой.
Подьячий

Тебе нужда, а у него их двадцать,
Да не чета бездельным нашим требам.
Все

Да знамо, знамо, что и говорить! –
Такие ли его дела!
Подьячий

Так часом
И не до нас... И отдохнуть захочет
От дел житейских.
1-й купец

Человек бо есть.
Калачник

То недосуг, то гневен, ну и в шею,
Не погневись.
Подьячий

Да хоть и погневися,
Кому нужда, кого ты испугаешь?
Поп

Смирен боярин, яко голубица,
И благости исполнен, претворяет
Свой гнев на милость вскоре, по писанью:
«Не зайдет солнце в гневе вашем...»
Калачник

Ну, брат,
Ты не скажи!
Дворецкий входит.

Дворецкий

Идет боярин, тише!
Входит Василий Шуйский; все кланяются по несколько раз в землю.

Василий Шуйский

(в раздумье останавливаясь перед Осиновым)

Никто, как Бог! Никто, как Бог!
Осипов

Боярин!
О здравии твоём позволь проведать!
Василий Шуйский

(оглядывает всех, потом кивает головой к дверям)

Дворецкий из-за него машет рукой.
Я позову, кого мне нужно будет.
(Садится к столу; все уходят, кроме Осипова.)

Осипов

Коль не в пору, так я и ко двору.
Василий Шуйский

Нет, обожди часок! За прегрешенья
Казнит Господь рабов своих не редко,
Да все не так же! Горе всем живущим!
Молчание.

Ты был в стану?
Осипов

Я быть-то был...
Василий Шуйский

Ну, что же?
Осипов

Смешение языков, песни, грохот,
Пальба, стрельба, бесовское гуденье!
Далеко гул идет по чисту полю,
И мать сыра-земля верст на семь стонет;
Для русского крещеного народа
Позорище противное зело!
Василий Шуйский

Царя-то видел?
Осипов

Точно ефиопы,
Кругом него поляки, да черкасы,
Да казаки донские оттирают
И поглядеть поближе не дают.
Молчание.

Василий Шуйский

Ну, что ж молчишь?
Осипов

Спросить бы, да не смею.
Василий Шуйский

Чего бояться! Развяжи язык!
Осипов

(подвигаясь к Шуйскому)

Чернец?
Василий Шуйский

Ну нет, не чернецом он смотрит...
Ошиблись мы с Борисом. Монастырской
Повадки в нем не видно. Речи быстры
И дерзостны, и поступью проворен,
Войнолюбив и смел, очами зорок,
Орудует доспехом чище ляхов
И на коня взлетает, как татарин;
А чернеца не скоро ты обучишь
Вертеть конем ногайским или саблей.
Осипов

Умом я прост, а душу соблюдаю,
Геенского огня боюсь безмерно!
Скажи, кому мы крестным целованьем
Свою навеки душу заручили?
Василий Шуйский

Он – вор, не царь, и сходства очень мало
С покойником; не царская осанка,
Вертляв, и говорлив, и безбород,
Обличие и поступь препростые,
Не сановит, да и летами старше.
Осипов

А кто ж бы он? Ты как мекать изволишь?
Василий Шуйский

Крестись, Тимоша!
Осипов

С нами крестна сила!
Василий Шуйский

Антихрист он или его предтеча.
Осипов

О Господи помилуй! Эко слово
Ты вымолвил!
Василий Шуйский

И верить и не верить
Ты сам волен.
Осипов

Василий, свет Иваныч,
Не мучь меня! Душа велико дело.
Василий Шуйский

Не знаю, друг, похоже-то похоже,
А заверять не стану: ошибешься,
Да и тебя введешь в обман и грех.
Что он поляк и езовитской веры –
Вот это верно, Бог тебе порукой.
Осипов

Боярин, ты убил меня! Ну, как же
Еретику служить! Святая церковь
Противиться велит до смерти крестной.
Василий Шуйский

Ты что толкуешь! Умирать за веру!
Тебя ли хватит на такое дело!
Осипов

В моей душе ты не бывал, боярин.
Василий Шуйский

Ты не смечи!

Ты погоди смеяться,
Не торопись.
Василий Шуйский

Вот новый страстотерпец!
В московские угодники задумал?
Не к рылу честь! Таких речей нелепых
Ни говорить, ни слушать непригоже...
Служи Царю по крестной клятве, вправду,
И всякого добра ему желай!
Ты – молодой слуга, себе ты должен
Искать богатства и служилой чести!
Покаешься под старость во грехах;
Служи пока мамону!
Осипов

Ты, боярин,
Меня в тоску вогнал и закручинил,
До слез довел; мне жизнь теперь постыла.
Василий Шуйский

Назавтра въезд, так приходи к пречистой,
Ко всенощной, молиться за царя!
Осипов

Прости, боярин. Эко дело, право!
(Уходит.)

Входит дворецкий.

Василий Шуйский

Пусти Конёва!
Дворецкий уходит, входит Конёв.
Что, Конёв, ты скажешь?
Конёв

Да что сказать! В миру погибла правда,
Простор врагу. Бесовское мечтанье
Осытило проклятую Москву.
Ослеп народ, и смотрит, да не видит!
Царевичем расстригу величают.
Василий Шуйский

Неужто все?
Конёв

Да, почитай что все:
Крестьяне сплошь, торговцы мелочные,
Разносчики и площадная голь
От радости ликуют – даровое
Зачуявши вино. Из нашей братьи,
Торгующих, боярин, двое только
Шатаются! и верят, и не верят...
Привел к тебе.
Василий Шуйский

Да люди-то надежны ль?
Конёв

Церковные строители, любимцы
И ближние святому патриарху,
Ревнителю о православной церкви.
Василий Шуйский

Ну, милости прошу. Пускай войдут.

(отворив дверь)

Не бойтесь боярина, идите!
Входят двое купцов.

Василий Шуйский

Какое ваше дело?
1-й купец

Мы – сироты,
За спасеньем пришли к тебе, боярин.
Василий Шуйский

Я вам не поп!
1-й купец

К святому патриарху
Ходили мы, бывало, за советом
О всех делах, духовных и мирских...
2-й купец

Женить ли сына, дочь ли выдать замуж,
Когда купить, когда продать товары
Повыгодней – за всем к нему ходили.
Василий Шуйский

Чего же вам?
1-й купец

Пришли за утвержденьем.
На чем стоять...
2-й купец

Ты вместо патриарха
Отцом нам будь! Наставь и накажи!
Василий Шуйский

Какого же вы, братцы, наказанья
желаете?
1-й купец

Доподлинный царевич
В Коломенском иль вор и чернокнижник –
Смущаемся.
Конёв

Уверь ты их, боярин,
Не верят мне, что вор, расстрига, Гришка,
Богданов сын, Отрепьев, по совету
Дьяволю на царстве утвердился.
1-й купец

Боярин, так?
Василий Шуйский

Чего же вам еще!
2-й купец

Отрепьев ли?
Василий Шуйский

Отрепьев.
1-й купец

Побожися!

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Дай руку!

Василий Шуйский

Вот рука, зачем божиться!
Я целовал икону всенародно
И с лобного сказал, что он – Отрепьев.
Конёв

Ну, слышали?
1-й купец

Спасибо, князь Василий
Иванович! Не погневись за нашу
Любовь к тебе и дурасть! Мы за ласку
Боярскую челом тебе! Напредки
Не оставляй нас, мужиков...
2-й купец

Боярин,
А жить-то как? Приказывай! Что скажешь,
Тому и быть.
Василий Шуйский

Живите как хотите.
Терпи, поколь потерпится.
1-й купец

А если...
Василий Шуйский

Никто, как бог, и кончен разговор.
1-й купец

Мы в Старицу собираемся, боярин,
В темнице патриарха навестить.
Допустят ли нас к Иову?
Василий Шуйский

Пытайтесь!
Конёв

Не будет ли приказу от тебя?
Василий Шуйский

Приказу нет. Поклон земной свезите
(кланяется, касаясь рукой до земли)

И нерушимое благословенье
Мне попросите!
Конёв и купцы
С миром оставайся!
Уходят.

Василий Шуйский

(один)

Сегодня трое, завтра будет больше,
А через месяц вся Москва – моя.
Безвестный царь, бродяга безымянный,
Душой поляк: как девка, малодушен;
Как малолеток, падох на утехи;
Как скоморох, без разума проворен;
Как пьяный дьяк, болтает без умолка.
Он вскормленник прямой панов хвастливых!
Недолго ждать, он прыть свою покажет,
И скоро люд московский, православный,
Бесчиния такого на престоле

Насмотрится, чего во сие не снилось!
Забвения отеческих преданий,
Кошунства иноземцев над святыней,
На грозном троне шутовских забав
Народ не любит. Грозному Ивану
Народ простил распутства, злодеянья,
Мучительства безропотно стерпел –
За сановитость царскую, за строгость
Его лица и поступи, за чинность
И набожность. Москва привыкла видеть,
Как царь ее великий, православный,
На высоте своей недостижимой
Одной святыне молится с народом,
Уставы церкви строгие блюдет,
По праздникам духовно веселится,
А в дни поста, в смиренном одеянье,
С народом вместе каяться идет;
Но скомороха на престоле царском
Терпеть не станет! Рано или поздно
Бродяга, царь московский самовольный,
Поплатится удалой головой.
Потом... потом... я – царь. Начнется снова
И благолепие, и чинность, и порядок.
По-старому мы царствовать начнем,
По-старому, в день нашего венчанья,
По всей Руси, под колокольный звон,
Польются милости народу щедро;
По-старому грозить полякам будем,
Пугать татар; по-старому... бояться
Изменников!.., волжбы и чародейства!
По-старому... боярская крамола!
О Господи!.., измены да опалы!
Ха-ха, ха-ха! Тревоги да крамолы!
Бояться их? Рожденному на троне
Тяжка она – корона Мокомаха!
А мне, рабу, холопу Годунова,
Почувствовать себя хоть раз владыкой,
Почувствовать, что между мной и Богом
Ни власти нет, ни силы! О!.. Каких же
Тревог, забот я побоюсь, какими
Крамолами во мне смутится сердце!
Решился я! Отныне каждый помысл
И каждый шаг ведут меня к престолу;
Умом, обманом, даже преступленьем
Добьюсь венца. О Господи! помилуй
Нас, грешников!
(Молчание.)

Богданка, где ты?
Входит дворецкий.

Дворецкий

Ась?
Василий Шуйский

Зови народ! Кого, чего им нужно?
Калачника с блаженным на поварне
И накормить, и ночевать оставить,
И рано утром привести ко мне.
Дворецкий отворяет дверь; входят купцы, подьячие, странники и проч.

Василий Шуйский

Ну, живы ль вы?
Купцы

По милости Господней!

Ходили в стан?
Купцы

Ходили. – Все ходили.
Василий Шуйский

А грамоты вам чли? Царевич Дмитрий
И пошлины и подати во льготе
И облегченьи учинить велел.
По милости своей и по совету
Бояр великих. Ну! Вы рады?
Купцы

Рады –
Благодарим небесного Царя.
Василий Шуйский

(прочим)

Крестьяне, вам, и вам, отцы честные,
И вам, и вам всем будет хорошо!
(Купцам.)

Ну, вот у вас и денег больше будет,
И животных прибудет.
Купцы

Мы, боярин,
От радости себя не помним.
Василий Шуйский

То-то ж!
За деньги-то смотрите не продайте
Чего другого, что дороже стоит.
Купцы

Хоть умереть, а не понять ни за что
Твоих речей.
Василий Шуйский

Захочешь, так поймешь.
Душа нужна, а деньги – тлен.
Подьячий

(подавая свиток)

Боярин,
Я, многогрешный Богови и грубый,
Писанием предати покусихся –
Читающим на пользу и на память –
Восшествие исконного царя
На прародительские царства, еже
Очима видехом...
Василий Шуйский

Запел ты рано!
Не торопись! Не в сутки город строят.
Не под дождем, мы лучше подождем.
(Отдает свиток)

Ты через гол приди, и почитаю.
Купец

Кругом царя мы иноверцев видим;
Дозволь спросить, прилежен ли димитрий
До церкви Божьей?

Царь благочестивый
И набожный: с ним два попа латинских...
Ну, с богом! Эй, Богданка! Бочку меду
Им выкати! Да потчуй хорошенько.
Чтоб пили все за царское здоровье.
(Машет рукой, все уходят с поклонами.)

Входит быстро Дмитрий Иванович Шуйский.

Дмитрий Шуйский

Василий, брат, за что же ты остаток
Широкого и славного потомства
Василия Кирдяпы вдосталь губишь!
Последние мы четверо остались
Без племени...
Василий Шуйский

Да что как угорелый
Ты мечешься?
Дмитрий Шуйский

Из стана я, Василий...
Душа моя во мне захолодела.
Послушай ты меня!
Василий Шуйский

Тебя послушать.
Так доброго не ждатель! Ты, Дмитрий, глуп.
Дмитрий Шуйский

Я глуп не глуп, а голову жалею.
В запасе нет, всего одна на плечах.
Вот ты умен, а над собой не видишь
Погибели. Четвертый день мы ездим
С поклоном в стан, а проку что? Все хуже:
Между бояр смешки идут да шепот;
А царь, что день, грознее да грознее.
Чем это пахнет? Плахой либо ссылкой
И печною опалой!
Василий Шуйский

Плакать, что ли,
И кланяться?
Дмитрий Шуйский

Иди скорей на площадь,
Сбери народ, клянись перед иконой,
Что в Угличе ты хоронил другого;
Что Дмитрий жив, что подлинный царевич,
Царя Ивана сын, на трон вступает!
Винись во всем; скажи, что страха ради
Борисова вы лгали с патриархом.
Иди теперь, а завтра будет поздно.
Богдашка Бельский да Голицын Васька
По площадям и в улицах московских
Одно твердят, что Шуйский с патриархом,
Изменники цареви, обманули
И довели до клятвопреступленья
Народ в Москве; а ты молчишь и губишь
Себя и нас!
Василий Шуйский

А чем же мне заплатят
За ложь мою? Насмешками, что поздно
Опомнися, что раньше нужно было

Покаяться. Меня на то и ловят,
Да не поймать! Я даром лгать не стану.
Я хоронил царевича; я знаю,
Кто жив, кто нет; один я правду знаю..
Им ложь нужна, а я почет люблю.
Я подожду, куда мне торопиться;
Придет пора, и правда пригодится.
Дмитрий Шуйский

Опомнись, брат! Мы на волос от смерти.
Василий Шуйский

Уж лучше смерть; позор еще тяжеле!
Не сладко жить без чести, быть холопом
Басманова и Бельского с Масальским!
А говорят: «Спесивый Дмитрий Шуйский!»
Ну где же спесь твоя! Лишь в том, что кверху
Ты бороду дерешь, да слова толком
Не вымолвишь, ворчишь, как кот запечный!
Дмитрий Шуйский

Да не до жиру, брат, а быть бы живу!
Василий Шуйский

Не Шуйский ты! Наш род в последних не был;
Немало нас погибло смертной казнью;
Мы шли на смерть, а чести не теряли.
Благовест. Василий Шуйский крестится, берет шапку и трость.

Ко всенощной! Помолимся усердно
Пред Господом о крепости и силе
В борьбе с врагом. Для нас теперь, димитрий,
Нет выбора другого: или плаха,
Иль золотая шапка Мономаха!
Уходят.

Сцена вторая
ЛИЦА:

Дмитрий Иванович, самозванец.

Мстиславский, князь Федор Иванович.

Шуйский, князь Василий Иванович.

Шуйский, князь Дмитрий Иванович.

Голицын, князь Василий Васильевич.

Воротынский, князь Иван Михайлович.

Куракин, князь Иван Семенович.

Рубец-Масальский, князь Василий Михайлович,

Басманов, Петр Федорович.

Бельский, Богдан Яковлевич.

Ян Бучинский, секретарь Дмитрия.

Яков Маржерет, капитан немецкой роты.

Корела, донской атаман.

Куцька, запорожский атаман.

Савицкий, иезуит.

Конёв.

Калачник.

Десятские, венгры, поляки, запорожцы, казаки, татары, немцы, польские латники, бояре, дворяне, купцы, стрельцы и всякий народ обоего пола.

Кремль.

(20 июня 1605 года)

Налево дворец, направо Архангельский собор; у Красного крыльца Маржерет и немецкая стража; от крыльца до собора стрельцы и польские латники. Вся площадь и здания покрыты народом; впереди, между народом, Конёв и калачник. Колокольный звон и музыка. Бояре: Мстиславский, Василий и Дмитрий Шуйские, Воротынский, Голицын, Куракин, Масальский, Бельский – выходят из Успенского собора и становятся подле крыльца. Мстиславский, в сопровождении двух бояр, идет во дворец и возвращается с хлебом и солью. На ступенях крыльца Савицкий.

Голоса в народе

К Архангелу, к родителям пошел!

1-й голос из народа

Какой народ за ним! Все в разном платье.

2-й голос из народа

Известно кто: черкасы, угры, ляхи.

1-й голос из народа

Крещеные?

2-й голос из народа

А кто их знает!

Конёв

Бесы.

1-й голос из народа

Ну, полно ты! Бесов сейчас узнаешь.

Конёв

Отведены глаза, на нас мечтанье

Напущено.

Калачник

А ты узнаешь беса?

Так вон гляди! как есть в своем наряде.

(Показывает на Савицкого.)

1-й голос из народа

И то ведь бес. Смотрите-ка, робята!

Конёв

Мы прокляты, живем без благодати,

И волен бес над нами: патриархом

Мы отданы ему во власть; он кажет

что хочет нам, а мы глядим и верим.

1-й голос из народа

Да вправду ли?

Конёв

Молчи да слушай, глупый!

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Басманов выходит из Архангельского собора.

Басманов

Десятские и сотские, смотрите,
Чтоб тесноты от множества народа
Не сталося, да накрепко блюдите,
Чтоб пустотных речей не говорили.
А буде кто лишь только заикнется
О вымысле нелепом Годунова
И патриарха, взять его скорее
За приставы, потом ко мне привести.
Калачник

Боярин наш Петр Федорыч, сироты
Мы бедные, дозволю взглянуть поближе
На батюшку, на наше солнце красно.
Басманов

Ты кто таков?
Калачник

Калачник, государь.
Басманов

Почем меня ты знаешь?
Калачник

Как, боярин,
Не знать тебя? Кто всех бояр храбрее?
Кто всех умней? Петр Федорыч Басманов.
Басманов

Ты с виду прост, а не дурак, я вижу.
Ну, рад ли ты, калачник, государю?
Калачник

Уж так-то рад, что и сказать нельзя;
Пригожих слов, по глупости, не знаю.
Басманов

(десятскому)

Пустить его поближе.
(Отходит.)

Калачник

(десятскому)

Я, робята,
Вам помогать.
Десятский

Ну ладно, встань вот здесь,
Поталкивай, осаживай назад!
Мстиславский

(на крыльце)

Веселый день, играет солнце красно
На золоте крестов церковей соборных.
Голицын

Пора взыграть и солнышку над нами!
В час утренний, с высоких сих ступеней,
При ярком блеске солнца над Москвой,
Прошедшее каким-то сном тяжелым,

Мучительным, минувшим невозвратно,
Мне кажется. Великие потомки
Князей удельных и бояр исконных,
Мы не жили, мы только трепетали:
Не сон ли то, что царь Иван нарочно,
По выбору, губил мужей совета
И воевод, бестрепетных во бранях?
Куракин

Ему царей татарских покоряют
И города немецкие берут,
От крымских орд Москву оберегают,
А он, едва опомнившись от страха,
На сковородах железных воевод
Огнем палит и угли подгребают!
Воротынский

Напомнил ты родителя кончину,
Победоносца князя Михаила
Иваныча, спасителя России,
И опечалил сыну ясный день.
Бельский

А легче ль нам от Годунова было?
Ты то скажи, Ивана-то оставь.
Голицын

Терпели мы владык своих законных
Столетний гнев, потомков Мономаха,
А выходцев ордынских с корнем вон.
Бельский

Ох, речи смелы!
Голицын

Время таково.
Ты не привык; ну, ничего, привыкнешь.
Куракин

К мучительству труднее привыкать,
А к воле легче.
Голицын

Да, настало время
Вздохнуть и нам. Димитрий, Богом данный,
Видал иные царства и уставы,
Иную жизнь боярства и царей;
Оставит он татарские порядки;
Народу льготы, нам, боярам, вольность
Пожалует; вокруг трона соберет
Блистательный совет вельмож свободных,
А не рабов, трепещущих и льстивых,
Иль бражников опричнины кровавой,
На всех концах России проклятой.
Мстиславский

Веселый день!
Василий Шуйский

И царь у нас веселый:
Сам молится, а музыка играй!
Повеселить отцов и дедов хочет.
Давно они в тиши гробниц смиренно,
Под пение молебное, под дымом
Кадильных ароматов, почивают
И музыки доселе не слыхали...
Прими, Господь, и упокой их души,
Князей великих, сродников моих,

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Царей, цариц и чад их благоверных,
Скончавшихся и здесь похороненных,
Царя Ивана, Федора-царя!
Мстиславский

Неладно, князь Василий, княж Иваныч!
Ты знаешь сам, в день радости царевой
Речей и лиц печальных не бывает;
Все веселы.
Василий Шуйский

Промолвился оплошкой.
Бельский

В церквах поют задравные молебны,
А он оплошкой панихиду начал.
Басманов

О здравии молись! За упокой-то
Ты сродников своих помянешь после.
Масальский

Ты подожди родительской субботы.
Дмитрий Шуйский

Обмолвился, не всяко лыко в строку
Бельский

Царя Ивана рано позабыли:
Оплошек не было; за них он на кол
Сажал, бывало.
Василий Шуйский

Нет, Иван-то только
Приказывал, сажал-то ты с Малютой
Скуратовым.
Мстиславский

Молчать бы нам, бояре,
Пригожее.
Василий Шуйский

Я замолчу, я смирен.
Басманов

Не бойся злой собаки, бойся смирной.
Куракин

(тихо Голицыну)

А Бельский все Ивана вспоминает;
Кому что мило, тот про то и грезит.
Голицын

У них в крови с Басмановым холопство;
По их уму; не хам – так не слуга.
Масальский

(тихо Басманову)

А Шуйский все родней своей кичится.
Басманов

Как ни кичись, родней родного сына
Не сделаться.
Дмитрий Шуйский

(тихо Василию Шуйскому)

Голицыным все воли
Недостает.
Василий Шуйский

По Курбскому пошли;
Литва мила, завидно панам-раде!
Десятские

(у собора)

Идет, идет! – Давай дорогу шире! –
Проваливай!
Калачник

Да ты лупи их крепче!
Затылок наш к побоям притерпелся.
Ты православной шеи не жалеи!
Дмитрий выходит из собора, за ним бояре и дворяне, Бучинский, поляки, венгры,
запорожские и донские атаманы Корела и Куцька. Звон и музыка.

Весь народ
Отец ты наш! ты наше солнце красно!
Мстиславский

Пресветлый царь и князь великий Дмитрий
Иванович!
Дмитрий останавливается пред Маржеретом.

Василий Шуйский

Не торопись, поспеешь!
Боярам честь потом, а немцам прежде.
Дай с немцами ему наговориться.
Дмитрий

Ну, Маржерет, мой храбрый капитан!
Вы – молодцы, вы бьетесь лучше русских.
Ты – мой слуга! Я знаю, ты не станешь
Жалеть врагов моих; а так же больно
Побьешь и их, как нас тогда побили
В Добрыничах. Ты что на это скажешь?
Маржерет

Votre majeste![1] Доколе капля крови
Французская останется во мне,
Я ваш слуга; я только жажду часу,
Чтоб показать пред вашими глазами
И преданность французскую и храбрость,
И умереть пред вашим Majeste!
Дмитрий

Добрынской битвы долго не забудешь!
Побили нас! О боже, як побили!
(Обращаясь к Куцьке.)

Надейся вот на этих атаманов;
Вы, лыцарство, всех прежде утекли.
Куцька

Да дуже ж бьются нимци, вражи диты.
Дмитрий

Вперед бегут, как дурни, запорожцы;
За ними вслед донские казаки.
Корела

И побежишь! Крещеные мы люди,

А немцам что... им черти помогают.
Куцька

Ось так! Ось так! Корела правду каже,
як бы не бис, мы б, мабуть, не втекли.
Дмитрий

(Маржерету)

Придет пора, тогда тебя я вспомню;
Я здесь, в Москве – среди своих детей,
И мне не нужно иноземной стражи.
А вот начнем войну с султаном турецким,
Тогда пойдем, мой храбрый Маржерет,
Зубрить мечи и бердыши стальные
О бритые затылки бесермен.
Мне хочется померяться с тобою;
Ты храбр, а я завистлив; ты, я знаю,
доволен будешь мной, *jak boga Kocham!* [2]
Маржерет

vive l'empereur! [3]
(Солдатам.)

Ruft: «Hoch! vivat der Kaiser!» [4]
Немцы

Vivat! hoch! hoch!
Калачник

Заохали, собаки.
В народе смех.
Мстиславский

Пресветлый царь и князь великий, Дмитрий
Иванович, всея Руси, Божьим
Произволением чудно сохраненный
И покровенный крепкою десницей
Наш государь и самодержец, ныне
Пожалуй нас, вступи в свои хоромы
И на отеческом престоле сядь!
Дмитрий

Мне Бог вручил московскую державу
И возвратил родительский престол.
От юных лет невидимую силой
Я сохранен для царского венца.
Изгнанником безвестным я покинул
Родной земли пределы – возвращаюсь
Непобедимым цесарем, карая
Врагов своих и милуя покорных.
И радостно вступаю в отчий дом
Творить и суд и милость. Вам, бояре,
Мы скажем завтра жалованье наше.
Сегодня пир; гостей иноплеменных
Мы удивим московским хлебосольством.
(К народу.)

По площадям велю вина поставить –
Гуляйте все с утра до поздней ночи
На радости о нашем возвращенье.
Народ

Храни тебя Господь на многи лета
И одоленье даруй над врагом!
Бельский

Великий царь, дозвожь ты мне, холопу,

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e

Усердие явить перед тобою!
Мы, государь, с Барановым, с Масальским
Хотим скакать к народу – благо, много
Сошлось его с окольных деревень –
И с лобного поклясться всенародно
(срывая с шеи крест),

Целую сей животворящий крест,
Что ты наш подлинный царевич Дмитрий,
Почившего царя Ивана сын.
Дмитрий

Зачем скакать и всенародно клясться!
Народ меня не позабыл и любит.
Ты видел сам сегодняшнюю встречу,
И моего приказу нет тебе.
Но если ты усердствовать желаешь,
Благодарю, я воли не снимаю.
Скачи к народу, говори, что знаешь...
Идем наверх!
Иезуит

Te Deum laudamus! [5]
Дмитрий

За нами, pater! [6]
Уходит во дворец, за ним Мстиславский, Голицын, Дмитрий Шуйский, Воротынский,
Куракин и другие: Василий Шуйский останавливается на слова Бельского.

Бельский

(Басманову)

Едем!
(Шуйскому.)

Князь Василий!
За нами, что ль? Оно бы не мешало
Поправить грех, покаяться народу.
Василий Шуйский

Не ты б молол, не я бы это слушал!
Тебе учить меня не довелось.
Я стар, Богдан, да на подъем не легок.
Басманов и Масальский помоложе,
И молода боярская их честь.
Ну, пусть они и скачут вперегонку
С черкасами и польскими панами;
А мне с Мстиславским в царские хоромы –
Хозяина встречать.
(Остальным боярам.)

Идем, бояре!
Уходят.

Бельский

Петр Федорыч, ты – ближний государю,
Ужли стерпеть обиду от Василья?
Масальский

Не выдай нас! Тебе стерпеть обиду,
Так нам житья от Шуйских не видать.
Басманов

Нет, я не дам себя обидеть даром,
Не дам себе дорогу перейти.
Я поклялся царю и государю

Беречь его и выводить измену;
Изменников найду я в думе царской
И выведу царю измену их.
Подходит десятский.
Чего тебе? Что надо?
Десятский

Мы, боярин
Петр Федорыч, купчину изымали:
Мutil народ и пустотные вести
Рассказывал о старом патриархе.
Басманов

Кто он такой?
Десятский

Прозванием – Конёв.
Басманов

Хоть побожусь, что он подослан Шуйским.
Ко мне его, а вечером к допросу.
Поедемте!
(Полякам.)

Поедемте, паны!
Бучинский

Пахóлик [7], кóня!
Запорожцы

Хлопци! Кóней живо!
Уходят.

Сцена третья
ЛИЦА:

Дмитрий Иванович, самозванец.

Басманов, Петр Федорович.

Савицкий, иезуит.

Ян Бучинский. секретарь Дмитрия.

Золотая палата.

(21 июня 1605 года)

Дмитрий и Басманов входят.

Дмитрий

Так вот она – палата крепкой власти
И грозных дум, святой и неприступный
Приют царей!.. По золотому полю
Тяжелое и строгое письмо..
Так прочно все, такое вековое!
Вот старый трон; на нем мой брат Федор
Сидел в мечтах о житии небесном,
О царственных заботах не радея.
Отец Иван для буйств своих татарских
Святую тишь палаты покидал
И в слободе кромешной запирался;
А здесь сидел, посаженный для смеха,
Крещеный царь татарский, богомольный,
Судил народ и жил благочестиво..

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Где он теперь?
Басманов

Про князя Симеона
Ты спрашивать изволишь? Годуновым
Он сослан был: Борис его боялся.
Он в вотчине, в Кушалине селе;
Слепой старик, едва волочит ноги.
Дмитрий

(с усмешкой)

Великий князь и царь всея России –
В изгнании! Гонцов к нему отправить,
Привезть опять в Москву с большим почетом
И величать по-прежнему царем.
Басманов

Но, государь...
Дмитрий

Басманов! Мне ль бояться
Татарина! Я не Борис. Я милость
Дарю всем опальным годуновским!
Довольно мук, Басманов! Ныне милость,
Одна лишь милость царствует над вами.
Басманов

Ты милостью себя навек прославишь,
Но без грозы ты царством не управишь.
Дмитрий

Не диво мне такие речи! Править
Вы знаете одно лишь средство – страх!
Везде, во всем вы властвуете страхом:
Вы жен своих любить вас приучали
Побоями и страхом; ваши дети
От страха глаз поднять на вас не смеют;
От страха пахарь пашет ваше поле;
Идет от страха воин на войну;
Ведет его под страхом воевода;
Со страхом ваш посол посольство правит;
От страха вы молчите в думе царской!
Отцы мои и деды, государи,
В орде татарской, за широкой Волгой,
По ханским ставкам страха набирались
И страхом править у татар учились.
Другое средство лучше и надежней –
Щедротами и милостью царить.
Басманов

Великий царь, являя свои щедроты
И милости несчетные; но, ради
Сирот твоих, для нашего покоя,
Жалей свою венчанную главу!
(Становится на колени.)

Не дай расти и созреть измене!
Изменников казни!
Дмитрий

(быстро)

А где измена?
Изменник кто?
Басманов

Боярин твой великий,

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Василий Шуйский. Проследил измену
И вывел я; она ясна как день.
Дмитрий

Не верю я. Владычество тирана
Пугливого вас приучило видеть
Изменников везде.
Басманов

Бояр пронырство
Неведомо тебе, ты с нами не жил.
Грозна была опала государей,
Родителей твоих и Годунова;
Но если б знать ты мог бояр крамольных
Все помыслы, ты казням бы Ивана
Не подивился. В самой преисподней,
На самом дне клокочущего ада,
Не выковать таких сетей, какими
Они тебя и Русь опутать могут.
Великий царь, не верь своим боярам,
Не верь речам, улыбкам и поклонам –
Казни ты их направо и налево,
А Шуйского вперед – он всем начало.
Дмитрий

Ужасен смысл речей твоих, Басманов!
Ты холодом меня обвеял. Думал
Я милостью привлечь сердца народа,
А ты казнить велишь.
Басманов

Я умоляю.
Входит иезуит Савицкий.

Дмитрий

(Басманову)

Я никого не осужу один
И не пролью ни капли крови русской!
Над Шуйским суд назначить в нашей думе
Из выборных от всех чинов народа
И дать ему все средства оправдаться.
Оставь меня! Бучинского пошли!
Басманов уходит.
Ты здесь был, pater?
Иезуит

Как тебе угодно:
Коль хочешь-здесь, не хочешь – нет меня.
Monarcha invictissime![8]
Дмитрий

Свершились
Пророчества твои: престол московский
Мы заняли.
Иезуит

Что трудно человеку,
То Господу легко. Небесный промысл
Ведет тебя, путем прямым и верным,
К величию; да ведают народы,
Что твой оплот, что твой руководитель
Не есть иной кто, nisi Deus noster![9]
Да ведаешь и ты, что избран Богом
Для дел великих. Ни мирская слава,
Ни гром побед да не прельстят тебя!
Святая церковь ждет побед духовных;

Давно умы святейших наших пап
Обращены на этот север дальний;
Давно они московских государей,
Схизматиков, апостольского трона
Чуждавшихся, к спасению зовут
И, scilicet[10], к спасенью их народов.
И ныне наш universalis pater[11],
Святейший Павел Пятый, умоляет
Всевышнего, да дарует он силу
Димитрию, второму Константину,
Овец заблудших дома своего
Привести к стопам наместника Христова!
Дмитрий

(рассеянно)

Бучинского ко мне!
Иезуит

(пожимая плечами)

Он – лютеранин!
(Уходит.)

Бучинский входит.

Дмитрий

На Шуйского донос; но я не верю
Басманову: он ослеплен враждою
И слишком предан мне. Василий Шуйский
Умнее всех бояр; его осудят,
Сомненья нет. И вот, Бучинский, средство
Из бывшего врага мне сделать друга
И лучшего слугу!
Поздравить папу
Со днем вступленья на престол Петра.
Пиши ему учтивостей побольше!
А вместо прежних наших обещаний –
Вводить латинство – мы теперь напишем,
Что мы не праздны на престоле царском.
Что мы, для пользы и для блага церкви,
Хотим начать войну с султаном турецким.
А между тем поди скажи Игнатью,
Чтоб грамоты теперь же заготовил
И разослал, как будет патриархом,
По городам, чтобы молебны пели
За нас, царя и за царицу-мать
И Господа просили, да возвысит
И вознесет он царскую десницу
Над бесерменством и латинством.
Бучинский

Мудрость
В лице твоём воссела на престоле.
Дмитрий

Поди, пиши, Бучинский!
Бучинский уходит.

Сиротливо
В душе моей! Расписанные своды
Гнетут меня, и неприветно смотрят,
Не родственно, таинственные лики
Из темной позолоты стен угрюмых...
Мне рада Русь, но ты, холодный камень,
Святым письмом расписанный, ты гонишь,
Ты трепетом мою обвеял душу –

я здесь чужой! Сюда без страха входят
Отшельники святые только или
Московские законные цари...
Гляжу и жду, что с низенького трона
Сухой старик, с орлиными глазами,
Поднимется и взглянет грозно... грозно!
И зазвучит под сводами глухими
Презрительно–насмешливая речь:
«Зачем ты здесь? Столетними трудами
И бранями потомство Мономаха
Среди лесов Сарматии холодной
Поставило и утвердило трон,
Блистающий нетелеными венцами
Святых князей, замученных в Орде,
Окутанных одеждой херувимской
Святителей и чудотворцев русских, –
Гремящий трон! Кругом его подножья
Толпы князей, склоненные, трепещут
В молчании... Бродяга безбородый!
Легко тебе, взлелеянному смутой,
Внесенному бурливыми волнами
Бунтующей Украины в сердце Руси,
Подъятому преступными руками
Бояр крамольных, взлезть на опустелый
Московский трон с казацкого седла:
Вскочить легко, но усидеть попробуй!»
Отец названный! Я себя не знаю,
Младенчества не помню. Царским сыном
я назвался не сам; твои бояре
Давно меня царевичем назвали
И, с торжеством и злобным смехом, в Польшу
На береженье отдали. Не сам я
На Русь пошел; на смену Годунова
Давно зовет меня твоя столица;
Давно идет по всей России шепот,
что Дмитрий жив. Опальное боярство
Из монастырских келий посылало
ко мне в Литву, окольными путями,
Своих покорных, молчаливых слуг
на Годунова с челобитьем. В Польше
Король меня царевичем признал,
Благословил меня на царство папа,
Царевичем зовут меня бояре,
Царевичем зовет меня народ,
Усыновлен тебе я целой Русью!
Не твой я сын; а разве Годуновы
Наследники тебе? А разве Ромул,
Пастуший сын, волчицею вздвоенный,
Царем рожден?
Как сон припоминаю,
что в детстве я был вспыльчив, как огонь;
И здесь, в Москве, в большом доме боярском,
Шептали мне, что я в отца родился,
и радостно во мне играло сердце.
Так кто же я?.. Ну, если я не Дмитрий,
То сын любви иль прихоти царевой...
я чувствую, что не простая кровь
Течет во мне; войнолюбивым духом
кипит душа – побед, корон я жажду,
Мне битв кровавых нужно, нужно славы
и целый свет в свидетели геройства
и подвигов моих. Отец мой грозный,
Пусти меня! Счастливый самозванец
и царств твоих невольный похититель,
я не возьму тиранских прав твоих –
Губить и мучить. Я себе оставлю
одно святое право всех владык –
Прощать и миловать. Я обещаю

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Прославить Русь и вознести высоко,
И потому теперь сажусь я смело
На сей священный, грозный майestat.
Сцена четвертая
ЛИЦА:

Дмитрий, самозванец.

Бояре:

Мстиславский.

Василий Шуйский.

Голицын.

Воротынский.

Куракин.

Бельский.

Масальский.

Басманов.

М. В. Скопин-Шуйский, великий мечник

В. Щелкалов, дьяк.

Окольничие, думные дворяне, выборные люди, рынды, стражи.

Грановитая палата.

Трон; по обе стороны трона скамьи; близ трона на столе три короны царские.

(24 июня 1605 года)

Мстиславский, Воротынский, Голицын, Масальский, Бельский, окольничие, дворяне, выборные люди, дьяк Щелкалов.

Входит Дмитрий, впереди его рынды и Скопин-Шуйский с мечом, за ним Басманов.

Дмитрий

(перед коронами)

Короны царств моих! Еще корону
желал бы я прибавить к этим трем –
Корону Крыма. Если ж наше счастье
Послужит нам, то, с помощью Польши
И императора, врагов Христовых
Мы выгоним из царства Константина;
И завоюют вере христианской
Иван – Казань, а Дмитрий – Византию.
(Садится на трон.)

Все садятся по своим местам; Скопин-Шуйский с мечом и Басманов становятся по сторонам трона. Рынды впереди.

Щелкалов

Великий царь и государь Димитрий
Иванович всея России созвал
Бояр своих, окольничих, дворян
и вас, житые, выборные люди[12].

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e

Для государского большого дела!
Его боярин, князь Василий Шуйский,
Забыв Господень страх, а целованья
И милостей царя к себе не помня,
Виновен стал ему в изменном деле.
Дмитрий

Ни гнева, ни вражды я не имею
На Шуйского и мести не хочу;
Но, чтоб в Московском славном государстве
Без наказанья не был виноватый,
Велели мы московским всем народом
Судить его, чему он доведется.
Басманов

Великий государь, велишь поставить
Изменника, боярина Василья,
К тебе на суд соборный?
Дмитрий

Введи!
Басманов

(страже)

Ведите!
Стража приводит Шуйского.

Дмитрий

(Щелкалову)

Скажи ему вину его, Василий!
Пусть он оправится, коль прав, винится –
Коль виноват.
Шуйский

Благодарю за милость!
Невинному защита: суд да Бог.
Щелкалов

(читает)

«В нынешнем, в 113 году, июня в 20 день, как был государя царя Дмитрия Ивановича всея России в Москву въезд, изыманы торговые и иных чинов люди в пустотных речах. И те люди в расспросе в тех своих пустотных, затейных речах винулись и сказали: торговый человек федька конёв говорил: как был-де великого государя в Москву въезд и стоял он, федька, перво у Архангела с народом и, выдя из городских ворот, был-де он с народом же на Пожаре, там его и изымали; а говорил он, федька, на государя Дмитрия Ивановича составные затейные речи, что он государь царевич не прямой, а прямой-де царевич убит от лихих людей в Угличе, там-де у Спаса его и положили, и клепал государя еретичеством и латинством; а те-де речи он, федька, говорил не своим умыслом, слышал он про то от князя Василия Ивановича Шуйского не единожды. А Костька лекарь в расспросе говорил на Василия Шуйского ж, что говорил ему Василий про царя Дмитрия Ивановича дурно много раз...» (Останавливается.)

Шуйский

А дальше что?
Щелкалов

Чего ж тебе еще!
Кажись, довольно, есть за что повесить.
Голоса

Изменникам царевым суд короткий! –
Изменников и Бог велит казнить! –

Он – лиходея царев! – Его измена
Всем видима. Повинен смертной казни! –
Что нам судить его! Повинен смерти!
Дмитрий

Василий, что ты скажешь в оправданье?
Шуйский

Царь-государь! Боярин твой великий,
Петр Федорыч, слуга тебе хороший!
Лихих людей он сыскивать горазд
И накрепко разведывать измену;
Изменники в речах своих расспросных
Басманову всю правду показали.
Дмитрий

И ты теперь перед моим лицом,
Передо всем собором, признаешься
В своих речах бездельных?!
Шуйский

Государь!
Обманом жить я не умею, не был
И смолоду обманщиком, зачем же
Под старость мне обманывать учиться!
Моя вина! Винюсь перед собором.
Дмитрий

Не верю я. От слов своих злодейских,
Предательских, ты лучше откажись!
Иль повтори их громко пред собором,
Тогда уж я оправдываться стану
(встает),

Доказывать, что я – царя Ивана
Сын подлинный.
Бельский

(встает с места)

Да разве мы попустим?
Ни вымолвить, ни даже заикнуться
Изменникам твоим мы не дадим!
Масальский

(встает)

Мы голову за батюшку царя
Димитрия Иваныча положим,
Мы все умрем!
Басманов, Вельский и Масальский
Мы за тебя умрем!
(Становятся у трона.)

Голоса

Ты наш царевич! – Наше солнце красно! –
Казнить его, изменника, казнить!
Дмитрий

Последний раз скажи мне, Шуйский, правду:
Твои ль слова, твоим ли наученьем
Изменники в народе говорили?
Шуйский

Мои слова, великий государь!
(Становится на колени.)

Вести его без всякой волокиты
На лобное! – На лобное его!
Дмитрий

(Басманову)

Вели молчать!
Басманов

Молчите! Тише! Смирно!
Голицын

(Мстиславскому)

Иль он себя нарочно губит, или –
Тут умысел!
Мстиславский

Темна душа Василья.
Дмитрий

По силам ли борьбу ты затевал?
Иль головы своей ты не жалеешь,
Иль помощи себе откуда ждешь?
Иль испытать меня ты только хочешь,
Не слабо ль я держу свою державу?
Не буду ль я, меня твои заслуги,
Высокий сан и старческие лета,
На замыслы твои глядеть сквозь пальцы?
Ошибся ты! Я взял свою державу
Железною рукой. Я принял царство
Для счастья подвластных мне народов,
А для грозы врагам и на измену
(берет у Скопина меч)

Держу сей меч, и сим мечом клянусь,
Что всякого, кто помешать захочет
Моей священной воле, уничтожу
И прах его развею далеко.
Ну, что же ты не молишь о пощаде?
Что не трепещешь? Иль тебе не страшен
Ни суд мирской, ни грозный гнев царя?
Шуйский

Не стану я просить себе пощады.
Моя вина – слепое исполненье
Велений царских.
Дмитрий

(отдает меч Скопину-Шуйскому)

Говори прямее!
Шуйский

Мы утверждались крестным целованьем
Царю Борису.
Голицын

(Мстиславскому)

Ишь куда пошло.
Шуйский

Ты знаешь сам, что всяка власть от Бога.
Иной за страх служил, иной за совесть,
Да не порок служить и за награду.

Боярин твой, Петр Федорыч Басманов,
Не по уму и не по летам, рано
Добился чести преданностью рабской
Царю Борису. Царь бояр крамольных
Не миловал, грозна была опала
Ослушникам! Вон Бельский попытался,
Да сам не рад, проворовался в службе
И надолго себе бесчестья добыл.
Меня, раба, Борис послал к народу,
И раб пошел, творя его веленье,
И говорил, что не царевич Дмитрий
Идет в Москву с иноплеменной силой,
А вор, расстрига, еретик Отрепьев.
Поверили иль нет, и кто поверил
Словам моим – не знаю; я исполнил,
Что царь велел. Вот вся вина моя!
Басманов

Не верь ему, великий государь!
Шуйский

Я все сказал, что за собою ведал,
Перед лицом царя я повинился,
И больше нет вины за мной. Велите
Пытать меня, хоть до смерти замучьте,
Вы не услышите ни слова больше!
Напрасно ты, Петр Федорыч, безвинных
Сирот пытал! Узнать тебе хотелось,
Что говорил, по царскому приказу,
Я с лобного; на каждом перекрестке
Спросил бы ты – тебе без пытки скажут,
Да не запрუსь и я, не потихоньку –
На всю Москву я громко говорил.
Ждет милостей народ, а ты пытаешь.
Что значит – кровь! Отец был в палачах,
И ты по нем.
Басманов

Он лжет перед собором,
Бесстыдно лжет! он ведомый обманщик!
Не с лобного – то было, да прошло, –
В своем доме недавно он народу
Бездельные те речи говорил.
Шуйский

Ни слова! Стой! Заглазно сколько хочешь
Нашептывай; в глаза не смей порочить
Вернейших слуг московских государей!
Чем клеветать на Шуйских, вы бы лучше
Царям служить у Шуйских поучились.
Щелкалов

У тех ли Шуйских, что в Литву бежали?
У тех ли Шуйских, что царя Ивана
В младенчестве не досыта кормили,
В его глазах бояр его губили,
С митрополитов облаченье рвали?
Или у тех, что черный люд московский
Не раз, не два водили бунтом в Кремль?
Шуйский

Наш род большой, в семье не без уroda.
Я б насчитал тебе десятки Шуйских,
Проливших кровь и головы сложивших
На всех концах, на всех окраинах русских,
В бою ручном и в городских осадах –
Да говорить я не хочу с тобой.
Бельский

Боясь Бориса, ты солгал народу;
Зачем же ты потом не повинился
Во лжи своей? Когда Гаврило Пушкин
С Плещеевым нам грамоты читали
Димитрия Иваныча, ты где был?
Ты что ж молчал? А в день царева въезда
Опять не ты, а я да Петр Басманов
Поехали с народом говорить;
А ехать бы, по совести, тебе!
Ты Федором Иванычем был послан
Похоронить царевича, ты знаешь,
Кого ты хоронил. Вы с патриархом
Не раз божились, что царевич Дмитрий
Похоронен тобой в соборной церкви;
Зачем же ты молчишь теперь, не скажешь
Народу правды? Вы похоронили
Попова сына, так бы ты и молвил;
А ты молчишь да морщишься – мол, знаю,
Да не скажу до случая
Дмитрий

Василий,
Зачем молчал ты о своем обмане?
Ты виноват передо всем народом –
Ты лгал ему. Я здесь, я на престоле,
Не в Угличе, не мертвый! Хоронили
Другого вы. Кого вы хоронили?
Ну, говори!
Голоса

Казнить его, злодея!
Шуйский

Ты выслушай, великий государь!
Про мой обман, про вымыслы Бориса
Народ забыл и знать про то не хочет
На радости. Бездельные те речи
Я говорил давно; с Мстиславским после
Мы за тебя, под звоном колокольным,
Народ московский ко кресту водили
И верой, правдой, не жалея жизни,
Служить тебе учили. Для чего же
Про старое напоминать народу!
И Бельский да Басманов неразумно
Народ московский на Пожар сбивали,
Чтоб клясться в том, чему и так все верят.
Недаром же руками им махали,
Чтоб не клялись: «Мы и без вас-де знаем».
А без нужды божиться, лишь в сомненье
Народ вводить... И стало им обидно,
Что я разумно сделал, не поехал
На лобное. Чему бы обижаться?
Кому как бог даст: разум или глупость,
Так и живи! На Бога с челобитьем
К кому пойдешь!
Великий государь,
Я все сказал тебе, что может правый
Сказать в защиту правоты своей.
Теперь в твоих руках и суд и милость,
И головы и честь холопей царских,
Бояр исконных, суздальских князей.
Дмитрий

Увести его!
Шуйского уводят.

Вы слышали, бояре,

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Окольничьи и думные дворяне,
И вы, честные люди; обсудите
И приговор поставьте по закону
И совести и расходитесь с Богом!
Чему приговорите, так и быть.
Выходит из палаты, впереди идут рынды и Скопин-Шуйский.

Мстиславский

Подумайте! чтоб не было обиды:
Казнить легко, да после не воротишь.
Басманов

Хоть думайте, хоть нет, а он изменник!
(Щелкалову.)

Пиши скорее приговор соборный!
Щелкалов

Честной собор, чему повинен Шуйский?
Голоса

Казнить его! – Повинен смертной казни. –
Изменник он! Ему и смерти мало! –
Все Шуйские изменники! – И братьев
Помиловать нельзя. Какая милость! –
Всем Шуйским смерть! На том и порешили.
Мстиславский

А тех за что? Они не виноваты.
Один голос

Чай, Дмитрий-то свояки с Годуновым,
Вот и вина.
Мстиславский

Нет, этак не порядок!
Щелкалов

Так что ж писать?
Один голос

Пиши: казнить Василья,
А Дмитрию с Иваном снять боярство
И в ссылку их по дальним городам.
Щелкалов

Согласны все?
Голоса

Согласны! – Ладно, ладно! –
Чтоб так и быть тому без перемены!
Мстиславский

Пиши, Василий! Расходитесь с Богом!
Все расходятся с поклонами. Остаются Мстиславский, Голицын, Воротынский,
Бельский, Масальский, Басманов и Щелкалов, который садится за стол и пишет.

Мстиславский

Народ – волна: куда его подует,
Туда и льет. Уж Шуйских ли не любят,
А вымолви за них в защиту слово,
Так разорвут.
Воротынский

Не знаю только, ладно ль
Судить бояр собором черни буйной!

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Голицын

Короток суд народный – беспощадный.
Кровавый суд, без совести, без толку –
В нем Бога нет.
Мстиславский

И затевать не надо б.
Голицын

Служу царю, пусть царь меня и судит,
А не торговцы из лубочных лавок.
Мстиславский

Убийство, а не суд. Мне Шуйских жалко.
Голицын

Кому ж не жаль! Нет, Шуйский пригодился б,
Что ни толкуй! Он плут и проидоха,
А все наш брат боярин, нам он свой.
Басманов

О чем, бояре?
Голицын

О суде толкуем,
Что глуп народ, и бестолков, и буен,
А рассудил по правде.
Басманов

Это верно.
Голицын

А все ж не дело черному народу
Судить бояр. Он должен их бояться
Да слушаться; а дай ему почуять,
Что он судья над нами, плохо будет:
Он сам начнет без царского указа
Судить, рядить да головы рубить.
Басманов

А что, ведь правда!
Голицын

Есть о чем подумать;
Подумаешь – зачесется затылок.
Басманов

Не напророчь! Не дай Господь дожждаться!
Входит Дмитрий.

Дмитрий

На чем решили?
Щелкалов

Шуйского Василья
Собором всем казнить приговорили,
А братьев разослать по городам.
Как ты прикажешь?
Дмитрий

Приговор исполнить!
На лобном месте завтра прочитать
Его Василью; положить на плаху
Бунтовщика, занести топор над ним
И объявить, что мы его прощаем,
Что вместо казни посылаем в ссылку

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
По смерть его, с лишением боярства;
А вотчины и все именье Шуйских
Мы отписать велим в свою казну.
Мстиславский

Пошли Господь тебе на многи лета
И радостей и счастья, государь!
Дмитрий

Довольны вы?
Голицын

Язык всего не скажет,
Что чувствует душа; мы лучше дома
Помолимся о здравии твоём
И долголетию.
Щелкалов

Куда прикажешь,
Великий государь, сослать Василья?
Дмитрий

За Кострому – и завтра же отправить!
Не доезжая места, воротить
Его в Москву и возвратить боярство,
И вотчины, и все его именье..
(Масальскому.)

А Ксения все плачет, все тоскует?
Масальский

У нас уход за ней, как за царицей.
Дмитрий

Не знаешь ли, чем слезы ей унять?
Масальский

Уймутся сами. Скоро высыхает
Роса на солнце, а девичьи слезы
Еще скорей.
Дмитрий

Заметил ты, Масальский:
В слезах она становится красивей,
Чем так, без слез?
Масальский

Так пусть она и плачет!
Дмитрий

Таких очей я ни в Литве, ни в Польше
Не видывал. Она меня полюбит!
Как думаешь, Масальский, ведь полюбит?
Масальский

Великий государь, ума не хватит
О девках думать. Что ж об девке думать,
Полюбит ли! Да что ж ей больше делать.
Как не любить? Одна у них забота..
Дмитрий

Поедем к ней! желал бы я пред нею
С соперником сразиться, чтобы сердце
Красавицы от страха трепетало
И победителю наградой было.
Я Ксению люблю. Скажи, Масальский,
Чем покорить могу ее я сердце?
Масальский

Что покорять! Она не враг тебе;
Вели любить, и разговор короток.
Уходят.

Голицын

(Басманову)

Что приуныл, Петр Федорыч? Обидно,
что службишка твоя пропала даром?
Мстиславский

Служи царю мечом на ратном поле
Да в думе головой, а не доносом,
Никто тебя обидеть не посмеет.
Басманов

Обидно мне не за себя, бояре!
Он добрый царь, но молод и доверчив;
Играет он короной Мономаха,
и головой своей, и всеми нами.
Уходят.

Сцена пятая

ЛИЦА:

Дмитрий Иванович, самозванец.

Царица Марфа, мать Дмитрия-царевича.

Михаило Скопин-Шуйский.

Басманов и народ.

Шатер в селе Тайнинском.

(18 июля 1605 года)

Полы шатра распахнуты; видны два ряда стрельцов, за ними народ, вдали деревянный дворец. Входят царица Марфа и Скопин-Шуйский.

Царица Марфа

(садясь на стул и робко осматриваясь)

Младый, цветущий юнош, князь Михайло
Васильевич, зачем меня, старуху,
Ты вытащил из монастырской кельи?
От суеты мирской давно отвыкла,
Ох, я давно отвыкла!
Скопин-Шуйский

Государем

Приказано мне привезти тебя;
Он по тебе давно скучает. Будешь
Ты, наша мать, царицею московской.
(Кланяется.)

Царица Марфа

Поверь ты мне, голубчик, ничего-то,
Ох, ничего-то мне не надо! Только
В монастыре и жить мне; я забыла,
Как люди-то живут.
Скопин-Шуйский

В Москве немало
Жилья тебе; в любом монастыре
Великой государыне есть место.
Попомни нас тогда, своих холопей!
За дядю гнева не держи на нас!
Царица Марфа

Забыла я, голубчик, все забыла!
Ты млад еси, а красен и разумен;
Гуляешь холост?
Скопин-Шуйский

Не женат пока...
Петр Федорыч идет к тебе, царица.
(Уходит.)

Царица Марфа

Ну пусть идет! О, Господи помилуй!
Вот грех какой, какое попущенье!
Туман в глазах, кружится голова.
Что говорить, что делать? Где набраться
Мне разума? Ну, буди власть Господня!
Басманов входит; полы шатра закрываются.

Басманов

(кланяясь в ноги)

Царица наша, наша мать родная,
Ужли холопа Петьку позабыла?
Царица Марфа

Ты, Петя, встань! Ты молод был тогда.
Басманов

Великий царь и государь Димитрий
Иванович зовет в свой город столичный
Тебя, царицу.
Царица Марфа

Ох, везут насильно,
А не зовут меня!
Басманов

Он повелитель,
Не только звать и приказать он может –
Сама бы ты должна навстречу сыну
Не ехать, а лететь.
Царица Марфа

Навстречу сыну?
Где сын-то мой, Петр Федорыч? Где сын-то?!
Не знаешь ты, так я тебе скажу:
Я в Угличе его похоронила,
От слез моих там реки протекли...
Басманов

Не говори, царица! жив Димитрий
Иванович.
Царица Марфа

(не слушая)

У Спаса мы стояли
Обедню с ним в субботний день, на память
Пахомия Великого; в ту пору

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Послал Господь такой-то красный день,
И таково тепло...
Басманов

Царица наша,
Таких речей мне слушать непригоже!
Царица Марфа

(не слушая)

И, быть греху, пришли мы от обедни,
Пошла я вверх, сию да отдыхаю,
А он внизу с ребятками играет;
Известно дело, ноги молодые
Не устают; и понесли нам еству;
Хочу я встать – царевича покликать,
Вдруг слышу крик, так сердце и упало!
Бегу с крыльца, кормилка держит Митю,
А он кончается, а сука мамка...
Басманов

Забудь про все! Одно, царица, помни,
Что ты всю жизнь терпела от злодеев.
И сам Борис, и все его холопы
Над царскою вдовою издевались.
Пришла пора поцарствовать тебе,
Назло врагам твоим, на радость братьям
И сродникам, опальным, заключенным.
Царица Марфа

Прошли года, во мне затихла злоба;
От радостей мирских я отреклась.
Борис в могиле – нас Господь рассудит
Его холопам мстить я не хочу!
Вот если б вы в то время догадались,
Как я в слезах, обрызганная кровью
Царевича, по Угличу металась,
Безумная, звала людей и Бога,
Кровавые поднявши к небу руки,
На месть Борису, – если бы тогда
Восстала Русь, Литва и вся Украина
На этот род проклятый годуновский,
Разлучников единокровных братьев,
И надо было, чтоб царевич ожил,
Воскрес убитый, – я тогда бы сыном
Подкидыша паршивого признала,
Щенка слепого детищем родным!..
Басманов

Замкни уста! Ты Дмитрия не знаешь!
Он наша радость, наше упованье.
Остановись! Душа моя не стерпит,
Не вынесет она позорной брани.
Царица Марфа

Пугать меня! – жену царя Ивана,
Того Ивана, перед кем вы прежде,
Как листья на осине, трепетали!
Я не боялась и царя Бориса,
Не побоюсь тебя, холоп!
Входит Дмитрий.

Басманов

Царевич!
(Уходит.)

Дмитрий

(бросается к царице)

Родимая!
Царица Марфа

(останавливая его посохом)

Постой-ка! Ничего-то
Ты не похож.
(Отворачивается)

Дмитрий

Зачем тебе наружность?
Моя душа горит к тебе любовью
Сыновнею!
(Целует ей руку.)

Пока ты в заключенье,
Среди старух, отживших и бранчивых,
Постом невольным изнуряла тело,
И молодость свою в слезах губила,
И вянул даром блеск очей твоих
И величавость царственного стана,
Я трон тебе готовил, я злодеев
Твоих губил, сбирал твой род и племя
По годуновским тюрьмам, и вокруг трона
Поставил их в блестящем одеянье
Сановников ближайших! Я очистил
Широкий путь тебе в твою столицу;
А ты взглянуть не хочешь на меня
И гонишь прочь, как недруга?
Царица Марфа

Молиться
Всю жизнь мою за милости твои
И чтить в тебе царя – рабой, коль хочешь,
Служить тебе я с радостью буду;
Но матерью!.. Нет! сердца не обманешь!
Не так оно забьется, если сына
Родимого прижмешь к своей груди.
Пусти меня опять в мою обитель –
Не сын ты мне.
Дмитрий

А много ль нежной ласки
Ты видела от сына? И не скучно
Без ласки жить тебе?.. Ребенком малым,
Играючи, он прибегал к тебе
Склонить свою головку на колена
И засыпать под шепот нежных слов;
Другой любви и ласки он не ведал.
Прошло и то, и рано ты осталась
С сиротскими слезами вековать!
Царица Марфа плачет.

Припал ли он хоть раз к твоим коленам
Царем в венце и бармах Мономаха,
При радостных слезах всего народа?
Просил ли он себе благословенья
Землю править, суд и правду деять,
Прощать виновных именем священным
Царицы-матери, несчастным слезы
Ее руками отирать?
Царица Марфа

О, если б

Ты был мой сын! Поди ко мне поближе,
Взгляни еще в мой глаза!..
(Тихо.)

Димитрий,
Ты сирота, без племени и рода!
Я ласк твоих не отниму у той..
Другой!.. Она, быть может, втихомолку,
В своем углу убогом, пред иконой
О милом сыне молится украдкой?
Иль здесь, в толпе народной укрывает
Лицо свое, смоченное слезами,
И издали, дрожащею рукою
Благословляет сына?
Дмитрий

Нет! О нет!
Царица Марфа

Одна ли буду матерью твоей,
Одна ль любить тебя, меня одну ли
Полюбишь ты?
Дмитрий

О да! Одну тебя!
Ты назовись лишь матерью – я сыном
Сумею быть таким, что и родного
Забудешь ты.
Царица Марфа

Тебя я полюбила..
Дмитрий

Невиданным почетом и богатством
Украшу я твое уединенье
В обители; под этой грубой ризой
По золоту парчой пойдешь ты к трону!
Смотри сюда..
(Открывает полу палатки.)

От нашей царской ставки
До стен Кремля шумят народа волны
И ждут тебя. Одно лишь только слово!
И весь народ, и я, твой сын венчанный,
К твоим стопам, царица, упадем.
(Склоняется перед нею.)

Царица Марфа

(поднимая его)

Ты мой! Ты мой!
Дмитрий

И сын, и раб покорный!
Обнимемся! Союзом неразрывным
Мы связаны на жизнь и смерть. Пойдем!
Отбрось теперь свой посох: эти плечи
Могучие тебе опорой будут.
Выходят к народу.

Народ

Царица! – мать родная! – Ты сиротам,
Рабам твоим, покров и заступленье!
Сцена шестая
ЛИЦА:

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Мстиславский.

Воротынский.

Голицын.

Куракин.

Комната в доме Голицына.

Входят Мстиславский, Воротынский и Голицын. Слуги вносят чаши с медом.

Мстиславский

(Голицыну)

Ты нас зазвал к себе на перепутье,
На пирожок, на чарочку винца,
А угостил и допьяна и сыто.
Голицын

Чем Бог послал! Какое угощенье!
Вот в Кракове Афонька наш пирует,
Не нам чета, и черт ему не брат,
Ломается – гляди, что курам на смех.
А мы в Москве играем в городки.
Однако царь изрядно проминает
Бояр своих. На земляную стену
Ползет сам, и ты за ним ступай!
А тут-то нас, не из пицалей, правда,
А палками по чем попало лупят.
Мстиславский

Ученье – свет, а неученье – тьма.
Голицын

Бока болят от этого ученья,
А толку нет. Не на кулачки драться,
Не лезть на башню прямо под обух;
Приказывать боярское есть дело.
Воротынский

Бока болят! Ну, поболят немного,
Да заживут; бесчестье не велико.
А вот бесчестье: Юрий Мнишек пишет
Высоко больно, к умаленью чести
Боярской нашей.
Мстиславский

Так ли, князь Иван
Михайлович?
Воротынский

Чего ж еще! Он пишет:
«Я вам царя поставил, я-де начал
И кончил все, и как-де я приеду,
Перед царем о вас стараться буду,
О умноженье ваших прав боярских».
Каких еще нам прав?
Голицын

Оно б не худо
Шляхетские нам вольности иметь;
Да вот беда – пан Юрий Мнишек сядет
На нас на всех, между царем и нами.
Мстиславский

Оставим лучше эти разговоры.
Не нам судить! Что будет, то и будет.
Голицын

Ну пусть бы Мнишек, а гляди – наедет
Родня его и сядет в думе царской
С боярами. Гоняет, как мальчишек.
Нас царь теперь, а уж тогда и вовсе
Молчать придется да глазами хлопать.
Как дуракам.
Мстиславский

Ты хмелен, князь Василий.
Голицын

И хмелен, да умен, – так два угожья.
Воротынский

А что писать нам Юрию? Вот Шуйский
И нужен бы!
Мстиславский

Без Шуйского напишем,
Подумавши. Подумай, князь Василий,
И нам скажи!
Голицын

Пишите вот что:
«Пан Юрий! Грамотку твою читали,
А пишешь ты про службу государю,
Что в дохождение прирожденных панств
Служил ему и промышлял с раденьем,
И хочешь впредь добра ему хотеть,
И мы тебя теперь за это хвалим».
Вот и конец!
Мстиславский

Разумно! Так и надо!
Пускай его читает.
Входит Куракин.

Куракин

Шуйский едет
В Москву опять.
Мстиславский

Ну, радость не велика.
Голицын

Не всё на волка, ты скажи – по волку!
Ну, хочешь ли побиться, князь Федор
Иванович, а вот князя разнимут:
Я бьюсь с тобою о велик заклад,
Что не пройдет недели, князь Василий
И в думе первый, и в совете будет,
И самый ближний друг царю. Ну, хочешь?
Мстиславский

Завидовать не стану, не завистлив –
Его при нем! Прощай!
(Уходит.)

Голицын

Прощай, князь Федор
Иванович.

И я за шапку.
Голицын

Что же!
Ты, князь Иван Михайлыч, посидел бы.
Ну, посиди.
Воротынский

До дому, князь Василий
Васильевич, пора. Прощенья просим,
Женишка ждет.
Голицын

Ну, как, князья, хотите!
Я не держу: насильно мил не будешь.
Уходят. Голицын скоро возвращается; наливает два кубка: один Куракину, другой себе.

За весть спасибо!
Куракин

Было бы за что!
Голицын

Не торопись. Недолго ждать, увидишь,
Я во хмелю, язык поразвязался,
Душа горит. Ты – друг; перед тобою
Могу я смело душу распахнуть.
Куракин

Еще бы нет! Одна душа, два тела!
Умрет со мной.
Голицын

Дай Шуйскому приехать
Да осмотреться; он сейчас увидит,
Куда ведут советники слепые
Царька слепого...
Куракин

Ну!
Голицын

Он им поможет.
С Басмановым он больше не заспорит:
Поддакивать и поблажать им будет;
И царик наш напрыгает недолго.
Куракин

А после что? На трон Мстиславский сядет.
Голицын

Мстиславский? Нет! Его на то не хватит;
Ума не нажил, смелости подавно;
А сесть на царство – мудрена наука.
Куракин

Ну, Шуйский.
Голицын

Верно. Только с уговором:
Пусть грамоту напишет он боярству
И поцелует крест – без нашей думы
Не делать шагу: смертью не казнить,
Поместий, отчин и дворов не трогать
Без нашего суда; а кто по сыску

Дойдет до казни – жен, детей не грабить;
Доводчиков не слушать! Да не токмо
На нас, бояр, не класть своей опалы,
Не осудя, – гостей, людей торговых
И волосом не трогать без суда!
Когда язык ему и руки свяжем,
Пусть царствует.
Куракин

Такое дело ново,
И Шуйскому какая же неволя
Приказчиком боярским быть на троне?
Голицын

Без записи такой не сесть на царство
Ни одному из нас: друг друга знаем;
Переплелись обидой да бесчестьем
Боярские роды; одной семьи нет,
Чтоб на другую зубы не точила.
Свои друзья, свои враги у всех;
Кто ни взойди теперь на трон московский,
Родня, друзья сейчас его облепят –
Врагам не жить.
Куракин

Мудреная задача!
Не думаю, чтоб Шуйский поддался:
Он травленный.
Голицын

Ну, мы не будем плакать;
Тогда пошлем к Жигмонту Владислава
Просить на царство: ешь меня собака
Неведомая, только не своя...
Пора к царю, телят нарядных кушать.
Уходят.

Сцена седьмая
ЛИЦА:

Василий Шуйский.

Князь Масальский с боярами и дворянами.

Калачник.

Дворецкий.

Черная изба у Шуйского.

Входят Василий Шуйский в крестьянском кафтане и дворецкий.

Василий Шуйский

Пускай не всех, а только самых близких,
И то простых людей; из думы только
Татищева; а прочим говори,
Что скорбен, мол: не только человека,
И свету Божьего не хочет видеть.
Дворецкий

Калачник Ваня раз десяток мимо
Ворот прошел, за тыном притулился,
Войти не смеет.
Василий Шуйский

Ну, пусти его,
Введи его тихонько задним ходом.
Дворецкий уходит.

Калачники, разносчики, торговцы,
Попы без мест, да странный, да убогий,
Да голь кабацкая – меня жалеют
И помнят обо мне, а наша братья
Советчики, да судьи, да думцы
Великие – что борода, то дума,
Что лоб, то разум – те меня забыли:
Поклона ждут... Да не дождутся: с ними
Заигрывать, как с девками, не стану.
Придет пора, поклонятся и сами.
Я не брезглив, мне всякий друг, кто нужен.
И сволочь хороша. Не плюй в колодезь!
Велика сила шлющийся народ!
Калачник входит.

Что скажешь, друг Иван?
Калачник

Тебя, боярин,
Отец ты наш, в живых не чаял видеть;
Вот, Бог привел! Ну, как ты воротился?
Здорово ли? Об нас не позабыл ли?
Не бросишь ли сирот своих?
Василий Шуйский

Не брошу.
Калачник

Ну, дай тебе Господь! А мы всё те же,
Мы все твои. Я бьюсь теперь, боярин,
Из пустяков; повесили б уж, что ли,
Меня скорей иль голову срубили!
Василий Шуйский

С чего бы так?
Калачник

Жить не мило, боярин!
Рассказывать аль нет? Коль будешь слушать,
Я все скажу, а то вели отправить
К Басманову меня: я ворог царский.
Василий Шуйский

И то, пошлю.
Калачник

Так посылай скорее!
Я голова отпетая. Довольно
Погуляно, пора костям на место.
Василий Шуйский

Куда спешить! Басманов подождет.
А ты покуда говори, что знаешь!
Что нового?
Калачник

Все новое, боярин!
Палаты новы у царя; у немцев
Кафтаны новы – бархат фиолетов;
У русских вера новая – латинцы
В самом Кремле поставили костел
И целый день гнусят свои обедни,
Своим душам на вечную погибель
И на соблазн крещеному народу.

Теперь обедать с музыкой садятся,
Не молятся, ни рук не умывают.
Поляки бьют народ, секут и рубят
И встречного, и поперечных; бродят
По улицам, по лавкам, по базарам,
Берут добро без денег и без спросу.
Василий Шуйский

И все молчат?
Калачник

Нельзя и рта разинуть,
Защиты нет. В застенок да на плаху!
Петр Федорыч лютее волка стал:
Живого съест. Казнит немилосердо;
Монахов чудовских поразослали;
Тургенева казнили на Пожаре.
Чай, брата знал меньшого, Федьку?
Василий Шуйский

Как же,
Ну как не знать!
Калачник

Горячий был, как я же;
Доводчики его оговорили.
Короток суд: свели его на плаху.
Без брата жизнь постыла мне, боярин;
Я жив брожу, а он в сырой земле;
И мне туда ж. Да лишь бы поскорее!
Задешево я голову бы продал!
Нужна тебе?
Василий Шуйский

Повремени до срока,
Ты голову сложить всегда успеешь;
Не торопись: быть может, пригодится
На что-нибудь. Бери лоток на плечи,
Торгуй опять. Помалчивай о брате,
Повеселей гляди, на прибаутки
Не поскупись, да не болтай пустого!
А я тебя за прежние заслуги,
Уж так и быть, помилую: Петрушке
Басманову речей твоих не выдам.
Смеются оба.

В нужде иль горе, приходи ко мне,
И выручу, и денег дам на нужду.
Убогий где?
Калачник

В Москве. Да мелет что-то
Нескладное.
Василий Шуйский

А где живет?
Калачник

В поварне
У патриарха, только кормят плохо.
Василий Шуйский

Пришли его. Да заходите чаще.
Входит дворецкий.

Дворецкий

Масальский князь с боярами наехал

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
От самого царя.
Калачник уходит.

Василий Шуйский

Ворота настезь!
Дворецкий

Я растворил.
Василий Шуйский

И двери настезь живо!
Дворецкий отворяет дверь. Входят Масальский, бояре и дворяне.

Масальский

Великий царь и государь Димитрий
Иванович велел тебе сказать,
Боярин князь Василий, княж Иваныч,
что он вины не помнит, и опалу
твою с тебя снимает, сан боярский,
и вотчины, и все добро твое
он жалует тебе, и дозволяет
опять его царевы очи видеть
пресветлые, и жалует кафтаном,
и шубою, и шапку боярской.
Василий Шуйский

Великие бояре; вы, царевы
советчики, краса земли Московской!
Скажите мне, последнему холопу,
каким путем-дорогой иль тропами
зверинными вы ехали ко мне?
Да разве есть ко мне дорога, лесом
не заросла, не завилась травою?
Каких людей попутных вы встречали?
кто вас провел, кто показал домишко
убогий мой? Да разве есть на свете
Василий Шуйский? Разве люди помнят
в Москве о нем? Великие бояре!
не вы нашли, не люди вам казали
пути-дороги – царь вам приказал
найти меня, и леса преклонились,
и развился, как скатерть, путь широкий
и поднялся и светел стал мой дом,
как царские высокие палаты:
и жив опять, и радостен хозяин;
вчерашний смерд – опять боярин царский.
Скажите вы царю и государю,
что дней моих остаток и дыханье
последнее, душевный каждый помысл
я отдаю ему; что стар и хил я,
но сил еще у Шуйского достанет,
чтоб доползти до ног его, коснуться
его стопам холопскими устами
и верным псом на страже стать у трона...
седлать коней! боярскую одежду!
лохмотья прочь! я еду к государю;
а завтра вас прошу к себе, бояре,
на званый стол, на разливанный пир –
отпраздновать со мной цареву милость!
уходят.

II
Сцена первая
лица:

Дмитрий.

Василий Шуйский.

Мстиславский.

Голицын.

Татищев.

Басманов.

Бельский.

Масальский.

Бучинский.

Власьев, царский казначей.

Осипов, дьяк из приказа.

У каждой двери по двое немцев с бердышами.

Передняя комната в новом дворце у самозванца; за ней широкая галерея с цветными стеклами.

(23 апреля 1606 года)

Выходят Татищев, за ним Василий Шуйский.

Василий Шуйский

Куда бежишь? Аль речи не по мысли?
Татищев

Ишь неучи! Уж это мы слышали!
Обучимся и мы, не торопясь.
Пусть вызовут из Греции монахов!
Так нет, такой науки он не хочет..
Отдай робят в ученье езовитам..
Меня мороз по коже подирает,
Готова брань сорваться с языка.
На драку я пойду, на нож полезу,
Когда шутя о вере говорят.
Какой он царь! Какой защитник церкви,
Когда латинской, езовитской веры
От греческой не может отличить!
Ему одно, что наше православье,
Что ересь их. Кабы одно-то было,
Анафеме бы их не предавали.
А коль одно, так и пускай бы в нашу
Латинцы шли. Вот, значит, не одно.
Татарин, жид, латинец, православный –
Всяк бережет свою; а у царя-то
Какая же?
Василий Шуйский

Ну, значит, никакой.
Татищев

А ты молчишь, боярин, князь Василий
Иванович, иль дакаешь ему
(сквозь зубы)

Проклятому.
Василий Шуйский

К чему же горячиться!
Само себе защита православье,
Гонителей оно не побоится.
И Фока и Ульянов-богоотступник
На Бога шли войной, да много ль взяли...
Гонители погибли лютой смертью,
А вера православная стоит.
Входят Голицын и Мстиславский.

Голицын

А вот у нас и свадьба подоспела;
Опять пиры!
Василий Шуйский

Всю зиму пировали,
Играли в зернь да пили без ума;
Опять за то ж!
Мстиславский

Мы свадьбу отпируем,
И кончено, снарядимся в поход.
Василий Шуйский

Куда? Зачем?
Мстиславский

На крымского Гирея.
Василий Шуйский

Какая статья Казы-Гирея трогать
И турецкого султана задирать!
Кому нужда? Жигмонту, немцам, папе;
А мы в чужом пиру похмелье примем.
На крымцев есть донские казаки:
Пусть режутся; послать свинцу да зелья,
Да денег дать – а после отпереться,
Что нам-де их, воров, не удержать...
Две выгоды: дешевле и без драки;
И волки сыты, да и овцы целы,
Татары биты, да и мы с султаном
В миру живем.
Татищев

Поход задуман в Риме,
И сгоряча наш царь пообещался
Начать войну, чтоб выманить от Польши
Жену да императорское титуло.
Со швейцарским мы поссорились за Польшу,
С татариним и турецким за нее ж...
Так с Польшей-то в ладах ли? Не бывало!
Поссоримся и с ней.
Мстиславский

За что?
Татищев

За титуло
Непобедимого. На печке сидя,
Ни с кем не воевавши, заслужили
Такою честь, так нам ее подай!
Сбирались-то втроем идти на турок,
А немцы прочь; Жигмонт, угодник папский,
И рад бы в рай, да сеймом вяжут руки;
Останемся как раки на мели.
Мстиславский

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Одни пойдем; на что ж новгородцев
И псковичей пригнали на Ходынку?
Василий Шуйский

Да много ль их? Всего восемнадцать тысяч.
Мстиславский

В Ельце еще собираются войска.
Василий Шуйский

А деньги где?
Голицын

Велик калым платили;
Рекой течет московская казна
За польскую границу; Афанасий
Обозами возил туда два раза.
Мстиславский

Нет, он один пойдет, не побоится!
Ему война – потеха; спит и грезит
Он о войне; ему без дела скучно.
Татищев

Война – потеха, вера на потеху!
(Показывая в окно.)

И у крыльца поставлен для потехи
Треглавый ад – бряцание велико
От челюстей и пламя из ушей,
Отверзты зубы, и готовы когти
На ухапление. И зрети страшно!
Потехи всё; какое ж дело свято?
Мстиславский

Татищев, ты не очень завирайся!
Не попадись опять!
Татищев

Язык мой – враг мой.
Мстиславский

Басманову ты кланяйся, а то бы
Гулять тебе за Вологду иль Вятку,
Куда Макар телят не загонял.
Татищев уходит, махнув рукой.

Голицын

Потише, царь идет.
Из царских комнат выходят Дмитрий, Басманов, Бельский, Масальский, из галереи
показывается Бучинский с письмом.

Бучинский

(подавая Дмитрию письмо)

Гонец с дороги.
Дмитрий

(прочитав письмо)

Мне весело, бояре; нашу радость
Желал бы я и с вами разделить.
Сегодня пир; придумайте потеху
Веселую для радости моей.
Теперь, что день, то ближе наше счастье,
И скоро мы московский трон украсим

жемчужиной, какой не обладают
Богатые индийские цари.
Как думаешь, Бучинский, по расчету,
далеко ли теперь невеста наша?
Бучинский

Ее ясновельможность, цесаревна,
Марина Юрьевна, теперь в Можайске;
Его мосць, воевода Сендоми́рский,
Ясновельможный пан, в Вязёмах к ночи.
Дмитрий

Табун коней послать ему для встречи!
Не помнишь ли, какие мы подарки,
Последние, послали с Афанасьем
навстречу ей, царице нашей, в Вязьму?
Бучинский

Две запоны алмазные, корону
Алмазную, часы да жемчуг низан.
Дмитрий

И только, Ян? Да это мало! Что бы
еще послать? А вот что, пан Бучинский:
Свези еще ей восемь ожерельев
И столько же кусков парчи на платье...
А жемчугу в казне какая пропасть!
Берешь, берешь, а все не убывает;
Куда девать, придумать не могу.
Басманов

Да пусть лежит; не пролежал бы места,
И хлеба он не просит.
Дмитрий

Пан Басманов,
Я твоего не спрашивал совета...
Готовы ли кареты? а возницам
И конюхам под цвет каретный платье?
А новые шатры – встречать царицу?
Басманов

Готово все, великий государь.
Дмитрий

Там бархату в царицыны покои
Недостает.
Басманов

В казне давно не стало,
Да и в Москве едва ль его найдешь!
По всем купцам обегали.
Дмитрий

Не знаю,
Вы бегали иль нет, а бархат нужен.
Найти его, чего бы он ни стоил!
Что нужно нам, того не быть не может.
Хоть тысячу, хоть больше дай за лоскут
в ладонь мою. Я денег не жалею.
Я прикажу, и будет мне готово
Не только бархат, птичье молоко!
Басманов

Камки, парчей и бархату цветного
Истратили мы столько, государь.
Что запрудить Москву-реку хватило б;
А соболей, и камней многоцветных,

И денежной истрачено казны –
И сметы нет, и слов таких не знаем.
Дмитрий

Истрачено! Басманов! Пан Басманов!
Кого я жду! Истрачено! Да если б
В моей казне алмазов было больше,
Я б вымостил алмазами дорогу
Для панны Мнишковны.
Василий Шуйский

Да для чего же
Копить, беречь их в темных кладовых?
Алмаз, что человек, не виден в куче:
А посади его на видном месте –
И заблестит. Недаром их копили
Родители твои; они как знали,
Что Дмитрию придет пора их тратить
На брачный пир, для славы государства,
На диво и на зависть иноземцам.
Басманов

А ты забыл, что тотчас после пиру
Война у нас. Куда казна нужнее,
Подумай-ка!
Дмитрий

Да неужли, Басманов,
Так много денег нужно на войну,
Что их в казне у нас не хватит? Верьте,
Поход короток будет; мы нагрянем,
Как Божий гнев, на головы неверных,
И долго будет страшно наше имя.
В пределах их – великую добычу
И славный мир мы завоюем разом.
Басманов

Пословица у нас: «Сбирайся на день,
А про запас бери на всю неделю!»
Василий Шуйский

Война – войной, а свадьба – свадьбой! Разве
Царю считать алтынами пригоже?
Подьячему, на жалованье царском,
На маленьком, а не царю – алтыны
Раскладывать на разные потребности;
Один на кашу, на кафтан другой.
Война у нас не нынче и не завтра;
Пошлет Господь, так деньги соберутся:
Купцы дадут, в монастырях есть лишки.
Дмитрий

В монастырях они лежат без пользы.
Не прав ли я?
Василий Шуйский

Без пользы, государь.
Дмитрий

Подумайте, бояре, как бы лучше
Расставить нам гостей ясновельможных,
Родню мою. Бояре, не забудьте,
Что польские паны – не вам чета;
Живут красно, богато, видеть любо,
Не взаперти, а настезь, шумно, людно.
Василий Шуйский

Под воеводу дом Борисов годен,

А для панов бояре потеснятся.
Мстиславский

Нам негде взять раздолья и простору.
Живем черно.
Голицын

Зато радушно примем.
Василий Шуйский

Прислужников царицыных поставим
По улицам Чертольским, по Арбату,
В самом Кремле. Купцов, попов погоним
Из их дворов; не маленькие, сыщут
Приют себе. Хоть нынче ж вывозиться
Прикажем им.
Басманов

Зачем же гнать насильно?
Василий Шуйский

Просить начни – они ломаться будут;
Ему толкуй, а он свое заладит,
Что дом-де мой, что я-де в нем хозяин.
Народ простой – не понимает чести.
Что в их дворах стоят царицы гости.
Басманов

Великий царь, не одобряй насильства!
Прогнать попов – в народе ропот будет.
Василий Шуйский

Неужто ж нам, для нашей царь-девицы.
Для матушки, красавицы царицы.
Невиданной, неслыханной нигде,
Попов жалеть?!
Дмитрий

Да ты откуда знаешь
Про красоту ее?
Василий Шуйский

Да если б лучше
Была у нас, зачем бы издалека
И брать тебе: ты дома бы женился...
А значит, нет.
Дмитрий

Конечно, нет.
Басманов

Давно ли,
Великий царь, ты разлюбил красавиц
Родной земли, смиренниц чернобровых?
Ты прежде их не обегал, кажись.
Дмитрий

Красавицы в Москве у вас не редкость,
По красоте им равных не найдешь...
Но портит их излишняя покорность
И преданность, бесспорная готовность,
Всегдашние уступки и молчанье.
Литовские красавицы не то!
В очах огонь, в речах замысловатость!
То ласкою безмерною дарят.
То гордостью нежданною окинут.
Им приказать нельзя, нельзя принудить
Любить тебя; а долго и прилежно

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Ухаживать тебя они заставят.
(Указывая на Василия Шуйского.)

Смотрите-ка, у старика глаза-то
Как прыгают. Ты, видно, Шуйский, любишь
Хорошее? Товару цену знаешь?
Василий Шуйский

(машет рукой)

Не без греха! Покаюсь, грешен, грешен!
Дмитрий

Ну то-то же! Вот жалко, что сосватал
Ты русскую, а то нашли бы польку.
Василий Шуйский

Ну, где уж мне! Я стар. По Сеньке шапка!
Басманов

Нам некогда, великий государь,
За бабами ухаживать подолгу;
У нас дела с утра до самой ночи,
И для того нам русские способней.
Дмитрий

Ты очень строг, Басманов, нынче; Шуйский
Добрей тебя.
Бучинский

Твоей великой мосци
Дозволь сказать! Царицу беспокоит,
Что усмотреть не можно за прислугой;
Что наши грубы с русскими, и много
И ссор и драк бывает на дороге.
Боится, чтоб в Москве не случилось то же.
Василий Шуйский

Мы, русские, с поляками роднимся.
Пускай дерутся, после помирятся.
Басманов

Молю тебя, великий государь,
Унять скорей поляков! Мыждемся
Беды большой. Вражда непримирима,
А новые обиды подольются.
Что масло на огонь.
Василий Шуйский

Так что же делать?
Не бить же нам гостей своих для свадьбы!
Нельзя ж и русских заставлять терпеть
И принимать с поклонами побои!
А пусть они дают полякам сдачи,
Так задирать поляки перестанут.
Бельский

Такой раздор недоброе пророчит.
Масальский

Дозволь полякам обижать народ.
Дозволь народу драться с поляками...
Натравливать – охотники найдутся!
Басманов

И вырастет из драки бунт народный.
Дмитрий

Молчите вы! Мне слушать надоело!
Не школьник я, не вам меня учить!
Поймите раз и навсегда, что Шуйский
Умнее вас, и рта не разевайте,
Когда мы с ним о деле говорим.
Власьев с рабочими на галерее.
Ну, что ты, Власьев?
Власьев

Бархатом разжился,
Веду рабочих – стены обивать.
Дмитрий

Дождитесь здесь, бояре! Я в покои
Царицыны схожу, взгляну работы.
(Уходит.)

Басманов

(Шуйскому)

Ты льстишь царю; твои советы – гибель.
Он молодой, горячий государь;
Любя его, ты будь руководитель,
Не поблажай, а на добро учи.
Василий Шуйский

Учить его, так быть умнее надо:
А я себя умней его не ставлю.
Мстиславский

(Басманову)

Да и тебе не след умом кичиться
Перед царем.
Василий Шуйский

Слуга не опекун.
Басманов

Покуда ты доверчивое сердце
Великого царя не портил лестью,
Он верных слуг своих любил советы,
За грубость речи гнева не держал;
Он верил нам, он спор любил, он помнил,
Что тот слуга, кто смело режет правду,
А наглый льстец – изменник, не слуга.
Василий Шуйский

Вот я женюсь, да если будут дети,
Так их учить – обязанность моя.
Выходит из галереи Дмитрий, за ним Осипов.

Дмитрий

Мертвец, худой и бледный! Кто, зачем он?
Спросить его! Остановить его!
Немцы загораживают Осипову дорогу

Басманов

Убогий смерд! Дьячишка из приказа!
Ты Осипов?
Осипов

Раб божий, Тимофей.
Басманов

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Зачем? Как смел? Откуда ты?

Осипов

Из церкви.

Дмитрий

Просить чего иль жаловаться хочешь
На слуг моих? Обижен ты?
Осипов

Тобою.
Дмитрий

Не знаю, чем и как я мог напрасно
Тебя обидеть, добрый человек.
Осипов

А тем, что ты в святых стенах кремлевских,
Среди церквей, вертеп греха поставил,
Нечестию и ереси поганой!
Святую тишь молитвы православных
Нарушил ты гуденьем мусикийским!
Вхождением еретиков латинских
И люторских ты храмы осквернил
Где я молюсь, пред чем благоговею,
Куда вступаю с трепетом священным,
Туда со мной литвин и лях с руганьем
И мерзостным кощунством вместе входят.
Басманов

Остановись!
Бельский

Молчи!
Масальский

Убить его!
Голицын

Какой смельчак!
Василий Шуйский

(тихо)

Какой подвижник веры!
Дмитрий

Не трогайте! Ты, Осипов, чего же
За брань свою желаешь заслужить
От милостей моих царевых?
Осипов

Смерти!
Какой ты царь! Тебе ль управить царством,
Когда собой управить ты не в силах!
Какой ты царь! Ты сам в оковах рабства!
Ты раб греха! слугитель сатаны,
Сидящий на престоле всероссийском!
Воистину расстрига, а не царь!
Бельский

(берет бердыш у немца)

Нельзя терпеть! Освободи нам руки,
И мы его на части разнесем!
Басманов

(берет бердыш у другого)

Изменник тот, кто может равнодушно
В глазах царя такие речи слушать!
Дмитрий

Ты, Осипов, себе желаешь смерти;
Ты заслужил ее. Иди на казнь!
Осипов

Чего же ждаты иного от расстриги!
Басманов

(занося бердыш)

Не изрыгай своих ругательств скверных,
А то убью!
Бельский

(занося бердыш)

Молчи! ни слова больше!
Осипов

Я смерти жду Постом и покаяньем
Я оградил себя от страха смерти
И, причастясь святых Христовых тайн,
Пришел к тебе из Божьей церкви прямо
Принять из рук твоих венец страдальца,
С которым я на небеса предстану.
Басманов и Бельский опускают бердыши.
Придет пора, то время недалеко,
И смерть моя тебе завидна будет.
Дмитрий

увести его!
(Идет к двери.)

Басманов

Пытать его прикажешь?
Дмитрий

Казнить его! Остановись, Басманов!
Простить иль нет?
(Молчание)

Жестокий, непреклонный,
Бесчувственный и твердый, как железо,
Безжалостен к себе народ московский;
Он милостей не ценит и не стоит.
(Указывая на Осипова.)

Стеречь его до моего приказа!
Свести в тюрьму!
(Быстро уходит.)

Басманов

Исполню, государь.
(Уходит.)

Василий Шуйский

(Голицыну)

Вот мученик святой! Идя на смерть,

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Он вымолвил пророческое слово:
«Завидовать моей ты будешь смерти».
(Уходит.)

Сцена вторая
ЛИЦА:

Дмитрий.

Пан Юрий Мнишек, воевода Сендомирский.

Марина Юрьевна, его дочь.

Камеристка.

Деревянная келья в Москве.

(5 мая 1606 года)

Входят Мнишек и Марина.

Марина

Скажи, отец, зачем меня, как птичку,
Здесь заперли?
Мнишек

Чтоб ты не улетела
От сокола, московского царя.
Марина

Ты знаешь сам, какой тяжелой цепью
Взаимных клятв, обетов, вздохов нежных
Мы связаны с державным женихом.
Как верны мы, и я и он, друг другу!
И вот за то должна я в заключение
Сидеть и ждать, когда угодно будет
Великому царю с собою вместе
Меня на трон московский посадить.
Смешной народ, обычаев старинных
Он изменить не может.
Мнишек

Если хочешь
Любимой быть, старайся сохранить
Обычаи и даже предрассудки
Земли, теперь родной тебе.
Марина

Стараюсь,
Хоть трудно мне и скучно привыкать
К поклонам их тяжелым, к дикой речи
И поступи размеренной и тихой..
А мой жених рядиться очень любит:
На дню пять раз переменяет платье.
Мнишек

Понравиться естественно желанье
В таком живом и страстном человеке.
Марина

Мне нравится царицей быть московской,
А царь Москвы и неуклюж, и груб.
Ты на царя похож гораздо больше,
Чем Дмитрий мой, великий император.
Мнишек

Учить тебя не стану; ты сумеешь
И Польши честь, и Гонор родовитых
Панов ее достойно поддержать
В Московии; но, кажется мне, слишком
Ты холодна с царем. Он обезумел,
Он все забыл, одной любовью бредит,
То шлет тебе подарок за подарком.
То рядится и только что не плачет.
Марина

А если так, ну, значит, не напрасно
Я холодна к нему. Отец! ты знаешь,
что, слабые и робкие созданья,
Мм, женщины, всю жизнь у вас под властью,
И только раз, когда страстей горячка
Безумная кипит в душе мужчины,
Холодностью и строгостью притворной –
Имеем мы и власть над ним и силу.
В земле чужой нам золото и жемчуг
Не лишние, алмазы – те же деньги.
Он нам с тобой полцарства обещает,
Короновать меня царицей хочет;
Но я боюсь, что сам-то он недолго
Процарствует. Бояре Сигизмунду
Уж кланялись, просили Владислава,
А если он усядется и крепко
В Московии, кто знает, после свадьбы
Каков он будет! Грубая природа
В нем скажется. Отец, ты знаешь, z chama
nie bedzie pana[13].
Мнишек

Брось свои тревоги
О будущем! Живи и наслаждайся
величием и баснословным блеском,
дарованным тебе любовью царской
И неисчетной царскою казной!
Доверимся герою молодому:
Он ловко взял державу самовластья
И удержать ее сумеет крепко
В своих руках, а ты царя-героя
Великий дух любовью оковала
И удержать в цепях любви сумеешь.
Музыка за сценой. Входит камеристка.

Камеристка

Его величество войти изволил.
Входит Дмитрий в венгерском платье.

Мнишек

Ясновельможный панне, цесаревне
Марине Юрьевне всея России,
Отец ее, пан Мнишек, бьет челом
И милостям ее себя вручает.
Между двоих влюбленных – третий лишний.
Кланяется Дмитрию и уходит.

Марина

Его величество мне извинит
Невольное смущенье; мы так рано
Не ждали вас...
Дмитрий

Холодное смирение

В речах твоих, почтительная гордость
Навстречу ласк горячих и объятий.
Когда же я, у ног твоих, Марина,
Дождусь любви?
Марина

Величие героя
В челе твоём, высоко поднят;
Все то, чем я гордилась издалека,
Вблизи меня пугает. Робкой деве
Слепят глаза блестящие наряды,
Толпы вельмож кругом тебя, и роскошь
Даров твоих, и раболепство слуг...
Почтительно сгибаются колена
Перед лицом твоим...
Дмитрий

любви, Марина!
Одной любви! Одной любовью беден
На троне я. Все то, чем я владею,
Все взято с бою, силой, отнятое.
Марина

Любовь лишь там, где равенство.
Дмитрий

Забудем
Различие! Не царь, а шляхтич вольный
Перед тобой.
Марина

Вам забываться можно,
А мне нельзя.
Дмитрий

Перенесися в Польшу
Мечтой своей! Забудь, что ты в Москве!
Глухая ночь, гремит и воеет буря,
Перед окном красавица тоскует
О рыцаре. Через горы и потоки
На бешеном, покрытом белой пеной,
Аргамаке он мчится, чтоб украдкой
Обнять свою любовницу.
(Обнимает Марину.)

Марина

(освобождаясь)

Довольно!
Велик простор тебе для самовольства
По всей Москве, а здесь мое владенье!
Царица я убогой этой кельи,
И здесь, за этой дверью, безопасной
Желаю быть.
Дмитрий

Глаза твои, Марина,
Презрением блеснули; эти взгляды
Ужасны мне. Не повторяй их боле,
Молю тебя. Они напоминают
Дни жалкие холопства моего,
Когда немой, трепещущий от страсти,
Земли и ног не чуя под собой,
Из-за угла следил я жадным взглядом
Шаги твои, и ты, проникнув дерзость
Надежд моих, с улыбкою змеиной
Глядела на меня и обдавала

Презрением от головы до ног.
Обиды нет обиднее тех взглядов:
Их вынести не мог я никогда;
Железная природа уступала
Их жгучести – и я, в слезах, без пищи,
В горячечном бреде, больной, метался
И день и ночь! Я болен и теперь:
Дай руку мне, до головы дотронься!
Вся кровь горит, дрожит и холодеет
Рука моя, – мой голос рвется, слезы
Сжимают горло и готовы хлынуть,
Свинцом лежит в груди тяжелым сердце!
Скажи, Марина, чем, какую жертвой
Мне заслужить любовь твою и ласку?
Марина

Московский царь, я лаской не торгую.
Дмитрий

Но если ты не хочешь оценить
Даров моих, позволь же мне, Марина,
Слезами и коленопреклоненьем
Молить любви твоей
Марина

Ни унижаться,
Ни унижать меня я не позволю.
Сравнять меня с собой у вас есть средство –
Короновать меня. Перед царицей
Вы можете тогда склонять колена,
Не унижаясь, – я тогда без страха
Могу обнять, как равного, тебя.
Дмитрий

Короновать? Да разве ты не будешь
Царицею, со мною повенчавшись?
Марина

Нет! Русские царицы только жены
Мужей–царей – по мужу лишь царицы;
Затворницы, пока мужа их живы,
По смерти их – живые мертвецы,
Монахини без власти и значенья.
А я хочу теперь короноваться,
Девницею, и мне твои бояре
И воинство пусть так же крест целуют
На подданство, как и тебе.
Дмитрий

Не знаю,
Не слыхано в Руси такое дело.
Марина

А где ж любовь твоя?
Дмитрий

А где ж награда
За все мои бесчисленные жертвы?
Марина

Последнюю мою исполни волю,
И жди себе награды – я твоя;
А без того назад уеду в Польшу.
Дмитрий

Приказывай! Назначь нам день и час;
Я прикажу собраться духовенству,
И нынче же напишем чин венчанья.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Марина

Я завтра перееду во дворец,
А послезавтра день коронаванья.
Дмитрий

Исполню все.
Марина

Спешить приготовленьем
Мне надобно. Прощай, до новой встречи
В дворце твоём!
Дмитрий

Хоть руку на прощанье
Облобызать позволю.
Марина

В твоём желанье
Не в силах отказать тебе. Изволь!
Прощай, мой царь.
Дмитрий

(целуя руку)

Прощай, моя царица.
Марина

(обнимая его)

Иди! Иди! Безвременною лаской
Не уменьшай бесспорных наслаждений!
Ты видишь ли, я берегу себя
Лишь для тебя, мой царь и повелитель!
Дмитрий

Владычица моя, я власть слагаю
У ног твоих; повелевай отныне
И мной самим, и целым государством.
Марина

да будет так! Я принимаю! Amen! [14]
(Кланяется и уходит.)

Дмитрий быстро убегает.

Сцена третья
ЛИЦА:

Василий Шуйский.

Дмитрий Шуйский.

Голицын.

Куракин.

Татищев.

Калачник.

Дворецкий.

Дворяне, боярские дети, головы, сотники и стрельцы новгородские и псковские,
купцы и простой народ.

Верхние сени в доме Шуйского. Темно.

(11 мая 1606 года)

Выходят из освещенной комнаты Василий Шуйский, калачник с восковой свечой в руке и дворецкий.

Василий Шуйский

А крепко ль мы живем, Иван? В кольчуге,
Я вижу, ты; меня-то бережете ль?
Калачник

И красные, и задние ворота
С дубинами робята берегут;
По улице в проулках, перекрестках
И по концам поставлены рогатки –
Ни конному, ни пешему нет ходу,
Кромя своих. На страже у рогаток,
Для случая, готовы верховые.
Я ставил сам и обходил дозором –
Я для того кольчугу и надел.
Василий Шуйский

Что бережно, то цело.
Калачник

Мы кольчуги
По твоему приказу отобрали
Из кладовой. Кому раздать, я знаю.
Кого но жаль, кому и жизнь копейка,
И голова не стоит ничего,
На них-то я кольчуги и надену.
Я рать сбору из вольницы московской;
Мы выпустим сидельцев бражных тюрем,
Цепных воров с Варварского крестца!
И эту рать удалю навстречу
Пищального огня я поведу.
Мы вашу грудь своею загородим;
За головы разумные бояр
Мы головы дешевые положим..
Зажечь огня?
Василий Шуйский

Одной свечи довольно.
Держи в руках! Не свадьбу мы пируем..
(Дворецкому.)

Собираются?
Дворецкий

Понабралось довольно,
Внизу полно. В сенях стрельцов поставил,
Торговый люд в поварне, в черных избах.
Василий Шуйский

А лишних нет?
Дворецкий

Кажись, что не бывало.
Василий Шуйский

Осматривай по одному! Чужого
Опрашивай: зачем пришел, откуда,
И кто привел? Когда позвать прикажем,
Пускай наверх без шуму, с береженьем!
Теперь ступай!
Дворецкий уходит вниз.

Бояре, выходите!

Выходят Дмитрий Шуйский, Голицын, Куракин, Татищев, дворяне, дети боярские и головы стрелецкие.

Голицын

Довольно с нас обид и униженья
От гордости поляков, нестерпима
Их пьяная хвастливость.

Куракин

То и дело

Мы слушаем от них, что нам, холопам,
Приятеля паны на царство дали;
Что служим мы холопски, что с панами
Вельможными мы честью не равны.
Потешились над нами наши гости,
И будет с них; пришел конец их панству,
Конец царьку и нашему холопству.

Голицын

Пора уж нам почет, боярам, видеть!

Мы выберем себе царя меж нами,
Боярского царя.

Дмитрий Шуйский

Опасный шаг!

Храни Господь!

Голицын

Не все ж играть в игрушки!

Пора боярам послужить земле.

Татищев

Боярами земля стоит от века,

Не выдать же чужим родную землю.

Василий Шуйский

Народ слепой, мы зрячие, мы видим,

Куда идти, чего хотеть народу.

Боярство – Русь великая, а земство

Идет туда, куда ведут бояре.

Народ возьмет, что мы ему дадим,

И будет знать, что мы ему велим.

Для наших дней и для потомков наших

Покроем мы все замыслы и думы

Глубокою и вековечной тайной.

Пусть люди нас не судят, судит Бог!

Дмитрий Шуйский

А страшно, брат!

Василий Шуйский

Кого же нам бояться?

И царь слепой, и так же слеп и прост

Бесовозлюбленный его советник.

Басманову ли править государством!

Он под носом не видит ничего.

Борисовы ученики, мы Грозным

Воспитаны, и нас не проведешь!

Не им чета! Вот мы умеем править

Землей своей, вести народ умеем.

По выбору и ложь и правда служат

У нас в руках орудием для блага

Народного. Нужна народу правда –

И мы даем ее; мы правду прячем,

Когда обман народу во спасенье.

Мы лжем ему: и мрут и оживают
По нашей воле люди; по базарам
Молва пройдет о знаменьях чудесных;
Убогие, блаженные пророчат,
Застонет камень, дерево заплачет,
Из недр земли послышатся глаголы,
И наша ложь в народе будет правдой,
В хронографы за правду перейдет...
Татищев

Великая боярская опора,
Василий, княж Иваныч, за тобою,
Как стадо мы. Не закрывай уста!
Василий Шуйский

Была пора, нам ложь была нужна,
Мы ею Русь спасали от Бориса;
Но выросла та ложь треглавым змеем,
Свила гнездо себе в чертогах царских
И ересью дохнула на Россию,
Детенышей развесть грозит, хочет
Облапить Русь погаными когтями.
Пришла пора покаяться, бояре,
Пришла пора виниться в воровстве.
Мы про себя и про царя народу
Всю правду скажем. Эй! Зови народ!
Калачник

(с лестницы свищет)

Дворецкий показывается.

Веди народ!
Василий Шуйский

Бояре, честь и место!
Усаживаются. Народ всходит по лестницам.

Вошли?
Дворецкий

Вошли.
Василий Шуйский

Закройте западни!
Голоса

Челом тебе, боярин
Калачник

Тише, тише!
Один из толпы

Бояре все, князья да воеводы,
И кланяться кому, не разберешь.
Калачник

Один поклон отвесь на всех, и будет.
Василий Шуйский

Честной народ, господним попущеньем
Мы нажили беду себе на плечи,
Великую и земскую беду.
Нам жить нельзя. А если б можно было,
Не стали б мы – бояре – собираться,
Совет держать украдкой, по ночам,
Не стали б мы и люд честной тревожить.
Голоса

Само собой! – Известно, что не стали б.
Василий Шуйский

Диавольской мечтой и омраченьем,
И нашим воровством у нас на царстве
Не царь, а вор, расстрига утвердился.
За воровство простите нас! Я первый
Прошу у вас прощенья!
(Кланяется.)

Мне царевич
Известен был – я хоронил его.
Голоса

Ну, как тебе не знать! – Известно, страхом
Заставили расстриге поклониться.
Василий Шуйский

Когда Борис холопам за доносы
Стал вотчины боярские давать,
Давил, как мух, боярство, половину
Извел его, а черного народу
И счету нет, терпенья нам не стало.
Щадя себя, мы думали, гадали
Избыть его, и нам Господь помог.
Явился вор в Украине, объявился
Димитрием, Литва заликовала,
Вся Сивера без бою отдалась,
За ней Рязань, казачество толпами
Пошло к нему – войска и воеводы
Борисовы служили неохотно
И скоро все передались за вора,
Винясь ему в измене небывалой.
Вздохнула Русь. Греха таить не стану,
Заведомо мы вору покорились;
Кто волей шел к нему, а кто от страха...
Голицын

И воля нам невольная была.
Небось своя рубашка к телу ближе.
Мы ведали, что волей, что неволей
Бесчестною, с веревкою на шее,
А быть за ним; так лучше волей с честью
Служить ему, и шли к нему охотой.
Василий Шуйский

Разумен он и молод; мы гадали
И чаяли, что будет он боярский
Совет любить и нас держать в почете,
Блюсти закон и чтить святую церковь,
Обычаев отеческих держаться.
Ошиблись мы! Вы видите и сами,
Таков ли он! Среди церквей соборных
Поставил он костелы езовитам,
Навел орду гостей разноязычных,
Еретиками Кремль заполонил,
Священников и нас, бояр, повыгнал,
Забрал дворы и отдал их полякам.
Из Польши взял латинской веры девку,
И, не крестя ее, венчался с нею
Под пятницу, под праздник годовой!
В монастыре держал ее до свадьбы;
Суреньщиков с гудками, трубачеев
Водил туда и всяких скоморохов.
Толпы бродяг с ругательством и шумом,
Оружием звеня, по храмам бродят,
Бесчинствуя над нашею святыней.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Так вот дела! Как знаете, судите,
Друзья мои!
Голоса

Не нам судить! – Не наша –
Боярская забота думу думать. –
Судите вы, бояре; мы за вами.
Василий Шуйский

Ограбил всю и промотал дотла
Копленную казну царей московских.
То в Польшу шлет, то здесь дарит полякам
Без разума, без счета – точно ворог
Земле своей и царству разоритель.
Сплотили мы, скрепили государство,
А он его опять разносит врозь.
Всю Сиверу за дочь сулит он тестю,
А королю за сватовство – Смоленск.
А вас, друзья мои, новгородцы,
Со всей землей и Псков еще в придачу –
Жене своей, Марине, отдает,
И вольно ей латинские костелы
По городам новгородским ставить.
Новгородские стрельцы
О Господи! Вот грех какой! – Боярин,
Вступишь за нас! – Василий, княж Иваныч,
Твой род служил новгородской воле
До самого конца ее.
Псковские стрельцы
Твой братец
Двоюродный, Иван Петрович, Пскову
Защитник был от страшного Батуры.
Василий Шуйский

Терпеть ли нам и ждать сложивши руки,
Пока бояр поляки изведут
И волости московские поделят,
Погонят вас, как стадо на убой,
Латинские обедни слушать силой!
Терпеть ли нам? Судите как хотите!
Голоса

Нельзя терпеть! – Нельзя терпеть, боярин!
Избыть беды! – Избыть! Чего тут думать!
Немало нас – мы встанем за один.
Василий Шуйский

Я раз лежал под топором на плахе,
Народ молчал, никто не шелохнулся.
Голоса

Прости ты нас, боярин! – Нам расстригу
Доподлинным царевичем казали.
Мы верили боярам.
Василий Шуйский

Виноватых
Я не ищу. Меня небесный промысл
Помиловал и сохранил для мести.
Я смерти ждал; мальчишка вздумал шутики
Шутить со мной – я шуток не люблю,
Для шуток стар я. Вывести на потеху
Народную седого старика,
Боярина, опору государства,
Под топором держать его на плахе,
Потом дарить непрошеным прощеньем!
Я осужден соборным приговором:
Казни меня, но не шути со мной!

С врагом шутить и глупо и опасно!
Врагов губи! Будь он в моих руках,
Я с ним шутить и нянчиться не стану.
Я видел смерть и, если будет нужно,
Готов опять идти навстречу смерти,
Но головы терять не стану даром.
Уж умирать, так всем: мы смертью купим
Живот себе.

Голоса

Мы все умрем, боярин!
Какая жизнь у нехристей под властью!
Душа нужней – без Бога не прожить! –
Антихристу служить тяжеле смерти! –
Ордой идти не страшно! – Грянем разом,
Так дым столбом – сыра-земля застонет.
Кажите нам дорогу, мы за вами! –
Мы шапками поляков забросаем! –
Давайте нам работу!
Калачник

Тише, тише!
Василий Шуйский

Ну, если так, и ладно. Вы, покуда
Пора придет, товарищей собирайте:
Вы, головы и сотники, по сотням,
А вы, купцы-торговцы, по рядам!
Татищев

Вы кучами, толпами не сходитесь!
По одному, тихонько, с глазу на глаз
Ведите речь толково: что, мол, время
За веру стать, что больше православным
Терпеть нельзя.
Голоса

Да ладно, ладно! – Знаем,
Кому и как сказать. – Святое дело
Без разума и толка не начнем.
Василий Шуйский

Так по рукам!
Голоса

Ударимся, бояре!
Бояре встанут и подходят к народу.

Василий Шуйский

Давай друг другу! Помните: где руки,
Там – головы. Рука божбы дороже!
Голоса

Моя рука! – Еще рука! – За братьев,
За всех своих товарищей!
Сотник

За сотню!
Голоса

За тысячу!
Купец

За весь иконный ряд!
Василий Шуйский

Ну, слушайте, робята!

Тише, тише!
Василий Шуйский

Неделю вам я сроку дам; в субботу
Зарю встречай и поджидай работу!
Татищев

Готовь мечи, ножи, точи булатны!
Василий Шуйский

И разом в сход, как загудет набатный.
Голоса

В набат! – В набат!
Голицын

Готовься, жди набата!
Калачник

Всю ночь не спать, набата ждать!
Василий Шуйский

Робята!
Заслыша звон, со всех сторон московских
Сбирайся в сход вблизи ворот Фроловских
И в Кремль за мной вались толпой!
Голицын

Укажем,
Кого искать, с кого начать.
Татищев

Намажем
Дворы чужих, кресты на них напишем.
Калачник

Всю ночь сиди, набата жди!
Голоса

Услышим!
Глухие, что ль! – Невесть отколь нагрянем!
Голицын

Поможет Бог, врагов врасплох застанем!
Голоса

Зачем собирать большую рать и силу!
Один с копьем, другой с дубьем под силу!
Ведите нас! – Идем сейчас на драку!
Зачем терпеть, чего жалеть собаку!
Робята – в Кремль!
Василий Шуйский

Потише!
Калачник

Тише, тише!
Василий Шуйский

Смирней, друзья! Не бунт мы затеваем!
О чем шуметь! Святое наше дело.
Придет пора и время; мы за веру
Иконами, крестами ополчимся,
Помолимся и скажем: с нами Бог!
Голоса

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Ты всем глава. – Что скажешь, то и будет.
Василий Шуйский

(кланяясь)

Спасибо вам за ласку и раденье!
Бог помочь вам и нам! Ступайте с Богом,
По одному, без шума, не спеша!
Голоса

Челом тебе, боярин, за науку! –
Челом тебе за ласковое слово! –
За все челом, и вдвое за любовь.
Кланяются и сходят с лестницы.
Василий Шуйский

(боярам)

Пойдем, друзья, досиживать до свету!
В Кремле сидят, а мы не хуже их!
Уходят все, кроме Голицына и Куракина.
Голицын

Толкуй себе: «Не бунт мы начинаем!»
Чего ж еще, коль это уж не бунт!
Куракин

Какой же бунт! Василий свет Иваныч,
Что ни начни, все свято у него!
Заведомо мошенничать сберется
Иль видимую пакость норовит,
А сам, гляди, вздыхает с постной рожей
И говорит: «Святое дело, братцы!»
Уходят.

Сцена четвертая
ЛИЦА:

Калачник.

Юродивый.

Иванушка-дурак.

Повар дворцовый.

Старик столетний из Углича.

Купцы, стрельцы, разные мелкие торговцы, мальчишки, простой народ и странники.

Рота немецких алебардчиков с капитаном; десятские.

Улица в Китай-городе.

(12 мая 1606 года)

Проходит толпа разного народа. Четверо купцов; кругом разговаривающих постепенно собирается толпа.

1-й купец

Чего нам ждать! Час от часу не легче!
Приехали на свадьбу, а возами
Оружия с собою навезли...
И понимай как знаешь!

2-й купец

Понимать–то
Тут нечего! Яснее свету дело:
Пришел конец, забрались волки в стадо.
1–й купец

Большой наряд за Деревянный город
Поволокли и ставят на лужку,
У Сретенских ворот, полево Красных
Слобод.
3–й купец

Зачем?
1–й купец

А разве ты не знаешь!
Бояр губить – своих поляков тешить.
Назначен бой примерный в воскресенье,
И перебьют бояр до одного.
4–й купец

Не может быть! А волости царевы
Кому держать?
1–й купец

Поделят их полякам,
По городам латинство заведут.
3–й купец

Беда бедой, живой ложись в могилу!
1–й купец

Велик Господь! Ты бойся, да не очень!
Вы помните, что прежде воскресенье
Субботный день бывает.
4–й купец

Это верно.
1–й купец

Сиди да жди субботы!
(Уходит.)

2–й купец

Не мешает
Дубинки нам, робята, заготовить,
Чтоб было чем подчас оборониться.
Выходит толпа поляков, слуг Вишневецкого.
Поляки

Эй, хлопы! Прочь с дороги!
Голоса

Разойдемся!
Простор велик в Москве, гуляй где хочешь! –
А тесно вам у нас – гуляйте в Польшу!
Поляки

Стрелять по вас, холопская порода!
Мальчишки

(прыгая)

Ну, застрели! Ну, застрели! Не смеешь! –
Поляки! У! – Безмозглые поляки! –
Пучки, глаголи, лысые затылки!
Поляки бросаются с саблями на мальчишек.

Голоса

У нас не так; по-нашему-то вот как! –

Валяйте их камнями, ребята.

Бросают камнями в поляков, те скрываются в ворота дома, занимаемого Вишневецким; выходят пятеро небогатых посадских.

1-й посадский

Его с двора прогнали, а поляков

Поставили.

2-й купец

Кого его?

1-й посадский

Попа

Чертольского, от Знаменья. Строптивный

Старик такой.

2-й посадский

Ну, что же?

1-й посадский

Ну, и слушай!

Обедню он, как надо, отслужил;

Ектению проговорил честь честью;

«Благочестивого» сказал порядком,

А после в алтаре тихонько проклял.

3-й посадский

Анафемой?

1-й посадский

Анафемой!

4-й посадский

Да правда ль?

1-й посадский

Все слышали.

2-й посадский

Зачем бы гнать попов?

Помимо их других дворов довольно.

1-й посадский

Монастыри хотят теперь очистить,

Прогнать из них монахов и монахинь.

3-й посадский

А где ж им жить? В миру соблазна много.

1-й посадский

Монахам жен дадут, монахинь замуж

Повыдадут. А кто не пожелает,

Тому конец.

5-й посадский

Ни в жизнь я не поверю.

1-й посадский

Ты верь не верь, а деньги обирают

В монастырях; не проживешь без денег.

2-й посадский

И деньги-то святые: на строенье

Да за душу миряне подавали;
А их возьмут, полякам раздадут.
Десятский

Чего вы тут! Зачем собрались кучей?
Петр Федорыч толпиться не велел
По улицам.
1-й посадский

Иди своей дорогой,
Покамест цел. Не трогают тебя.
Не приставай и ты, дружок!
Входит калачник и уставляет лоток.

Калачник

Торгую!
Вались народ со всех ворот. Горячи!
Горяченьки калачики!
Входит дворцовый повар, пьяный.

Повар

(сам с собою)

Утя ли
Перченное... кострец лосин... осердые
Крошеное... рожновое куря...
Иль ряб под сливами... я всё умею!
Калачник

Один подшел, почин пошел, горячих!
Не обожгись, смотри!
Торговка

(с грешневиками)

Напек, нажарил
Кривой хозяин; скриву не видал.
Больших давал. Подуйте, да и жуйте!
Повар

Опять же гусь, и лебедь, и журав...
Как хочешь их... и потрохи, и крылья...
В рассол могу инбирный с огурцы...
Выходят странник и молодой стрелец; их окружает всякий народ.

Странник

Он вор прямой! Я лгать тебе не стану;
Убей меня Господь на этом месте!
Какая стать природному царю
Закон менять, а он его меняет.
Не то что царь, а мы, простые люди...
Примерно ты, пойдешь ли ты венчаться
Под пятницу, под вешнего Николу?
Стрелец

Болтай еще! Какая мне неволя!
Странник

А кто его неволил!.. Это раз!
Другой тебе: венчался с некрещёной.
Стрелец

А патриарх?
Странник

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Игнатий–то? Потатчик,
и пьяница, и еретик известный..
А вот тебе и третий: в бане не был
до сей поры, не мывшись в церковь ходит.
Стрелец

Да правда ль, друг?
Странник

Спроси других. С царицей
по пятницам телятину едят.
Повар

(прислушиваясь)

Телячьих мяс я жарить не согласен
по пятницам... и что за сласть такая!
Показана тебе в писанье пища..
Стрелец

Ты кто такой, приятель?
Повар

Царский повар.
Странник

Ну вот, спроси!
Стрелец

Скажи, дружок, по чести,
телят у вас к столу цареву носят?
Повар

Неужто ж нет! Нарядят, изукрасят
всего, как есть, с рогами постаноят,
да так и жрут. Поганая Марина
и поваров из Польши привезла,
а нас прогнали, друг; мы не умеем..
гуляй теперь по всей Москве, где знаешь.
Входит старик.

Калачник

(старик)

А, дедушка! Отколь Господь несет?
Старик

Из Углича, родимый, поклониться
Угодникам московским.
Калачник

Дело вздумал!
Честной народ, подвиньтесь–ка поближе!
нам дедушка про Углич порасскажет.
Народ окружает старика.
Ты в Угличе Димитрия видал ли
Царевичем? А буде не случилось,
так погляди его царем у нас!
Старик

Сто лет живу, из Углича ни шагу
не выходя: царя Ивана помню.
Назад тому лет будет полусотня,
он был у нас в гостях, у брата Юрья
Василича, и с ним на богомолье
в обители окрестные ходили.
А Димитрия–царевича не то что

Я видывал, и нянчить приходилось.
Кораблики ему, бывало, строил
Лубочные – потешиться: по Волге
Любил пускать...
Голос из толпы

Ступай к нему; он вспомнит,
Пожалует тебя.
Старик

Кривить душою
В мои лета какая мне неволя!
Царевич жил и рос в моих глазах,
Я, в самый день безбожного убийства,
Его живого видел у обедни;
К убитому всех прежде прибежал,
Стоял над ним, зарезанным, и плакал.
При мне его в могилу опустили.
И с той поры наш Углич запустел;
Унес с собой царевич наше счастье.
Голоса в толпе

Болтай еще! – В застенке побываешь! –
Пойдемте прочь; мы глухи, не слышали.
Старик

Ни в милостях его я не нуждаюсь,
Ни гнева не боюсь! Сто лет я прожил,
Еще ста лет не проживу; о лишнем
Десятке дней и спорить нет расчета.
Десятский

Вязать его! Робята, помогите!
Десятские!
Калачник

Кричи, собирай десятских!
Помогут ли они тебе, посмотрим!
Ты лет не чтишь, ты сдуру поднял руки
На старика седого! Ну, так стой же!
Учливости я выучу тебя.
(Хватает его за ворот.)

Десятский

Ты что шумишь? Ты сам-то что за птица?
Калачник

Что я-то?! Я не сыщик, не доносчик;
Я – весь народ московский; вот кто я!
Ты радуйся, что мы покуда тихи.
Берись за ум, одну с народом песню
Затягивай! А то беды дождешься;
Возьмем дубье, и вам, с панами вместе,
Достанется, басмановские псы!
Десятский

Тебя, дружок, вязать-то! Эй, робята,
Держи его!
Калачник

Убью тебя на месте,
Анафема! Зубами загрызу!
(Роняет десятского)

Давайте нож! Берите, братцы, колья!
Убьем его до смерти! Жил собакой,
И умирать ему собачьей смертью!

Да смилуйся! И сам не стану трогать
Честной народ, и закажу другим.
Голоса

Убей его! – Туда ему дорога! –
Кончай его скорей!
Десятский

Пустите душу
Покаяться!
Калачник

Ну, черт с тобой! Смотри же
Держи язык на привязи! Своруешь –
Везде найду, и не проси пощады!
Не жить тебе!
Входит юродивый в польской шапке.

Голос из толпы

Афоня, ты отколе?
Юродивый

На свадьбе был и мед и пиво пил.
Невесело!
Голос

Зачем ты в польской шапке?
Юродивый

Наденем все. Митрополит казанский
Не захотел надеть, его сослали –
Сослали, да! В цепях и заключение
Томят его.
Калачник

Садись со мной, убогий!
Сыграем в зернь! Покажем православным,
Какой игрой своих поляков тешит
Московский царь, чтоб им не скучно было.
На тебе шапка кругла,
На четыре угла;
Ты будешь поляк,
А я русак –
И будет дело так.
Мы наперво на Новгород сыграем!
Играют вместо костей камешками.
Ну, Новгород тебе я проиграл.
Теперь на Псков...
(Народу.)

Да что же это, братцы!
Никак, ему и Псков я проиграл.
Куда ни шло, на Северскую землю!..
Ахти, беда! Совсем я проигрался.
Осталось мне московские соборы
Проигрывать полякам.
Вбегают купец.

Купец

Защитите,
Родимые! Напали полячишки
Проклятые, отбили силой дочку.
Калачник

А где они?

Купец

Да вон бегут! Родную

К себе тащат.

Поляки с девушкой у ворот дома, где стоит Вишневецкий.

Калачник

Денной разбой, робята!

На выручку! Работай чем попало.

Разбивают разножки, на которых ставят лотки, и обломками дерутся с поляками.

Отбивают девушку. Из ворот выходят люди Вишневецкого с ружьями.

Калачник

С пищалями?! Скликай народ, робята!

Голос

Вались, народ! Обидели поляки!

Прибегают несколько человек и Иван-дурачок.

Мальчишки

Иванушка! Иванушка-дурак!

Калачник

Иванушка! Кричи, что силы хватит;

Сзывай народ! Кричи: поляки бьют!

Иван

Поляки бьют! Поляки наших бьют!

Сбегается народ, слуги Вишневецкого стреляют холостыми зарядами, уходят в ворота и запирают их.

Калачник

Давай сюда камней, поленьев, бревен!

Несут бревно.

Берись дружной, высаживай ворота!

Раскачивай! Затягивай дубинку!

Несколько человек запевают песню «Ах ты, дубинушка, ухни!», раскачивают бревно и бьют в ворота; дурак кричит. Показывается рота немцев с капитаном и начинает напирать на народ.

Капитан

(народу)

Пошел домой! Ходи домой! Ihr, Schurken![15]

Калачник

(прячась за дурака)

Иванушка, сучи кулак на немцев!

Иван

(засучив рукав)

Ну, выходи!

Калачник

Ругни их хорошенько!

Иван

Проклятые, с своим царем проклятым!

Капитан

Бери его! Вяжи! Das ist ihr hauptmann! [16]
Весь народ разбегается. Дурака уводят немцы.

Сцена пятая
ЛИЦА:

Дмитрий.

Марина.

Олесницкий, каштелян мологоский; посол Сигизмунда.

Шуйский.

Голицын.

Юрий Мнишек.

Вишневецкий Константин.

Бучинский.

Иван-дурак.

Музыканты, песельники, стража; поляки и польки, родственники Марины и гости.

Зала в новом дворце.

(13 мая 1606 года)

Выходят Дмитрий и Олесницкий; за ними бояре: Шуйский, Голицын; паны: Мнишек, Вишневецкий и другие; Марина со своей свитой.

Дмитрий

Пан мологоский! брага Сигизмунда
Сомнительно ко мне расположение.
Не вижу я любви его. Скитальцем
я в Кракове почету больше видел,
Чем здесь теперь, когда я сел на царства
Великие, когда страны полночной
Единым обладателем я стал.
По-братски ли не признавать титулов
Наследственных, от Бога нашим предкам
дарованных? Титулы много значат,
Когда они действительны: не словом,
А делом я коронами владею
Великих царств. Мы брата Сигизмунда
Наследственных титулов не лишаем
И королем наследным свейским пишем,
А он король – лишь только на бумаге.
Дивлюсь ему! Иметь в своем титуле
Наследные права и спать спокойно!
Имей-ка я хоть тень такого права,
я б свейскую корону с боя отнял.
Олесницкий

У нас земля свободная: не могут,
Для личных прав и выгод, короли
Покой страны и подданных нарушить.
Дмитрий

А если так, я б вашу Польшу бросил,
Без вас бы отнял свейскую корону,
Потом бы стал и Польшу доставать...

А впрочем, пан, оставим разговоры.

Мы вечер посвящаем на забавы.

Я утром – Царь, а вечером – любовник,

Вздыхающий у ног своей богини.

Марина

Мы танцевать хотим!

Дмитрий

Здесь ваша воля –

Закон для нас. Эй! Музыка и песен!

Музыка. Царь с царицей и поляки танцуют польский.

Олесницкий

(Василию Шуйскому)

Москва шумит, поляков обижают.

Василий Шуйский

Вельможный пан боится хлопов глупых?

Олесницкий

Вельможный пан боится или нет,

Он знает сам про то; а Шуйский знает,

Что чернь в Москве недаром зашумела.

Василий Шуйский

Послов не бьют.

Олесницкий

Пока страна покойна.

Василий Шуйский

Скажи царю, просите для защиты

Стрельцов себе!

Олесницкий

Царю мы говорили;

Не верит нам.

Василий Шуйский

Басманову скажите!

Олесницкий

Покойней нам, вернее, если Шуйский

Поручится за нашу безопасность.

Дай руку, пан!

Василий Шуйский

Изволь! Ручаюсь Богом,

Что волосом тебя никто не тронет.

Олесницкий

(показывая на Юрия Мнишка)

Без шапки воевода Сендомирский

И спину гнет на старости кольцом.

Василий Шуйский

Тебе пример дает.

Олесницкий

Я понимаю.

Проходят.

Вишневецкий

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
(Мнишку)

Случись еще подобная тревога,
Я жолнерам стрелять велю.
Мнишек

Потише!
Мы гости здесь.
Вишневецкий

Тем хуже! Царь московский,
Не выдавай гостей своих в обиду!
Кацапов глупых тысячи четыре
Вчера сошло с дубьем к моим воротам.
Аль царь забыл, так я ему напому
И подданным его, что Вишневецким
Он сам служил холопом при конюшне.
Он должен бы беречь моих холопов,
Они ему товарищами были.
Мнишек

Не обижай меня и дочь–царицу,
Прошу тебя! Мы после, Вишневецкий,
Поговорим с царем наедине
И выпросим охраны понадежней.
Подходят Шуйский и Голицын.

Голицын

У вас паны мазурку лихо пляшут,
Глядеть на вас потешно.
Василий Шуйский

Не мешает
И нам себе завести такую пляску,
Особенно на свадьбах.
Вишневецкий

Мы, поляки,
Когда у нас нет дела иль войны,
Хоть каждый день плясать готовы.
Голицын

То же
И мужики у нас: как пьян, так праздник,
И заплясал.
Вишневецкий

Вам надо поучиться
У рыцарей и делу и забавам.
Голицын

Ну, дело–то мы знаем без ученья,
А пляскам вот не худо поучиться.
Да только мы, паны, не будем сами
Боярских ног ломать другим в потеху:
Холопов мы по–польски изнарядим
И забавлять себя велим мазуркой.
Вишневецкий

(Мнишку)

moskiewskie barbarzystwo[Московское варварство (польск.)!].
Отходят.

Голицын

Так–то лучше!

(Шуйскому)

Скажи мне, князь Василий, ты московский
Простой народ как на ладони видишь,
Откуда в нем такая перемена?
Василий Шуйский

А как мне знать! С утра до поздней ночи
Я во дворце толкусь, у государя;
Сегодня пьян, а завтра сплю с похмелья –
Я ничего не вижу и не слышу.
Басманов

Мятеж в Москве.
Василий Шуйский

Ты что ж не унимаешь?
Басманов

Унять народ легко – добраться нужно,
Кто возмутил, кто вести распускает.
Голицын

Разыскивай!
Басманов

Сказать ли государю,
Иль подождать?
Василий Шуйский

Скажи, правее будешь.
Басманов тихо говорит с Дмитрием.

Голицын

(Мнишку)

Вельможный пан, ты видишь, мы хлопочем
О тишине и вашем успокое.
Мнишек

Dzińkuji?[17], пан Голицын; мы за ласку
Заплатим вам.
Вишневецкий

Мы вас за то похвалим
Перед царем, которого из Польши
Мы дали вам.
Голицын

А из чего ж мы бьемся.
Дмитрий и Басманов подходят.

Дмитрий

(Мнишку и Вишневецкому)

Мой глаз везде, мне тотчас все известно;
Без ведома и воли нашей, царской,
Ничто в Москве не может совершиться.
Вам можно спать спокойно. Мы за это
Поручимся. Разведайте, бояре,
О чем шумит народ, чего он хочет?
Василий Шуйский

Признаться, я большой беды не вижу

От драки пьяных польских челядинцев
С торговцами московскими. Однако ж
И разыскать виновных не мешает.
Вишневецкий

Вдвоем, втроем дерутся – будет драка;
А в тысячах не драка уж, а бунт.
Василий Шуйский

Пословица такая есть: «У страха
Глаза велики», – пан ясновельможный!
Дмитрий

Народный шум гостей моих пугает;
Уверьте их, бояре, что я принял
Свою державу крепкою рукой.
Василий Шуйский

Бог дал, у нас народ не то, что в Польше:
Земля царю, а царь народу верит.
У вас мятеж и рокош[18] каждый день.
А если вам и тут все рокош снится,
Для верности прикажем днем и ночью
По улицам стрельцам ходить дозором...
Не разберешь, кто прав, кто виноват!
Вчера, в ночи, поляки на Никитской
Боярыню насильно из повозки
Уволокли.
Дмитрий

Вы слышите, паны!
Все разыскать и наказать виновных!
Потачки нет ни русским, ни полякам.
Бучинский входит.

Ты, Ян, зачем?
Бучинский

От немцев с донесеньем.
Дмитрий

О чем еще?
Бучинский

Они уведомляют
О мятеже в Москве.
Дмитрий

Вы надоели
Мне с мятежом.
Бучинский

Мятежников прогнали,
Разбили в пух. Зачинщик-предводитель
Попался в плен и приведен сюда.
Он поносил тебя позорной бранью.
Василий Шуйский

Диковина! Откуда только смелость
Доносчики берут царя тревожить
В такие дни! У государя гости,
Он целый год царицу ждал в Москву;
Привел Господь, соединил их браком;
На первых днях медовых друг на друга
Глядеть бы им да любоваться только,
А немцы тут с доносами. Басманов,
И ты туда ж! Да разве нет боярства!
Иль думы нет у цесаря! Не хуже

Басманова мы бережем его!
Скажите нам, мы разберем, в чем дело,
Не доводя напрасно до кручины
Державную чету.
Дмитрий

Скажите немцам,
Что верности их верю и доволен
Их службою, за преданность хвалю;
Но если преданность еще покажут
Такою же, велю их батогами.
Пойдем, паны, и снова отдадимся
Веселию – тяжелые заботы
Правления на верных слуг возложим.
Бояре, вы сейчас же допросите
Изменника и разберите дело!
Шуйский и Голицын уходят.

Басманов

(Дмитрию)

Темна вода во облацех небесных!
Не Шуйский ли затейщик этой смуты?
Дмитрий

Подозревать бояр своих ближайших
И каждый час беречься их измены –
Так жить нельзя. Ты выведи мне ясно
Изменников, я их не пожалею,
Не только Шуйских, половину думы
Казнить велю сейчас; а без улики
Они – друзья мои, и я им верю..
Басманов! нам с тобой бояре нужны.
Правители плохие мы: не знаем
Цены казне, цены своим речам –
Мы воины. Сноровка вековая.
Боярская, за нас управит землю,
Поддержит честь ее в делах посольских;
А мы с тобой все лето воевать,
А зиму всю гулять да пировать.
(Жмет ему руку.)

Марина

(Дмитрию)

Какой-то бунт, я слышала, бояре
Затеяли. О чем они бунтуют,
Вели спросить да запереть их крепче,
И танцевать начнем с тобою снова.
Дмитрий

Иду, иду! Живее нам мазурку!
Музыка. Танцы и песни. Шуйский и Голицын входят.

Василий Шуйский

(Дмитрию)

Великий царь, мятежника я видел
И опросил. И смех и горе с ним:
Дурак и пьян!
Голицын

Мотает головою
И языком лепечет, как спросонков;
Не разберешь. Глядеть и слушать дивно.

И трезвый он умней того не будет,
Каков теперь. Вели его покликать,
Изволь взглянуть! Увидишь, что не стоит
И гнева он.
Дмитрий

Позвать его сюда!
Бучинский уходит.
Марина

Зови гостей ко мне, в мои покои,
Я приказала маски приготовить.
Стража вводит дурака Ивана; он хохочет, мотает головой и показывает на всех
пальцами.

Прогнать его!
Дмитрий

Освободить!
Дурака выводят.

А немцам,
За глупость их, построже пригрозить!
Так вот чего, паны, вы испугались!..
Пойдемте все в царицны покои;
Она своих гостей потешить хочет
Невиданной еще в Москве утехой.
(Марине.)

Краса моя, я счастлив бесконечно!
Моя любовь достигла торжества.
Она меня звездою путеводной
К величию и трону привела;
Безумную, кипучую отвагу
Вливала в грудь. И стала мне знакома
Безмерная та сила Александра
И Цезаря, которая героям
Владычество над миром даровала!
Ты, гордая красавица, просила
У бедного, бездомного скитальца
Венца себе. Тебя короновал я
И посадил царицей стран полночных.
Я сам сковал себе свое блаженство,
И тем оно дороже для меня!
Героем я рожден! Великой доле
И доблести завидовать лишь можно,
Отнять нельзя – отнимет только смерть!
Все уходят за царицей, кроме Дмитрия и Басманова.

Дмитрий

(Басманову)

Голицына и Шуйского без шуму,
Когда пиры мы кончим, посадить
За приставы, всю их родню, знакомых
И близких им! Не подавай и виду:
Пусть думают, что мы не бережемся.
У них в глазах недоброе!
Басманов

Исполню!
Сцена шестая
ЛИЦА:

Дмитрий.

Басманов.

Шуйские, Василий и Дмитрий.

Голицын.

Куракин.

Татищев.

Молчанов.

Валуев и Воейков, дворяне.

Калачник.

Сотник стрелецкий.

Стрельцы; немецкая стража; народ.

Передняя зала с выходом на галерею в новом дворце.

(17 мая 1606 года)

Выходит Басманов.

Басманов

А солнце уж высоко поднялось!
Со свадьбой мы все время перебили,
Смотали с ног дворцовую прислугу;
Коморники встают позднее нас –
Ни одного в покоях.
Набат.

Ударяют!

Что рано так? Аль праздник где? Сегодня
Андроника, Стефана... Где-то близко...
Никак, набат? И то набат! Вот горе!
Пожар теперь – беда! Перепугает
Гостей у нас! Москва гореть горазда:
Как примется – и не уймешь, покуда
Не выгорит поболее половины.
Повсеместный набат.

По всем церквам. Ужасен звон набата,
Отрывистый и частый! За ударом
Гудит удар и обливает сердце
Томительной тоской перед бедою
Неведомой!
Дмитрий входит.

Дмитрий

Басманов, что такое?
Басманов

Должно, пожар.
Дмитрий

Поди узнай скорее.
Басманов уходит на галерею.

Басманов

(с галереи)

Бояре! Эй! Бояре!.. За набатом
Речей не слышно... Ась!.. Зачем в набат
Ударили?
Голос

(за сценой)

Горит неподалеку.
Басманов

Кричат: горит! а дыму не видать.
(Дмитрию.)

Никак, в Кремле! Чу! слышишь, зашумели,
Валят толпы народные.
Дмитрий

(у окна)

Разведай,
Куда бегут они, зачем, откуда?
Басманов уходит.

Не шум, а вопль несется. Нет, со страха
Не так шумят. Оружие! Угрозы!
Ужель мятеж? Ужель Басманов прав?
Ужели смерть и страшный суд так близко!
Застыла кровь, и каждый волос дыбом
Становится. Не страх ли то? О нет,
Не робок я; зачем же, против воли,
Прошедшее толпой теснится в грудь?
И юности моей бродячей годы
Встанут теперь в моем воспоминанье,
Самборский пир и киевская келья,
Московский Кремль, народа ликование,
И битвы шум, и звон колоколов,
Венчание и, наконец, победа
Над гордостью красавицы любимой!
Входит Басманов, десятка три немцев с алебардами. Звон оружия и крики.

Басманов

Ахти, беда! Спасайся, государь!
Я говорил не раз: ты мне не верил.
Дмитрий

Изменники, бояре, вы согнали
Во львиное гнездо овечье стадо!
Крамольники! Своими головами
Заплатите за кровь невинной черни.
Я с виселиц высоких вас заставлю
Пересчитать все жертвы мятежа!
Басманов

Беги скорей! Внизу дерутся немцы,
А этих здесь поставим у дверей.
Вбегают Молчанов.

Молчанов

Мятеж! Мятеж! Я кое-как пробился..
Москва идет на нас, купцы, бояре.
Дмитрий

Собрать скорей всех немцев и поляков

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
и верных нам стрельцов. Микулин где?
Молчанов

Пройти нельзя: все заняты ворота.
Дмитрий

Кто занял их? Басманов, не робей!
Молчанов

Мятежников, стрельцов новгородских,
Впустили в город ночью. Много их.
Дмитрий

Проклятые! Басманов, будем тверды!
Молчанов

И видимо–невидимо народу
Московского сошлось со всех сторон.
Дмитрий

А предводитель кто?
Молчанов

Василий Шуйский,
С крестом в одной руке, с мечом в другой.
Дмитрий

Коварным плут святыней прикрывает
Свой замысел, достой ими сатаны.
Подайте меч!
(Берет меч.)

Басманов

Мятеж во всем разгаре:
Там ад кипит! Куда ты, государь?
Остановись!
Дмитрий

Пусти меня, Басманов!
Я умереть хочу с мечом в руках.
(Выбегает на галерею.)

Зачем вы здесь? Крамольники, злодеи,
Изменники! Я вам не Годунов!
Поклонами холопскими, слезами
Укланяли его да умолили
На царство сесть, и сами же спихнули!
Не вы меня на царство посадили,
Я с бою взял его и вас, холопов.
Голоса

Руби его! – Стреляй! – Да бейте немцев.
Выстрелы.

Что их жалеть! – Чего они мешают!
Дмитрий входит в комнату. Врывается Осипов.

Осипов

Проспался ль ты, безвременный царек?
Поди сюда! Покайся пред народом!
Басманов бросается на него и убивает. На галерее показываются Василий Шуйский и народ.

Дмитрий

(бросается с мечом)

Тебя–то мне и нужно!
Василий Шуйский

я не прячусь,
я сам тебя ищу.
Дмитрий

Вам нужен Грозный!
Так знай же ты, что я сумею быть
Грозней его.
Василий Шуйский

Про то мы сами знаем,
Кто нужен нам, да только лишь не вор.
Дмитрий бросается на Шуйского; народ загораживает его. Басманов насильно уводит
Дмитрия; немцы загораживают собою дверь, запирают ее и заваливают мебелью.

Дмитрий

(с отчаянием)

Не вор! Не вор! O! wszyscy djabli![19] Знали
И прежде вы... Зачем же я на троне!
Зачем меня вы прежде не убили.
Пока я был ничтожен, как и вы!
Зачем меня на царство допустили
И дали мне изведать сладость власти,
Начать дела геройские и славу
Побед своих заране предвкушать!
И накануне подвигов всемирных
Пришли в глаза мне бросить слово – «Вор!»
Вы дали мне забытья на престоле.
Вы опьянили раболепством вашим,
Ласкательством и лестью и земными
Поклонами! Вы дали львиной силе
Уснуть у ног небесной красоты!
Голоса

(за дверями)

ломайте дверь! – Рубите топорами!
Басманов

Беги! Беги!
Дмитрий

Марина! Ах, Марина!
(Убегает.)

Разламывают двери. Немцы отбиваются. За дверями видны бояре: Василий и Дмитрий
Шуйские, Голицын, Куракин, Татищев и другие, все в кольчугах. Калачник
предводительствует толпой.

Басманов

Опомнитесь, бояре! Что вам нужно?
Зачем народ вы подняли?
(Немцам.)

Держитесь,
Друзья мои!
(Боярам.)

Просите государя,
Он вас простит и все, чего хотите,
Пожалует, лишь чернь остановите!
Толпа опрокидывает немцев. Бояре входят в комнату.

Голоса

Показывай, где царь твой самозванный! –
Давай его! – Веди его к народу!
Татищев

Сначала пса убьем сторожевого,
К хозяину тогда добратся легче!
(Ударяет Басманова ножом, тот падает.)

Бросай его с крыльца долой, на копья
Стрелецкие!
Басманова уносят. Толпа бросается в царские покои.

Василий Шуйский

Проворнее, робята!
Не забывать, зачем пришли! Пограбить
Успеете. Ищите нам расстригу!
Уйти нельзя. Тащите к нам живого
Иль мертвого! Обезоружьте немцев!
Не трогать их, они вперед годятся.
Спасайте баб! Возьми, Татищев, стражу.
Поставь при них; царицены покои
Оберегай! Не с бабами воюем!
Куракин

Побережет!.. Пусти козла в капусту.
Татищев

Ин сам бы шел!
(Уходит.)

Калачник

(вбегая)

Беда! Нигде не сыщем
Еретика!
Василий Шуйский

Ищите, как иголку.
Уйдет от нас, тогда не ждать пощады,
Огнем спалит, живых зароет в землю.
Голоса

(на – галерее)

Он там, внизу, на Житном. – Обступили
Его стрельцы московские; народу
Пищальями грозятся. – Чу! Стреляют!
Народ бежит.
Василий Шуйский

(хватаясь за Голицына)

Земля заколебалась
Под нашими ногами. Ну, Голицын,
Пропали мы! Давно живу на свете,
А в первый раз колена задрожали...
Народ, за мной! Робята, выручайте!
Калачник

Пусти меня вперед! За мной, робята!
До нас дошло; пришла к рукам работа.
Не страшны нам пищальные орехи:
За ними шли!

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Шуйский и калачник с толпой народа уходят.

Куракин

(у окна)

Народу прибывает!
Как вкопаны стрельцы – не подаются,
Стеной стоят. Вот наши подоспели
С калачником и Шуйским, пошатнули,
Попятили стрельцов, к крыльцу прижали.
На лестницу их гонят. Отбиваясь,
Стрельцы царька несут с собой в покои.
Входят стрельцы: одни вносят Дмитрия, другие удерживают народ.

Дмитрий

(подает руку немцам обезоруженным)

Благодарю, друзья!.. В очах темнеет!
(В обмороке; его кладут на скамью.)

Стрельцы

(окружающие Дмитрия)

Осаживай!
Другие стрельцы
Не подходите близко!
Стрелять начнем, не разбирая. – Право,
Хорошего немного: брат на брата!..
Крещеные! Заставите неволей,
Так на себя пеняйте! – Отойдите!
Начнем стрелять: пожалуй, и боярам
Достанется.
Калачник

Ну, выстрели! живому
Не быть тебе! Положим всех на месте.
Сотник стрелецкий
Грозить еще задумал! Целовали
Мы крест ему, не побоимся смерти.
На то стрельцы; такая наша служба,
Что умирать.
Василий Шуйский

Да было б за кого!
Чего же вам! С царицей говорили;
Голицын к ней ходил Иван Васильич;
Не признает своим, сказать велела:
«Не сын он мне»! Пожалуй, умирайте;
И мы не прочь! А что угодней Богу:
За веру умереть иль за расстригу,
Еретика? Москвы не удержать мне!
На чьей душе кроворазлитье будет?
Сотник

Да как-то все, боярин... Нет, ты лучше
Посторонись!
Стрельцы

Убьем, не лезьте близко!
Калачник

Да что ж вы, псы!.. Вались гурьбой, робята,
В стрелецкую! Душите их отродье!
(Стрельцам.)

Вы стойте здесь, расстригу берегите!
А мы детей и жен изгубим ваших
И на ветер подыдем ваши дома!
Сотник

Постой, постой! Боярин, мы поверим
Словам твоим; а на душу возьмешь ли
Ты грех за нас?
Василий Шуйский

Возьму.
Сотник

Теперь в ответе
Пред господом не мы. За мной, робята!
Уходят.

Дмитрий

(очнувшись)

Зачем я здесь! Ах, ногу! грудь!.. Бояре,
Крамольники!
Дмитрий Шуйский

Очнулся? Говори же,
Ты кто таков?
Дмитрий

Я сын царя Ивана
Василича, твой царь и повелитель.
Ты не узнал меня, холоп!
(Василию Шуйскому.)

Ты, Шуйский,
Мятежников собрал! Пойдем к народу,
На лобное, к мятежникам твоим!..
Я не боюсь, я прав; пускай рассудят
Меня с тобой! Я отдаюсь на волю
Народную.. Боишься ты, не смеешь
Своей души народу обнажить?
Я все скажу! И пусть народ узнает,
что я честней тебя, неблагодарный
Клятвопреступник!
Василий Шуйский

Нам судиться поздно!
Ты осужден!.. Кончайте с ним, робята!
(Нагибаясь к Дмитрию самозванцу.)

У нас народ для зверя ямы роет
И в яме бьет, а выпусти – уйдет!
(Дмитрию Шуйскому.)

Ты, Дмитрий, здесь побудь и пригляди.
(Уходит.)

Один из мятежников замахивается на Дмитрия.

Дмитрий

Остановись! Ты видишь, безоружен
И ранен я..
(В бреду.)

Подайте меч!.. Шварцгоф!
Мой меч, Шварцгоф!.. За мной, за мной, казаки!..
Вы видите, вдали белеют стены!

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Возьмемте их.
Все окружают его и смотрят с изумлением. Входит Татищев и ведет за собой дворян
Валуева и Воейкова.

Татищев

(народу)

Чего же вы стоите!
Народу тьма сошлась, невесть отколе,
Спасать царя бегут. Сболтнул им кто-то,
Что бьют его поляки.
Дмитрий Шуйский

(в окно народу)

Эй! Винится!
Во всем, во всем расстрига повинился.
Голицын

(отворачиваясь)

Кровавый день!
Дмитрий

(в бреду)

Несись, мой конь ретивый,
Несись быстрее! До цели недалеко.
Труба гремит...
Татищев

(Валуеву и Воейкову)

Вы что ж остановились?
Зачем пришли? Кончай его скорее!
Дмитрий

(в бреду)

Смелей, в пролом! К стенам давайте лестниц!
Ворота сбить!..
Валуев

Благословить уж разве
По-своему тебя, свистун!
Дмитрий

Ворота!..
Олегов щит!.. Ворота Цареграда..
Валуев стреляет. Дмитрий падает ниц.

Дмитрий Шуйский

(в окно)

Покончили!
Толпа

(окружает Дмитрия)

Тащи его, робята,
К народу вниз!
Голицын

Я слышу крик народный!
Несколько голосов

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
(за сценой)

Храни тебя господь на многи лета!
Великий князь и государь Василий
Иванович!
Голос калачника

Кричите: многи лета
Великому царю и государю!
Голицын

Не рано ли?
Куракин

Пораньше–то вернее,
Пока с умом собраться не успели.
Голицын

Крамольник он от головы до пяток!
Боярином ему б и оставаться,
Крамольнику не след короноваться.
Крамолой сел Борис, а Дмитрий силой:
Обоим трон московский был могилой.
Для Шуйского примеров не довольно;
Он хочет сесть на царство самовольно –
Не царствовать ему! На трон свободный
Садится лишь избранник всенародный.
Комментарии
Воевода (Сон на Волге). 1–я редакция*

Впервые комедия была напечатана в «Современнике», 1865, № 1.

Замысел пьесы возник под влиянием поездки драматурга по Волге в качестве участника «литературной экспедиции». Осенью 1857 года Островский сообщил Н. А. Некрасову о своем намерении написать «целый ряд пьес под общим заглавием „Ночи на Волге“» (Полн. собр. соч., т. XIV, Гослитиздат, 1953, стр. 66). Одним из произведений этого цикла и должна была явиться комедия «Воевода (Сон на Волге)». Этнограф С. В. Максимов, близко знавший Островского, в статье, посвященной «литературной экспедиции», писал: «Волга дала Островскому обильную пищу, указала ему новые темы для драм и комедий...» По словам Максимова, здесь драматургу «приснился поэтический „Сон на Волге“, и восстали из гроба живыми и действующими „воевода“ Нечай Григорьевич Шалыгин с противником своим – вольным человеком, беглым удалцом, посадским Романом Дубровиным, во всей той правдивой обстановке старой Руси, которую может представить одна лишь Волга, в одно и то же время и богомольная и разбойная, сытая и малохлебная» («Русская мысль», 1890, № 2, стр. 40).

Первое упоминание о пьесе «Воевода» содержится в письме Островского к И. И. Панаеву от 28 августа 1860 года. В этот момент драматургу казалось, что ему удастся написать эту пьесу сравнительно быстро. «„Сон на Волге“ постараюсь окончить поскорее», – сообщал он (т. XIV, стр. 86). Прошло, однако, много времени, прежде чем этот замысел был доведен до конца. В декабре 1864 года драматург сообщил Н. А. Некрасову: «Я окончил для Вас „Сон на Волге“ и занимаюсь теперь только отделкой перепиской» (там же, стр. 121).

Процесс работы Островского над «Воеводой» можно проследить, знакомясь с черновой рукописью пьесы, хранящейся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Здесь имеется следующий набросок плана «Воеводы»:

Акт 1–й

1 Сад = Дочери.

2 Комната в доме боярина. (Скоморохи) =

Акт 2–й

Палаты воеводы. Ворожба. Охота. Сцена молчания при матери (Шут.) Женщина. Приказ

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865-1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
ей. (Разбойники.) 2.

Акт 3-й

1 Терем: сцена с вдовой. Сцена со служанкой, опять со вдовой. Сон.

Акт 4-й

Изба. – Во сне разные виды – поют Лодку.

Акт 5-й

Двор. Переходы.

Работая над пьесой, Островский производил в черновой рукописи перестановку отдельных сцен, явлений, монологов. Например, слова Бастрюкова «Душа горит, на части сердце рвется» и т. д. драматург перенес из 1-й сцены 1-го действия по 2-ю сцену, сделав пометку: «В след. сцену». Действие 2-е начиналось разговором девушек с Недвигой (в печатном тексте явление 2-е). Позднее Островский написал явление 1-е – разговор Степана Бастрюкова с Резвым.

Некоторые сцены «Воеводы», набросанные прозой, были написаны заново, в стихотворной форме. Таков, например, разговор посадских в прологе. Излагая его стихами, Островский сохранил почти все мысли и подробности, содержащиеся в прозаическом варианте, одновременно придавая речи действующих лиц большую живость и энергию.

Рукопись «Воеводы» отразила также колебания Островского при выборе имен действующих лиц. Степана Бастрюкова драматург упорно называл в начале пьесы (вплоть до 9-го явления) Борисом Темрюковым. Воеводу Шалыгина Островский в одном месте называет не Нечаем, а Бакаем. Выбирая имя для отца своей героини, драматург перебрал ряд фамилий: Добрынин, Кунаев, Кауров, Ковригин, Пылаев. Всем им была предпочтена более выразительная фамилия – Дюжой.

Работая над пьесой, Островский добился рельефности образов и удивительной полноты и правдивости воспроизведения старорусской жизни. В «Сне на Волге» все без исключения детали и самый язык пьесы ярко свидетельствуют о том, что действие приурочено к определенному месту и времени. Оно происходит в одном из верхневолжских городов, в районе распространения окающих говоров, получивших отражение в языке персонажей этой пьесы. С. Н. Дурылин полагает, что Островский в «Воеводе» «рисует тот же Нижний Новгород», который является местом в «Минине» (С. Дурылин, А. Н. Островский, очерк жизни и творчества, изд-во «Искусство», М.-Л. 1949, стр. 83). Вернее, однако, предположить, что действие «Воеводы» разворачивается в Костроме. В пьесе фигурируют бортники, идущие гужом в обозе «из Нижнего» «до Ярославля». Находящаяся между этими двумя городами Кострома и была, очевидно, городом, куда приехал «на кормление» воевода Шалыгин и где он через некоторое время был заменен вновь прибывшим воеводой Поджарым. Недаром в пьесе говорится, что смещенный с должности воевода обязан по приезду в Москву «явиться в костромском приказе». По свидетельству Гр. Котошихина, в ведении костромского приказа находились «города Ростов, Ярославль, Кострома и иные» (Гр. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 2-е, СПб. 1859, стр. 89). В пользу высказанного выше предположения свидетельствует и такая подробность. Во второй редакции пьесы Щербак велит крестьянам сказать стрельцам, что разбойники ушли «по Волге кверху, в город». Нижний Новгород не мог находиться выше того места (по течению Волги), куда отправился на богомолье воевода и где он заночевал в крестьянской избе, так как в эту же избу явились бортники, идущие обозом из Нижнего до Ярославля. В драме упоминаются в определенном контексте Галич, Белое Озеро, Унжа, что тоже служит подтверждением того, что действие пьесы происходит не в Нижнем Новгороде, а в Костроме.

Не менее точно зафиксировано и время действия «Воеводы». Оно отнесено к началу 70-х годов XVII века. Изображенные в пьесе разбойники собираются плыть «на низ» «к казакам», полагая, что там они будут «целее»: «там что-то заварилось». Речь идет о восстании под предводительством Степана Разина.

Весьма типичной фигурой для изображаемого Островским времени является беглый посадский Дубровин, сделавшийся своеобразным борцом за поправленную справедливость. Как видно из черновой рукописи «Воеводы», Островский стремился с наибольшей

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e силой и художественной яркостью передать вольнолюбивое настроение и протест Дубровина. Набрасывая монолог своего героя, начинающийся словами «Сердце ретивое» и т. д., драматург отчеркнул сбоку слова, обличающие «неправый суд», волков в овечьем стаде, – и написал возле отчеркнутого места: «Сильнее!!!»

Создавая «Воеводу», Островский тщательно изучил большое число исторических документов и материалов. Некоторые источники указаны им самим в черновой рукописи пьесы. Здесь имеются ссылки на третий и четвертый тома «Актów археографической экспедиции», на второй том «Актów, относящихся до юридического быта древней России», и на четвертый том «Актów исторических». Ссылается драматург в рукописи и на второе издание книги Гр. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Н. П. Кашин в статье «Комедия „Воевода“ и ее источники» (Н. П. Кашин, Этюды об А. Н. Островском, М. 1912, т. 1, стр. 204–216) приводит выписки из «Актów», весьма близкие по содержанию и языку к соответствующим сценам пьесы Островского. Например, речь бирюча в прологе и читаемая в конце пьесы грамота о смещении Шалыгина почти полностью основываются на грамотах, помещенных в «Актах». Из «Актów» же взято указание на «мурзу крещеного», выступающего в качестве помещика.

Кроме «Актów» и книги Котошихины, Островский пользовался, по утверждению Кашина, и таким источником, как «Домострой», который мог дать драматургу «некоторые сведения о положении русской женщины в XVII веке», а также «о волхвах и кудесниках» (там же, стр. 224, 226). Н. П. Кашин называет еще книгу Н. И. Костомарова «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» (СПб. 1860). Эту последнюю Островский использовал в гораздо большей степени, чем думал Н. П. Кашин. Например, описание русского города XVI–XVII веков в книге Костомарова близко напоминает обстановку пролога в «Воеводе».

Островский, по-видимому, использовал и другую книгу Костомарова – «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях» (СПб. 1862). Отсюда драматург мог взять подробности, относящиеся к торговой и промышленной деятельности волжского населения в старину. Впрочем, изучением быта и занятий волжан Островским прилежно занимался еще во время «литературной экспедиции». Заглядывал, вероятно, Островский и в «Уложение царя Алексея Михайловича». Осторожный разговор Кулика с Иваном о вине заставляет вспомнить первую и вторую статьи 25-й главы «Уложения», содержащей «Указ о корчмах». Допустимо, наконец, предположить, что Островскому были известны такие работы А. П. Щапова, как «Древние пустыни и пустынножители на северо-востоке России» (1860), «Русский раскол старообрядства...» (1859) и «Земство и раскол» (1862). А. П. Щапов видит смысл древнего пустынножительства в «нравственном противодействии» «грубым силам и стремлениям», «бесчеловечному порабощению свободных людей» («Сочинения А. П. Щапова в трех томах», СПб, 1906, т. I, стр. 25). Подобную же трактовку пустынножительства находим в «Воеводе» Островского.

Для понимания и оценки драмы «Воевода» огромное значение имеет изучение ее фольклорных источников.

Вся пьеса представляет собой изумительную мозаику, состоящую из подобранных в строгом соответствии с авторским замыслом мелких и мельчайших фольклорных цитат. Причем использованы многие фольклорные жанры. Кроме лирических и бытовых песен и плачей, из которых причудливо сотканы монологи Степана Бастрюкова и Марьи Власьевны, в этой пьесе нашли отражение былина, сказка, историческая песня, календарная и свадебная обрядовая поэзия, заговор, колыбельная песня, духовные стихи, разбойничья песня, народная драма, пословицы, поговорки, приметы. В «Воеводе» использован один из мотивов былины «Дунай Иванович» – рассказ о том, «как добрый молодец прокрался в терем». На основе этого мотива создана «соромская сказка», которой тешатся девушки-затворницы. Фигурирующая в былине Афросинья сидит, подобно героине «сказки», – «в высоком терему за тридцать замками булатными», и «буйные ветры» не веют на нее, «а красное солнце не печет лицо» («Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 3, М. 1861, стр. 71). Из былин же взят насмешливый вопрос Тыры, обращенный к Дубровину в прологе пьесы: «Ты из какой Литвы, с какой орды?» (ср. у Киреевского «Ты которой земли, да ты коей орды?» Там же, стр. 67). Песня старухи крестьянки представляет собой глубокое творческое переосмысление народной песни о татарском полоне: у Островского речь идет не о татарском иге, как в фольклорном источнике, а о крепостном праве.

Особенно большое значение для раскрытия идейного содержания пьесы имеет выяснение степени и характера использования в ней песен и преданий о Разине, на

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e которых в значительной степени основывается образ Дубровина. Молва приписывает последнему, как видно из разговора посадских, способности чародея. Этими самыми способностями предание наделяло Разина. «Почти во всех преданиях, – пишет А. Н. Лозанова, – организующим центром является чародейство Разина. Атамана не берут пули, он умеет их заговаривать не только для себя, но и для своих товарищей. Он летает или плавает по Волге на кошме; из тюрьмы он избавляется тем, что рисует на полу мелом или углем лодку и таким образом переносится на Волгу» («Песни и сказания о Разине и Пугачеве», Academia, М.–Л. 1935, стр. 74).

В пьесу включена народная игра «Лодка». Эта популярная в народе драма представляет собой Инсценировку известной песни «Вниз по матушке по Волге», в свою очередь связанной с разинским фольклором. Любопытно, что среди названий, под которыми бытует в народе драма «Лодка», встречается и название «Степан Разин» (Академия наук СССР, Институт этнографии. Краткие сообщения, М.–Л. 1947, III, стр. 71).

С разинским фольклором связан и следующий разговор посадских в прологе пьесы. На слова Несмеянова о Худояре – Дубровине – «разбойник лютый, бают» – Тыра отвечает:

А ты не лай разбойником напрасно,
А называй удалым молодцом.

Это – не что иное, как легкая переделка слов песни:

Мы не воры да не разбойнички,
Стеньки Разина мы помощнички.

(А. Н. Лозанова, Народные песни о Степане Разине, Саратов, 1928, № 66, стр. 211.)

Заговор Мизгирия очень близок к одному из заговоров, напечатанных в сборнике Сахарова (см. «Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым», т. I, 1885, № 36, стр. 57–58). В пьесе немало сказочных формул, пословиц, поговорок.

Богатство и разнообразие фольклорных источников «Воеводы» наряду с ярко выраженным демократическим идейным содержанием этой пьесы делает ее глубоко национальным, подлинно народным произведением.

Пьеса «Воевода» при ее появлении в печати почти не получила обстоятельной и верной критической оценки. Литературные журналы обошли ее молчанием, а ежедневная пресса и театральные издания, если не считать двух-трех благожелательных отзывов (такова, например, рецензия П. В. Анненкова в «Санкт-Петербургских ведомостях», 1865, № 107 и 109), отнеслись к этой пьесе с совершенно не заслуженным ею осуждением.

Это осуждение чаще всего было связано с отрицательным отношением к идейной направленности пьесы. Рецензент «Современной летописи», выходявшей воскресными прибавлениями к «Московским ведомостям» реакционера М. Н. Каткова, утверждал, что в «Воеводе» «видна не русская история, а рецепты новейших журналов» (Н. Н., Новая комедия г. Островского. «Современная летопись», 1865, № 35).

Очень высокую оценку дал пьесе «Воевода» И. С. Тургенев: «...„Воевода“ Островского меня привел в умиление, – писал он И. П. Борисову 16/28 марта 1865 года. – Эдаким славным, вкусным, чистым русским языком никто не писал до него! Последний акт (особенно где воевода бежит за своей невестой, чтобы зачекотать ее насмерть) плох; но 2-й и 3-й – это совершенство! Какая местами пахучая, как наша русская роща летом, поэзия! Хоть бы в удивительной сцене „Домового“. Ах, мастер, мастер этот бородач! Ему и книги в руки. Вот уж у кого нет „изыскания мелкой букашки“, „de la petite bete“, как говорят французы. Сильно он расшевелил во мне литературную жилу» (И. С. Тургенев, соч., т. 12, Гослитиздат, М. 1958, стр. 358).

Первое представление пьесы «Воевода» состоялось в Петербурге 23 апреля 1865 года на сцене Мариинского театра, в бенефис Владимировой 1-й. Роли исполняли: Шалыгина – В. В. Самойлов, Семена Бастрюкова – Л. Л. Леонидов, Степана Бастрюкова – А. А. Нильский, Романа Дубровина – Ф. А. Бурдин; роль Марьи Власьевны исполняла бенефициантка.

В Москве первая постановка «Воеводы» состоялась на сцене Большого театра 9 сентября 1865 года. В роли воеводы Шалыгина выступал Пров Садовский.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Исполнителями других ролей были: Семен Бастрюков – С. В. Шуйский, Степан Бастрюков – Н. Е. Вильде, Дубровин – К. Н. Полтавцев, Бессудный – В. И. Живокини, Марья Власьева – А. И. Колосова, Прасковья Власьева – М. Г. Савина, старуха – Н. А. Никулина-Косицкая.

С большим успехом ставилась эта пьеса и на сцене крупных провинциальных городов. В 1875 году она была поставлена и в Казани. Губернатор Скарятин, обеспокоенный успехом пьесы, усмотрел в ней «опасный революционный элемент». По его распоряжению пьеса была снята с репертуара после второго представления («Ежегодник императорских театров», вып. XV, сезон 1904–1905 г., СПб., стр. 147).

Пьеса «Воевода» вдохновила П. И. Чайковского на создание его первой оперы, которую он закончил летом 1868 года. Опера была впервые представлена в 1869 году. В написании либретто принимал участие Островский, написавший первое действие и первую картину второго действия (см. «Воевода», опера в 3-х действиях и четырех картинах. Содержание заимствовано из драмы А. Н. Островского «Сон на Волге». Музыка П. Чайковского) М. 1869). Другим композитором, создавшим оперу на этот же сюжет, был А. С. Аренский (см. «Сон на Волге», опера в четырех действиях. Текст заимствован из комедии «Воевода» А. Н. Островского. Музыка А. Аренского, М., Муз. торгов. П. Юргенсона, 1890). Кроме Чайковского и Аренского, музыку к «Воеводе» писали М. П. Мусоргский и П. И. Блара́мберг.

На бойком месте*

Впервые комедия была напечатана в «Современнике», 1865, № 9.

Сюжет пьесы навеян непосредственными жизненными впечатлениями писателя во время его поездок в 1856 и 1857 годах по верховьям Волги и в поместье Щельково близ Кинешмы.

С. В. Максимов в статье «Литературная экспедиция» отметил: «Случайная встреча с отказом в приюте на ночлег по пути из Осташкова во Ржев и с хозяином постоянного двора, имевшим разбойничий вид и торговавшим пятью дочерьми, запечатлелась в памяти и выработалась в комедии „На бойком месте“» («Русская мысль», 1890, № 2, стр. 41).

Это сообщение подтверждается путевыми записками самого А. Н. Островского, который, приехав в Ржев из Осташкова, 1 июня 1856 года занес в свой дневник следующие строки: «Странствовали всю ночь. В Ситкове содержатель постоянного двора, толстый мужик с огромной седой бородой, с глазами колдуна, не пустил нас; у него гуляли офицеры с его дочерьми, которых пять» (т. XIII, стр. 227).

Поездки в Щельково обогатили Островского новыми бытовыми данными, понадобившимися для пьесы. По рассказам щельковских старожилов, один из кабаков, разбросанных по лесному галичскому тракту, прежде находился неподалеку от усадьбы, купленной впоследствии отцом А. Н. Островского, и пользовался недоброй славой: возле него происходили грабежи и убийства. Ко времени первого приезда драматурга в Щельково этот темный притон уже не существовал. Характерно, что в ремарке первого акта комедии точно сказано: «Действие происходит на большой дороге, среди леса, на постоялом дворе под названием „На бойком месте“, лет сорок назад». Но разбои на большой дороге продолжались еще долгое время. «У нас сильный грабёж и много народу убивают», – извещала А. Н. Островского в 1869 году И. А. Белихова, управлявшая щельковским имением.

Не раз упоминаемые в разговорах действующих лиц село Покровское и Новая деревня расположены по соседству с Щельковым. Именье в Покровском собирался купить в 1874 году младший брат писателя, Андрей Николаевич.

Само собой разумеется, что черты местного быта воссозданы в пьесе вовсе не фотографически; в ней обобщены драматургом многие жизненные наблюдения. Так, например, ямщик Раззоренный, отличающийся бойкостью и своеобразием своей речи, встретился А. Н. Островскому на пути к югу от Москвы. «Между Тулой и Ефремовом, – писал он П. М. Садовскому и С. С. Кошеверову (27 июня 1860 г.), – нам попался очень веселый ямщик, Матвей Семенович Раззоренный, который водку называл гарью, шкалик – коробочкой, и на мой вопрос, жива ли у него жена, отвечал: „Да зачем же ей умирать-то, чудак! Она еще ума не прожила“» (т. XIV, стр. 77). Над комедией

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e «На бойком месте» драматург работал в 1864 и 1865 годах. На обложке автографа (хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина) рукой писателя помечено: «1865 г. августа»; по листам рукописи поставлены даты, указывающие на последовательный и постепенный ход работы: «8 авг.», «10 авг.», «11 авг.» и, наконец, «18 авг. Полдень» – на последней странице рукописного текста. Это не значит, однако, что пьеса была создана в течение десяти дней: сохранившийся автограф носит следы переработки не дошедшего до нас первоначального текста.

О трехактной пьесе, начатой еще весной 1864 года, А. Н. Островский писал Ф. М. Достоевскому в самом начале 1865 года (3 января): «Дайте мне отдохнуть немного, я Вам непременно напишу пьесу, и скоро». Это и была начатая драматургом комедия «На бойком месте».

В московском Малом театре премьера «На бойком месте» шла 29 сентября 1865 года в бенефис артиста А. А. Рассказова, исполнявшего роль купчика Непутевого, с участием П. М. Садовского в роли Бессудного. Другие роли исполняли: Миловидова – Н. Е. Вильде, Евгении – А. И. Колосова, Аннушки – Г. Н. Федотова, Сени – Федоров, Жука – В. А. Дмитриевский, Раззоренного – Живокини 2-й, Пыжикова – Колосов, Гришки – Воронский. Игра артистки Колосовой привела в восхищение самого автора. Двадцать лет спустя он вспоминал: «...особенным... совершенством отличалось исполнение ею роли дворничихи в пьесе „На бойком месте“, которая при всей верности действительности была проникнута необыкновенной грацией». Колосову в этой роли Островский ставил выше даже М. Г. Савиной, так как у первой «было несравненно больше живости и ловкости на сцене» (т. XII, стр. 336).

Петербургский Александрийский театр показал премьеру «На бойком месте» 25 октября 1865 года, но еще в первой половине сентября Островский писал артисту Бурдину: «Когда я кончил комедию „На бойком месте“, я долго думал, кому отдать ее в бенефис. Самая видная, по моему мнению, роль (Евгении) должна принадлежать Левкеевой, ей, по всей справедливости, следовало отдать и пьесу. Что же касается до роли Бессудного, то я с самого начала предполагал отдать ее Самойлову и при проезде его через Москву заявил ему об этом – эта роль совершенно по его средствам» (т. XIV, стр. 131).

На александрийской сцене пьеса была поставлена в бенефис Е. М. Левкеевой, исполнившей роль Евгении, при участии артистов: В. В. Самойлов – Бессудный, А. А. Нильский – Миловидов, И. Ф. Горбунов – Непутевый, Васильев 1-й – Жук, Брошель – Аннушка, Степанов – Пыжиков, Озеров – Сеня, Волков – Раззоренный.

На другой день после представления газета «Санкт-Петербургские ведомости» (1865, 26 октября, № 281) отметила «полный и совершенно заслуженный успех» пьесы.

Кроме многочисленных театральных рецензий, сколько-нибудь значительных критических разборов комедии «На бойком месте» и печати опубликовано не было.

Комедия «На бойком месте» прочно вошла в репертуар русских театров. Ее популярность среди зрителей особенно возросла в советское время. Так, по имеющимся статистическим данным, в одном 1939 году она ставилась 568 раз в 27 драматических театрах и 350 раз в 14 колхозных театрах.

В 1932 году пьеса была возобновлена к юбилею В. Н. Пашенной московским Малым театром, глубоко раскрывшим ее социальное содержание: «дом Островского» показал колоритнейшую картину из жизни прямых предшественников разбогатевшей, толстосумной буржуазии – держателей темных притонов и грабителей на большой дороге. Спектакль был поставлен П. М. Садовским (младшим). Роли Евгении и Миловидова с блистательным успехом исполнили народные артисты В. Н. Пашенная и П. М. Садовский.

Пьеса долго не сходила со сцены Малого театра. С нею же театр выступал на гастролях во многих городах: Челябинске, Красноярске, Ижевске, Днепрпетровске, Ленинграде, Одессе, Кишиневе и др. В. Н. Пашенная писала в своих воспоминаниях: «Я играла Евгению перед огромным количеством зрителей, всюду – от острова Диксона на далеком севере, где нас смотрели зимовщики, и до Сардонского рудника на крайнем юге, где нас смотрели шахтеры; от Минска до Владивостока... Я играла Евгению, наверное, не менее тысячи раз» (Вера Пашенная. Искусство актрисы, М. 1954, стр. 99, 100).

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
В 1946 году в дни юбилейной «недели Островского» «На бойком месте» было представлено выездной группой артистов Малого театра в Щелькове и Костроме.

За последние десять лет «На бойком месте» ставили драматические театры Москвы (Московский театр имени А. С. Пушкина), Ленинграда (Ленинградский театр комедии), Минска, Смоленска, Риги, Харькова, Тамбова, Симферополя, Еревана, Г. Фрунзе, Казани, Чебоксар, Костромы, Тюмени, Иркутска, Якутска и других городов. Комедия шла на клубных сценах, была показана впервые на армянской сцене в Арташатском межрайонном театре.

Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский*

Впервые пьеса была напечатана в журнале «Вестник Европы». 1867, № 1.

Островский приступил к работе над исторической хроникой «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» в начале февраля 1866 г.

Среди исторических хроник сам драматург выделял «Дмитрия Самозванца и Василия Шуйского». В марте 1866 г. он писал Некрасову об этой пьесе: «Хорошо или дурно то, что я написал, я не знаю, но во всяком случае это составит эпоху в моей жизни, с которой начнется новая деятельность...» (А. Н. Островский, Полн. собр. соч., М. 1949–1953, т. XIV, стр. 134. В дальнейшем при ссылках на это издание указываются только том и страница).

Как свидетельствует сам Островский, «Дмитрий Самозванец» – «плод пятнадцатилетней опытности и долговременного изучения источников» (т. XIV, стр. 144). Островский тщательно изучил «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина, давшую ему сведения о ходе событий изображаемой эпохи. Им использованы также памятники древней русской письменности: «Сказание» Авраама Палицына, «Сказание и повесть, еже содеяся» и др. Для изображения действующих лиц драмы Островский воспользовался «Собранием государственных грамот и договоров». Глубокому изучению подверглись и изданные Н. Г. Устряловым «Сказания современников о Димитрии Самозванце» (1859, ч. 1 и 2), которые дали драматургу материал для последней сцены хроники, а также сведения о Марине Мнишек. Островский познакомился и с записками польских авторов («Дневник польских послов» и др. См. Н. П. Кашин, «Драматическая хроника А. Н. Островского „Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский“ (опыт изучения хроники)» – «Журнал Министерства народного просвещения», 1917, № 6).

Драматург творчески подходил к историческим материалам, отбрасывая их историко-философские оценочные элементы и пользуясь главным образом отдельными фактами для характеристики героев и событий.

Островский написал хронику «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» за четыре месяца: «Начал великим постом (великий пост в 1866 г. начался 7 февраля. – Н. Г.) и кончил к июню» (т. XIV, стр. 139–140). Первая часть хроники была закончена в конце марта – начале апреля, вторую Островский думал завершить к 1 мая, но окончил ее 31 мая 1866 г. – авторская дата на черновой рукописи драмы, хранящейся в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

В письме к Ф. А. Бурдину (24–25 сентября 1866 г.) он свидетельствует: «...я уж давно занимаюсь русской историей и хочу посвятить себя исключительно ей – буду писать хроники, но не для сцены; на вопрос, отчего я не ставлю своих пьес, я буду отвечать, что они неудобны, я беру форму „Бориса Годунова“» (т. XIV, стр. 138–139).

Развивая творческие принципы Пушкина, Островский огромное место уделял изображению народа (из тринадцати сцен народ действует в семи) и в процессе работы над пьесой стремился к тому, чтобы показать его решающую роль в исторических событиях начала XVII столетия. В связи с этим были исключены в окончательной редакции размышления Шуйского о том, что «народ не знает о „таинствах правления“», понятных только боярам. Слова Конёва: «Ослеп народ и смотрит, да не видит», «Как пеленой покрыты наши очи, мечтанием омрачены умы» – также не вошли в печатный текст. Но, оставаясь верным исторической действительности, Островский не мог не представить народ действующим по большей части стихийно.

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
В черновой рукописи можно найти записи, свидетельствующие о том, что драматург сначала хотел обрисовать Лжедмитрия как деятеля, близкого народу: «Всем этим рабам дать свободу. Просветить их природный ум». Или слова Самозванца: «Довольно мук, пора вздохнуть народу», «Все лучшее, все жаждущее воли погублено». Но затем Островский отказался от реализации этих замыслов, образ Самозванца, вначале несколько идеализированный им, в окончательной редакции обретает подлинно реалистические черты.

Завершив работу над хроникой для печати, Островский приступил к созданию сценического варианта пьесы. Различия между текстом для печати и для сцены весьма значительны (см. т. IV, стр. 393–406).

Особенно существенны исправления в роли Дмитрия Самозванца. В шестой сцене второй части полностью исключены некоторые монологи Самозванца, например рассуждения его о том, что легче было бы погибнуть, не вкусив сладости власти (со слов: «Не вор! Не вор!» до слов: «Уснуть у ног небесной красоты!»). В сценическом варианте Дмитрий без возражений соглашается, вопреки русским традициям и обычаям, короновать Марину до свадьбы. По-иному в сценическом варианте решается Самозванцем и участь Осипова. Здесь Самозванец выносит Осипову приговор: «Казнить его!» – что и приводится в исполнении, а в сцене бунта Осипов не действует, его слова переданы одному из мятежников.

Дополнительные штрихи вносятся в характеристику Марины: усиливается пренебрежительно-презрительное к ней отношение со стороны бояр и народа. В репликах Шуйского и повара (сцены третья и четвертая второй части) она называется теперь не «Мариной», а «Маринкой». В театральном варианте, вместо просьбы к Дмитрию «запереть крепче» бунтующих бояр, Марина требует: «Вели их перерезать» (сцена пятая второй части).

Некоторые изменения, значительные в идейной характеристике персонажей (казнь Дмитрием Осипова, приказ Марины «перерезать» бояр), были сделаны Островским в последний момент, когда рукопись была отослана в журнал и был уже готов текст для сцены. В период создания печатного и сценического вариантов здесь не имелось различий: и в том и в другом тексте Осипов был казнен Самозванцем, а Марина Мнишек требовала «перерезать» бояр. Об этом свидетельствует письмо М. Н. Островского от 11 января 1867 г.: «Он (Стасюлевич, редактор „Вестника Европы“. – Н. Г.), Костомаров и Анненков в восторге. Костомаров сделал только две заметки... Первая касается слов Марины „перерезать бояр“. Марина вовсе не была кровожадной и потому не могла этого сказать, да и Дмитрий, который не любил вешать или резать, не мог бы оставить без ответа подобной выходки. Нельзя ли тебе слово „перерезать“ заменить другим, менее резким словом...»

Другая заметка касается смерти Осипова. Исторически известно, что он не был казнен Дмитрием, что он ворвался во дворец во время бунта и был убит Басмановым... Нельзя ли опять поправить» (Рукописный фонд Центрального Театрального музея им. А. А. Бахрушина, архив А. Н. Островского).

Некрасов с нетерпением ждал новой пьесы Островского (письмо от 20 апреля 1866 г., Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. XI, М. 1952, стр. 67). Однако репрессии правительства (12 мая «Современник» был приостановлен) и материальные затруднения заставили Некрасова посоветовать Островскому напечатать пьесу у Стасюлевича в журнале «Вестник Европы» (см. письмо от 18 мая 1866 г., там же, стр. 69). 1 июня «Современник» был закрыт. Намерение Некрасова издать «Дмитрия Самозванца» в литературном сборнике, который он предполагал выпустить в связи с закрытием журнала, не осуществилось.хлопоты о возобновлении «Современника» под редакцией В. Ф. Корша, который настойчиво просил Островского предоставить ему хронику, также не увенчались успехом (см. «Неизданные письма к А. Н. Островскому», М.–Л. 1932, стр. 162).

М. Н. Островским велись переговоры с А. А. Краевским об издании «Дмитрия Самозванца» в «Отечественных записках» (см. письмо М. Н. Островского к брату от 13 июня 1866 г. Центральный Театральный музей им. А. А. Бахрушина), но по желанию драматурга хроника была напечатана в «Вестнике Европы» М. М. Стасюлевича. В этом же году вышло и отдельное издание «Дмитрия Самозванца и Василия Шуйского» (цензурное разрешение 21 марта 1867 г.).

Первая часть хроники сразу по окончании, еще до опубликования, была послана Островским Некрасову и читалась автором в публичных собраниях: 20 сентября 1866

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
г. – в Артистическом кружке, 27 декабря 1866 г. – в Обществе любителей
российской словесности при Московском университете. 14 мая 1866 г. И. Ф.
Горбунов читал первую часть «Дмитрия Самозванца» Н. И. Костомарову.

Вскоре же драматург получил и первые восторженные отклики на новую пьесу от своих друзей и знакомых. М. Н. Островский сообщал брату 10 мая 1866 г.: «я четыре раза читал ее и с каждым разом находил все более и более красоты... Анненков, как и я, от твоей пьесы в восторге и с нетерпением ждет второй части. Он сделал, впрочем, следующие замечания: желательно было бы дать большую роль народу, чтобы они не были только орудием Шуйского, но чтобы было видно, что в массе народа (по крайней мере в весьма многих из народа) было недоверие к Самозванцу, что многие из народа его признали, зная, что он самозванец и уступая [1 сл. нрзб.] обстоятельствам и соображениям разного рода. Тогда свержение и убийство самозванца народом будет совершенно [1 сл. нрзб.] и законным явлением. У тебя, впрочем, на это есть намеки (юродивый, калачник, Конёв), но не мешало бы дать этому большее развитие...

Впрочем, все эти заметки потеряют, может быть, всякое значение, когда ты [прочтешь?] вторую часть» (Рукописный фонд Центрального Театрального музей им. А. А. Бахрушина, архив А. Н. Островского).

Первые отзывы о пьесе появились в печати в связи с постановкой ее на сцене Малого театра и опубликованием в «Вестнике Европы».

Реакционная и либеральная критика оценила «Дмитрия Самозванца» по преимуществу резко отрицательно. Большинство рецензентов обвиняло Островского в полном заимствовании его хроники из труда Н. И. Костомарова «Названный царь Димитрий» (см. «Москва», 1867, № 55, 10 марта; «Русский инвалид», 1867, № 77, 18 марта; «Гласный суд», 1867, № 155, 12 марта).

С опровержением этих обвинений выступил сам Н. И. Костомаров и газете «Голос»: «..Весною 1866 года, когда мой „Названный царь Димитрий“ еще весь не был напечатан, артист И. Ф. Горбунов читал мне эту драматическую хронику. Г-н Островский никак не мог видеть в печати второй части моего сочинения, а его хроника обнимает именно те события, которые изображаются в этой второй части. В рукописи я не сообщал своего сочинения г. Островскому... Сходство между драматическою хроникой и моим „Названным царем Димитрием“ произошло, без сомнения, оттого, что г. Островский пользовался одними и теми же источниками, какими пользовался я» («Голос», 1867, № 89, 30 марта).

Представители консервативной критики считали, что хроника «Дмитрий Самозванец» «отличается чисто внешнею историческою верностью, грубой верностью больше хронологического и топографического свойства» («Москва», 1867, № 55, 10 марта). Эти критики отрицали наличие в ней и художественности и «общей идеи» («Русские ведомости», 1867, № 16, 7 февраля) и обходили вопрос о роли народа, как он был решен Островским. Реакционная критика поспешила заявить о художественном неправдоподобии действующих лиц хроники, прежде всего Василия Шуйского (см. «Москва», 1867, № 55, 10 марта), а образ Самозванца воспринимался рецензентами как «смесь противоречий, которую объяснить довольно мудрено» («Русский инвалид», 1867, № 77, 18 марта).

Из общего потока отрицательных отзывов о «Дмитрии Самозванце» выделяется интересная статья в «Записках для чтения» (за подписью «А. П.»). В оценке исторических пьес автор статьи исходит из критерия: «В какой мере в драме будет развит народный элемент, представлена народная самодеятельность, в такой мере эта драма и будет исторически верна и для нас, поздних, испытующих потомков, привлекательна» («Записки для чтения», 1867, № 4, отд. VI, стр. 2). Именно с этой точки зрения он и оценивает хронику Островского. Критик приходит к выводу, что Островский не показал истинной роли народа в возвышении и падении Самозванца, что драматург объясняет гибель Самозванца «столь легкими причинами, как недостаток сдержанности, сановитости, иноземная поступь и приемы» (там же, стр. 4). Настоящая причина падения Самозванца заключалась в непонимании им «своего призвания»: ему следовало, пишет Л. П., «прежде всего и больше всего... возратить народу волю, предупредить с лишком двухсотлетний период крепостничества. Иначе не стоило мять Бориса на Дмитрия. Народ это очень хорошо понял, но не поняли этого наши драматурги» (там же). Не учитывая особенностей исторической эпохи, изображаемой Островским, автор статьи ставил драматургу в упрек отсутствие в хронике «представителя сознательного народного

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865-1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1eума».

Из литераторов либерального толка в известной мере объективный и интересный отзыв принадлежит А. В. Никитенко. А. В. Никитенко относит «Дмитрия Самозванца» к «замечательнейшим произведениям нашей литературы, богатым художественными красотами». Он отмечает стройность построения хроники, ее превосходный язык и стих, полноту в развитии характеров, оттененных «чертами своеобразными».

«Действие в... пьесе, – пишет А. В. Никитенко, – развивается в постепенно возрастающей занимательности само собою, без всяких искусственных усилий со стороны поэта... В пьесе нет выдуманных произвольно и напрасно ни лиц, ни событий и страстей, и вообще простота ее в плане и исполнении, отсутствие всякого усложнения, запутанности, умничанья составляет одно из существенных ее качеств и достоинств» (А. В. Никитенко, «Об исторической драме г. Островского „Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский“». Сб. «Складчина», СПб 1874, стр. 450). Но идею хроники Островского Никитенко свел исключительно к идее земского царя и не принял резко критического отношения Островского к В. Шуйскому. Вина Шуйского, по мнению Никитенко, в том, что он не дождался, пока его изберут на престол (там же, стр. 449). Шуйского «нельзя ни презирать, ни ненавидеть... Словом, он такой, каким представляет его нам история» (там же).

Такая политическая реабилитация Шуйского либералом Никитенко, естественно, была чужда Островскому.

В истолковании образа Самозванца у Никитенко наблюдается то же стремление представить его в смягченных красках.

Высоко оценили пьесу Островского Н. И. Костомаров и М. М. Стасюлевич. 21 января 1867 г. Стасюлевич писал драматургу: «Мы с Николаем Ивановичем (Костомаровым – Н. Г..) с наслаждением читали Ваш труд; он изумлялся в особенности Вашему секрету владеть языком эпохи и быть до мелочей верну ее общему характеру. Василий Шуйский у Вас обделан до высокого совершенства: в изображении этой личности поэт берет верх над историком» («Неизданные письма к А. Н. Островскому», М.–Л. 1932, стр. 544).

Осложнения с журналом «Современник» помешали Некрасову высказать свое «искреннее и подробное мнение» о труде Островского (Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. XI, М. 1952, стр. 69). Но, по свидетельству М. Н. Островского. «Некрасову... пьеса тоже очень нравится» (письмо М. Н. Островского к А. Н. Островскому от 10 мая 1866 г. Рукописный фонд Центрального Театрального музея им. А. А. Бахрушина, архив А. Н. Островского). Некрасов видел в «Дмитрии Самозванце» «вещь высоко даровитую» (Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. XI, М. 1952, стр. 70).

Историческая хроника «Дмитрии Самозванец и Василий Шуйский» была послана в Академию наук на соискание Уваровской премии и баллотировалась на одиннадцатом Уваровском конкурсе. 16 сентября 1867 г. А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Пьесе Островского „Василий Шуйский и Дмитрий Самозванец“ отказано в Уваровской премии. Четыре голоса было за нее и четыре против. Я и ожидал этого» (А. В. Никитенко, Дневник, т. 3, Гослитиздат, М. 1956, стр. 97). Убедительным свидетельством враждебного отношения «высших сфер» к демократическому писателю была и история постановки «Дмитрия Самозванца» на сцене.

16 июля 1866 г. пьеса была одобрена Театрально-литературным комитетом, а цензурное разрешение на нее было получено только 24 декабря 1866 г. Постановке «Дмитрия Самозванца» на сцене чинились всяческие препятствия. Дирекция императорских театров и Министерство императорского двора поддерживали «благонамеренного» драматурга Н. А. Чаева, написавшего пьесу того же исторического содержания. 25 октября 1866 г. Ф. А. Бурдин известил Островского о решении дирекции ставить пьесу Чаева.

Возмущенный вопиющей несправедливостью, П. В. Анненков писал Островскому 9 ноября 1866 г.: «Дикость и невежество ее (театральной дирекции. – Н. Г.) мне были и прежде известны, но чтобы они развились у нее до такой степени – это для меня новость. Как ни прискорбно должно быть для Вас такое решение, но Вы можете утешаться мыслю, что не составили исключения из того баталиона замечательных писателей, которым жизненный путь был нелегок и которые встречали сопротивление и обиду именно тогда, когда являлись с самыми зрелыми своими произведениями»

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e («Неизданные письма к А. Н. Островскому», М.–Л. 1932, стр. 16).

Только благодаря настойчивым хлопотам самого драматурга (см. письмо Островского от 25–26 октября 1866 г. министру двора В. Ф. Адлербергу, т. XIV, стр. 143–144) и вмешательству его брата М. Н. Островского, убедившего Адлерберга в том, что постановка пьесы Островского обойдется дешевле постановки пьесы Чаева, министр двора отменил 15 ноября 1866 г. решение театральной дирекции.

Но постановка «Дмитрия Самозванца» Островского разрешалась лишь на московской сцене: в Петербурге продолжала идти пьеса Чаева.

Премьера «Дмитрия Самозванца» в Малом театре состоялась 30 января 1867 г., в бенефис Е. Н. Васильевой. Роли исполняли: К. Г. Вильде – Дмитрий, С. В. Шумский – В. Шуйский, К. П. Колосов – Д. Шуйский, П. М. Садовский – Осипов и Щелкалов, П. Г. Степанов – Конёв, А. Ф. Федотов – калачник, П. Я. Рябов – Афоня, Е. Н. Васильева – Марфа, И. В. Самарин – Мнишек, Е. О. Петров – Мстиславский, М. И. Лавров – Голицын, В. А. Дмитревский – Басманов, Д. В. Живокини 2-й – Маржерет, Н. А. Александров – Скопин-Шуйский, Г. Н. Федотова – Марина, М. Н. Владыкин – Вельский.

Московская премьера пьесы прошла с большим успехом. 2 февраля 1867 г. Островский сообщал Ф. А. Бурдину: «„Самозванец“ в Москве имел огромный успех. Шумский, сверх ожидания, был слаб, зато Вильде был превосходен. Меня вызывали даже среди актов, в 3-м после сцены с матерью, в 5-м после народной сцены и потом по окончании пьесы, и вызывали единодушно, всем театром и по нескольку раз. Васильевой в 1-е представление был поднесен золотой венок большой цены, а Вильде вчера (в повторение) после сцены в Золотой палате поднесен лавровый венок» (т. XIV, стр. 151–152).

По свидетельству рецензента «Русских ведомостей», представление было «поистине блестящее»: костюмы прекрасны, особенно Дмитрия и Олесницкого, «поистине художественны декорации Золотой и Грановитой палат».

Замечательно исполнил свою роль Вильде. «Вильде вышел победителем, – писал тот же рецензент, – много труда, ума положил он в свою роль. Стихи читал прекрасно. Правда, по мнению рецензента, ему не доставало „природного жару“, а жар в пьесе нужен, и в большом градусе. Вильде заменил его искусственным жаром, но, как говорят, перехватил через край до того, что Дмитрий вышел у него совсем сорвиголова».

Шумский из роли В. Шуйского «сделал все, что мог... роль понята и исполнена как нельзя лучше». Особенно удалась Шумскому сцена в Грановитой палате: «Гордость, спокойствие, чувство достоинства Шуйского и презрение его к окружающим его боярам выражены им так же хорошо, как и в другой сцене, во дворце, льстивость и затаенные замыслы этого боярина после снятия с него опалы».

Из других исполнителей ролей бояр рецензент «Русских ведомостей» отмечает Владыкина (Вельский), который был «лучше всех».

Не удовлетворило рецензента исполнение женских ролей и ролей бояр. Садовский, игравший дьяка Осипова и Щелкалова, показался в первой роли «очень дурен»: «неподвижен и безучастен», а Щелкалов «вышел у него как нельзя лучше» («Русские ведомости», 1867, № 16, 7 февраля).

В 1868 г. Островский и его друзья снова начали хлопоты о постановке «Дмитрия Самозванца» в Петербурге.

28 августа 1869 г. Бурдин извещал драматурга: «Дело из рук вон плохо! Без радикальной борьбы я исхода не вижу – приехал в Петербург и узнал, что для будущего сезона решительно нет ничего... и несмотря на все это, твоего „Самозванца“ ставить не будут» («А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Незданные письма», М.–Пг. 1923, стр. 98).

В 1871 г. хлопоты были возобновлены. Островский тяжело переживал интриги театральной дирекции против него. 18 сентября 1871 г. он с горечью писал Бурдину: «В начале будущего года исполнится двадцатипятилетие моей драматической деятельности, – постановка „Самозванца“ была бы некоторой наградой за мои труды. Я уж ни на что больше не имею никакой надежды, ужли и этой малости не сделает

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e для меня дирекция за 25 лет моей работы» (т. XIV, стр. 213).

Предстоящий двадцатипятилетний юбилей известного драматурга и побудил дирекцию императорских театров поставить хронику Островского в Петербурге.

Разрешение театральной цензуры на постановку «Дмитрия Самозванца» было получено 1 февраля 1872 г.

Премьера пьесы в Петербурге состоялась 17 февраля 1872 г. на сцене Мариинского театра силами александрийской труппы в бенефис Е. Н. Жулевой. В спектакле участвовали: И. И. Монахов – Дмитрий, П. В. Васильев 2-й – В. Шуйский, П. П. Пронский – Д. Шуйский, П. И. Зубров – дьяк Осипов, В. Я. Полтавцев – Конёв, Ф. А. Бурдин – калачник, И. Ф. Горбунов – Афоня, Е. Н. Жулева – Марфа, Н. Н. Зубов – Мнишек, Л. Л. Леонидов – Мстиславский, П. С. Степанов – Голицын, П. И. Малышев – Басманов, В. Г. Васильев 1-й – Маржерет, П. Н. Душкин – Скопин-Шуйский, Северцева – Марина, П. А. Петровский – Бельский, Д. И. Озеров – подьячий.

Петербургская постановка не имела успеха. Этому способствовало крайне бедное и небрежное оформление спектакля. «Что... касается нового дворца Самозванца, то он состоял из декорации, употребляемой в 3-м действии комедии „Горе от ума“, и столько же походил на дворец Дмитрия, сколько свинья походит на пятиалтынный» («Петербургский листок», 1872, № 35, 19 февраля). «Костюмы поразили всех, – свидетельствует рецензент „Гражданина“, – своею ветхостью... гак все и пахло презрением, неумолимым презрением к русскому театру и к русским талантам!» («Гражданин», 1872, № 8, 21 февраля, стр. 274).

Исполнение ролей артистами, по свидетельству большинства рецензентов, также не было удовлетворительным. Монахов из роли Самозванца «не сделал ничего» («Петербургский листок», 1872, № 36, 20 февраля). Васильев 2-й (Шуйский) говорил «одним тоном и низкую лесть, и речи готовящегося на высокий подвиг человека»; портило впечатление и его «тихое произношение стихов».

В неудавшемся спектакле критика выделяла игру Бурдина (калачник) и Жулевой (Марфа) и постановку народных сцен (см. «Санкт-Петербургские ведомости», 1872, № 50, 19 февраля; «Биржевые ведомости», 1872, № 49, 19 февраля).

После представления «Дмитрия Самозванца» при опущенном занавесе юбиляру Островскому артисты поднесли золотой венок и адрес. Предполагалось это «поднесение» устроить публично с приветственной речью режиссера А. А. Яблочкина, но на это не последовало разрешения театральной дирекции.

В дальнейшем хроника «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» ставилась на сцене очень редко.

В 1879 г. Е. Н. Жулева снова выбрала эту пьесу Островского для своего бенефиса, но ее постановку не разрешили (см. «А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма», М.-Пг. 1923, стр. 271–273).

В Малом театре в Москве «Дмитрий Самозванец» возобновлялся в 1872 г. в бенефис К. П. Колосова, в 1881 г. в бенефис М. В. Лентовского, в 1892 г. в бенефис О. А. Правдина, в сезон 1909–1910 г. выдающимися исполнителями ролей были: Самозванца – А. И. Южин, А. А. Остужев; В. Шуйского – О. А. Правдин, калачника – К. Н. Рыбаков, Марфы – М. Н. Ермолова и др. (см. «Ежегодник императорских театров», сезон 1892–1893 г., стр. 281–288).

В Александрийском театре в Петербурге постановки «Дмитрия Самозванца» осуществлялись в 1896 г. в бенефис Е. Н. Жулевой (шли две картины: 3-я – Золотая палата и 5-я – Шатер в селе Тайнинском), в сезон 1902–1903 г. Позднейшими исполнителями здесь были: Самозванец – Р. Б. Аполлонский, П. В. Самойлов, Ю. М. Юрьев; Марфа – А. М. Дюжикова 1-я; В. Шуйский – П. Д. Ленский, А. Е. Осокин; калачник – А. И. Каширин и др. (см. «Ежегодник императорских театров», сезон 1902–1903, вып. 13, стр. 25–40).

Примечания

1

Ваше величество! (франц.)

2
клянусь богом! (польск.)

3
Да здравствует император! (франц.)

4
Кричите: «Да здравствует император!» (нем.)

5
Тебя, бога, хвалим! (лат.)

6
отец! (лат.)

7
Слуга (от польск. *raschołek*)

8
непобедимейший монарх! (лат.)

9
только Бог наш! (лат.)

10
разумеется (лат.).

11
римский папа (лат.)

12
Житые люди – среднее сословие между боярами, первостатейными гражданами и черным людом.

13
из хама не будет пана (польск.)

14
Аминь! (лат.)

15
Вы, негодяи (нем.)

16
Это их атаман! (нем.)

17
Благодарим (польск.).

18
Рокош – крамола, измена, мятеж

сочинений в шестнадцати томах. Том 4. Пьесы 1865–1867. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e

19 черт возьми! (польск.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!